

63.3(4 ИТ2)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И.В. ГРИГОРЬЕВА

ИТАЛИЯ в XX веке

ДРОФА

ИТАЛИЯ

Официальное название государства —
Итальянская Республика

Площадь — 301,3 тыс. км²

Население — 57,6 млн чел. (2003)

Официальный язык — итальянский

Столица — Рим

Население — 3,5 млн чел. (2003)

И.В. ГРИГОРЬЕВА

ИТАЛИЯ

в XX веке

Допущено
Министерством образования
и науки
Российской Федерации
в качестве
учебного пособия
для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся
по специальности «История»
в области гуманитарных
и социальных наук

Д р о ф а

МОСКВА · 2006

УДК 94(450)"19"
ББК 63.3(4Ита)6я73
Г83

Рецензенты:

кафедра истории и географии Московского государственного лингвистического университета (зав. кафедрой проф. С. А. Реутова);

кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. Е. Ф. Язков);

д-р ист. наук Н. П. Комолова (Институт всеобщей истории РАН)

Григорьева, И. В.

Г83 Италия в XX веке : учеб. пособие для вузов / И. В. Григорьева. — М. : Дрофа, 2006. — 256 с. : ил., 16 л. цв. вкл.

ISBN 5-7107-8195-9

В пособии представлена история Италии в XX веке. Прослежены закономерности внутри- и внешнеполитического развития государства, эволюция политических партий. Дан обзор социально-экономической и культурной жизни страны. Пособие создано на основе широкого круга источников с учетом последних теоретико-методологических исследований в области новейшей истории.

В книге даны физическая и политико-административная карты Италии, приведены сведения об областях и провинциях, а также краткая хронология.

Для студентов исторических факультетов университетов, педагогических вузов и институтов иностранных языков, где изучается курс истории зарубежных стран, а также для учащихся колледжей, лицеев и гимназий гуманитарного профиля в качестве учебного пособия по страноведению.

УДК 94(450)"19"
ББК 63.3(4Ита)6я73

Учебное издание

Григорьева Ирина Владимировна

ИТАЛИЯ В XX ВЕКЕ

Учебное пособие для вузов

Зав. редакцией *Н. Е. Рудомазина*. Ответственный редактор *Н. Е. Орехова*
Художественное оформление *В. В. Голубева*. Технический редактор
И. В. Грибкова. Компьютерная верстка *Е. Ю. Пучкова, Л. Ю. Рузина*
Корректор *И. В. Андрианова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.

Подписано к печати 31.10.05. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16+1,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2399.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сушеский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа» обращаться по адресу: 127018, Москва, Сушеский вал, 49. Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник». 109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазины «Переплетные птицы»: 127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.
Тел. (095) 912-45-76; 140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,
ул. Октябрьской революции, 366/2. Тел.: (095) 741-59-76.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 5-7107-8195-9

© ООО «Дрофа», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. ЗА ПОРОГОМ НОВОГО СТОЛЕТИЯ	
Смена внутривластного курса («либеральная эра» Дж. Джолитти)	11
Процесс становления политических партий	18
Культура и интеллектуальная жизнь. «Эпоха журналов»	28
В преддверии «Великой войны»	36
Глава 2. ИТАЛИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
Нейтралитет или присоединение к Антанте?	41
Италия в войне	47
Глава 3. КРУШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	
Итоги войны и кризис итальянской политической системы	58
«Красное двухлетие»	61
Фашистское движение: идеология и массовая база	68
Приход фашизма к власти	71
Глава 4. НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ФАШИЗМА	
Первые шаги к фашизации государства	77
Фашизм и стабилизация капитализма	79
Фашизм и антифашистская оппозиция в период «кризиса Маттеотти»	82
Контрнаступление фашизма	88
Политика фашизма в сфере культуры. Интеллигенция и фашистский режим в 20-е годы	92
Глава 5. ДОСТРОЙКА ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ	
Италия и «великий кризис». Антикризисная стратегия фашизма	102
Переход к агрессивной внешней политике и милитаризация хозяйственной жизни	105
Итальянский фашизм — тоталитарная диктатура	110
Противостояние фашизму	118

Глава 6. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КОНЕЦ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Италия — «невоюющая сторона»	126
Война на стороне Германии	128
Война и антифашистские силы. Переворот 25 июля 1943 г.	134
Муссолини отстранен — что дальше?	146
Антифашистское Сопротивление	149

Глава 7. ПЕРЕХОД ИТАЛИИ К ДЕМОКРАТИИ

Навстречу Учредительному собранию	163
Итоги выборов и референдума 2 июня 1946 г.	
От Альбертинского статута к новой Конституции	170
Разрыв антифашистского единства	
и утверждение политического господства ХДП	175
Политика ХДП после отказа от антифашистского единства.	
Центризм	180
Освобождение Италии от фашизма и новые тенденции	
в итальянской культуре	187

Глава 8. НЕОКАПИТАЛИЗМ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Итальянское «экономическое чудо»	193
Политические партии в поисках новой стратегии	195
Переход к левоцентризму.	
Левоцентристская политика в действии	201
«Хотим, чтобы с нами считались!»	204

Глава 9. ИТАЛИЯ 70-Х ГОДОВ: ЗИГЗАГИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Закат левоцентризма. Республика в опасности	207
Проблема «исторического компромисса» в стратегии ИКП.	210
Политика «национальной солидарности»	212
Изменения в расстановке сил политических партий	214

Глава 10. НАВСТРЕЧУ ТРЕТЬЕМУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ

Экономические, социальные и социально-психологические	
сдвиги в Италии 70—80-х годов	217
Интеллектуальная атмосфера	220
Неоконсерватизм. Пятипартийная коалиция у власти	226
Кризис партийно-политической системы республики	229
Италия на исходе XX столетия.	232

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рекомендуемая литература	244
---------------------------------------	------------

Приложение

Краткая хронология	246
Условные сокращения	252
Указатель имен	253

Предисловие

Пособие охватывает период итальянской истории в XX в. Оно рассчитано прежде всего на студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, но может быть полезно для широкого круга читателей, интересующихся историей Италии.

В книге отражены социально-политические и экономические тенденции развития страны, ее интеллектуальная и культурная жизнь, эволюция философских течений. Всестороннее рассмотрение внутривнутриполитических проблем, анализ деятельности главных политических партий, политической системы в целом дополнены характеристикой основных направлений внешней политики Италии.

Литературы на русском языке, излагающей историю Италии в XX столетии и пригодной для использования в учебных целях, немного. Коллективный научный труд «История Италии» под общей редакцией акад. С. Д. Сказкина и пособие Н. П. Комоловой «Новейшая история Италии» вышли более 30 лет назад и доводят изложение до конца 60-х годов.

В учебниках, предназначенных для студентов высших учебных заведений, история Италии в XX в. освещалась лишь в рамках общих курсов новой и новейшей истории — в том числе и написанных с участием автора данного пособия. В нем автор опирается на свои тексты, опубликованные в этих учебниках, а всем коллегам, участвовавшим в их обсуждении, выражает искреннюю признательность за полезные советы, учтенные также и в настоящем пособии.

Автору хотелось бы вспомнить добрым словом своего наставника в далекие студенческие годы — Каролину Франческовну Мизиано. Она была дочерью одного из основателей итальянской компартии, покинувшего Италию из-за фашистских преследований. Семья Мизиано с 1924 г. постоянно жила в СССР. Каролина Мизиано положила начало созданию школы отечественных историков-итальянистов, и автору посчастливилось быть среди ее учеников одного из первых выпусков.

И. Григорьева

ВВЕДЕНИЕ

Италия лишь во второй половине XIX в. перестала быть «географическим понятием» и превратилась в единое государство современного типа. Но это поздно сформировавшееся государство унаследовало богатейшее историческое прошлое.

До сих пор в названиях некоторых местностей Италии (города Пьяченца, Таранто, область Умбрия) сохранилась память о племенах, населявших Апеннинский полуостров еще до основания Рима. На южной его оконечности и в восточной части Сицилии в VIII—VI вв. до н. э. возникли греческие колонии. Западная Сицилия была колонизована финикийцами, а затем перешла под власть Карфагена, утвердившего свое господство также и над Сардинией. Античный Рим стал центром гигантской империи, в составе которой территория современной Италии была лишь небольшой частью. По мере распространения христианского вероучения Рим, где расположилась резиденция католического первосвященника — папы, превратился в центр и важнейший символ христианства как мировой религии.

В средние века Италия оставалась политически раздробленной, многократно подвергалась чужеземному вторжению, служила объектом территориальных притязаний своих более сильных соседей — Франции, Испании, Австрии. Но итальянское средневековье вместило в себя и расцвет городов-коммун, и взлет гуманистической мысли, и открытие античной культуры, и грандиозные художественные свершения мастеров Возрождения.

Национальное самосознание итальянцев, не в последнюю очередь питаемое памятью о блестящем прошлом родной зем-

ли, начало пробуждаться к концу XVIII в. Эпоху буржуазных революций, развернувшихся в странах Запада, Италия пережила в специфической форме борьбы за освобождение части своей территории от австрийского владычества и создание единого государства. Возникшее национально-патриотическое движение получило название *Рисорджименто* и развивалось на протяжении почти столетия (объединение Италии завершилось в основном к 1861 г. и полностью — в 1870 г.).

Какой же вышла Италия из объединительного процесса и с чем вступила в XX в.?

Национальное объединение было осуществлено во взаимодействии двух политических течений, отстаивавших разные пути к этой цели. Умеренное (либеральное) течение, наиболее влиятельным лидером которого стал Камилло Бенсо Кавур, стремилось объединить государства Апеннинского полуострова «сверху» — вокруг Сардинского королевства (Пьемонта), под властью правившей в нем Савойской династии, делая ставку на войны и дипломатические комбинации. Демократическое течение — Джузеппе Мадзини, Джузеппе Гарибальди и их сторонники — выступало за объединение «снизу», посредством революционных действий (народные восстания, экспедиции добровольческих отрядов) и в форме республики. Между двумя течениями, начиная с революции 1848—1849 гг., шла с переменным успехом борьба за руководство национальным движением, но на заключительном этапе ведущую роль в нем отвоевали умеренные. Это и определило облик возникшего в итоге Рисорджименто нового итальянского государства, обычно именуемого *либеральным*.

Единая Италия (Итальянское королевство) представляла собой как бы расширенный до общенациональных рамок Пьемонт. Это была конституционная монархия, где престол принадлежал Савойской династии, а конституцией стал сохранившийся в Пьемонте с 1848 г. так называемый Альбертинский статут. Власть принадлежала сначала прямым продолжателям Кавура, а с 1876 г. — более левой либеральной группировке, к которой примкнула и часть демократов. В основу административной практики, налоговой системы и т. д. был положен пьемонтский образец. Выходцы из Пьемонта в первую очередь привлекались в состав нового управленческого аппарата.

Конституция Итальянского королевства, подобно другим либеральным конституциям того времени, провозглашала гарантию свободы личности, неприкосновенность жилища и основные гражданские права — свободу печати, собраний, равенство всех уроженцев страны перед законом. Но представительному органу — парламенту — по конституции отводилась довольно ограниченная роль. Парламент не обладал полнотой законодательной власти и делил ее с королем. Выборной была только нижняя палата (палата депутатов), верхняя же (сенат) формировалась королем, который назначал и увольнял министров. Ответственность министров перед парламентом стала входить в традицию, но не была четко оговорена как конституционный принцип.

До начала 1880-х годов правом голоса на парламентских выборах пользовалось лишь около 2% населения страны. Избирателями могли быть мужчины старше 25 лет, которые умели читать и писать (образовательный ценз) и владели собственностью, облагаемой прямым налогом не ниже определенного размера (имущественный ценз) или же принадлежали к таким профессиональным категориям, как чиновники и служащие. В результате реформы 1882 г. электорат расширился примерно втрое, однако цензовый характер избирательной системы сохранился.

С ликвидацией политической раздробленности в Италии ускорилось развитие капитализма, начался промышленный переворот, но сложившиеся поземельные отношения не подверглись сколько-нибудь глубокому преобразованию. Национально-буржуазная революция — Рисорджименто — совершилась без участия крестьянства и обошла стороной его интересы. Буржуазия, став правящим классом, не посягнула на господствовавшее в южной части страны крупное землевладение полуфеодалного типа (латифундии) и вступила в блок с помещиками-латифундистами. Отсюда возник так называемый «южный вопрос»: сохранение полуфеодалных отношений на Юге (включая Сицилию и Сардинию) обрекало этот регион на прогрессирующее экономическое и культурное отставание от более динамично развивавшегося Севера. Крестьянство, не получившее земли и отчужденное от политической жизни, питало к новым порядкам враждебность, нередко переходившую в бунтарские действия. Постоянно ощущаемая социальная напряженность подталкивала утвердившуюся у власти либеральную буржуазию к частому использованию от-

нюдь не либеральных методов (полицейские репрессии, карательные экспедиции, введение осадного положения). Ее компромисс с реакционно настроенными землевладельцами Юга порождал и другие антидемократические тенденции.

Особую, не свойственную другим странам остроту приобрели отношения между итальянским государством и католической церковью. Папа римский вплоть до объединения Италии был не только духовным главой католиков, но и носителем светской власти над территорией, находившейся в самом центре Апеннинского полуострова (Папская область). Италия могла стать единой лишь при условии ликвидации светской власти папы, что и произошло в 1870 г., когда к Итальянскому королевству был присоединен Рим. Папа Пий IX ответил на это отлучением от церкви всех, кто способствовал «узурпации» его владений, и подтвердил провозглашенный еще раньше принцип *non expedit* («не подобает»), запрещавший итальянским католикам участвовать в парламентских выборах. В свою очередь, либеральные правящие круги проводили довольно решительную антиклерикальную политику (частичная секуляризация церковной собственности, роспуск религиозных конгрегаций, придание светского характера введенному в 1877 г. обязательному начальному образованию). Конфликт с церковью (хотя и постепенно смягчавшийся) сопровождал либеральному государству до самого конца его существования, т. е. до прихода к власти фашизма.

Последнее десятилетие XIX в. было озаменовано в Италии глубоким политическим кризисом. Две фракции либералов, побывавшие у власти и носившие исторические имена «правой» и «левой», не превратились в политические партии с определенной программой и четкой организацией, различия между ними мало-помалу утрачивали смысл и стирались. В парламенте правящий лагерь был представлен довольно расплывчатыми группировками, состоявшими из приверженцев того или иного лидера. В то же время социалистическая партия, основанная в 1892 г., быстро становилась центром притяжения всех оппозиционных сил. Массовый характер приобрело движение крестьян, охватившее в 1893 г. Сицилию и направленное против латифундистов и местной администрации. Сменявшиеся у власти правительства все больше склонялись к авторитарным методам — особенно при таких премьер-министрах, как Ф. Криспи (бывший сподвижник Дж. Гарибальди) и генерал Л. Пеллú. Крестьянское и рабочее движение подав-

лялось посредством военной силы, полицейских и судебных репрессий, введения (по примеру бисмарковской Германии) исключительного закона против социалистов. Началось наступление на прерогативы парламента и гражданские свободы. Все это вместе с внешнеполитическими неудачами вызывало возмущение в обществе. Фракции парламента, оппозиционные правительственному курсу (от левых либералов до социалистов включительно), объединенными усилиями воспрепятствовали принятию очередных антидемократических законов, а в 1900 г. их кандидаты одержали победу на выборах. Вскоре в результате совершенного анархистом покушения был убит король Умберто I, с чьим именем ассоциировалось наступление реакции. Его преемник Виктор Эммануил III вступил на престол с обещанием защищать свободу и конституционные гарантии.

Бурные события «кровавого десятилетия» стали преддверием больших перемен, ожидавших Италию в начале XX в.

Глава 1

ЗА ПОРОГОМ НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Смена внутривнутриполитического курса («либеральная эра» Дж. Джолитти)

На рубеже XX столетия Италия стала уже во многом иной, хотя от эпохи Рисорджименто осталось немало нерешенных проблем. От полной погруженности в свои внутренние дела страна быстро перешла к активной внешней политике, войдя в состав Тройственного союза, созданного под эгидой Германии, и попытавшись вслед за другими европейскими странами включиться в борьбу за колонии. Качественный сдвиг, которым обычно датируется «индустриальный старт» Италии, произошел в сфере экономики: сформировавшаяся на Севере передовая по тому времени крупная промышленность с конца 90-х годов XIX в. по темпам роста вышла на одно из первых мест в Европе. В правящем блоке буржуазии и крупных землевладельцев влияние наиболее консервативной его части (латифундистов Юга) постепенно слабело. На первый план выдвинулись динамичные предпринимательские круги, стремившиеся взять на вооружение новейшие достижения в области техники и технологии производства, а отношения с рабочими строить под флагом классового сотрудничества. Такой подход диктовался тем, что рабочий класс уже не был аморфной, склонной к слепому бунтарству массой, — он превратился в организованную на политическом и профессиональном уровне силу, с которой нельзя было не считаться.

В этих условиях потерпевший поражение авторитарно-диктаторский правительственный курс сменился значительными по масштабу либеральными реформами в социальной и политической сфере. Главным инициатором и проводником новой политики стал Джованни Джолитти (1842—1928), многократ-

но возглавлявший кабинет министров, в том числе трижды — за период с 1903 г. до кануна Первой мировой войны.

Джолитти был уроженцем Пьемонта и поступил на государственную службу в 19-летнем возрасте, когда только что образовалось Итальянское королевство. С 1882 г. и до конца жизни он избирался в палату депутатов от одного и того же округа в пьемонтской провинции Кунео. Министерский пост Джолитти впервые занял в 1889 г., а пост премьер-министра — три года спустя, но в конце 1893 г. его кабинет ушел в отставку. Это произошло в разгар крестьянского движения в Сицилии, для умирения которого больше подходили политические деятели иного склада. К тому же правительство оказалось скомпрометировано вскрывшимися фактами коррумпированности некоторых министров. В конце 90-х годов XIX в. Джолитти, как лидер левых либералов, сыграл активнейшую роль в парламентской борьбе против реакционных правительственных законопроектов. В ходе этой борьбы он действовал совместно с депутатами так называемой «Крайней левой» (блок с участием республиканцев, радикалов, социалистов). Когда в 1901 г. был сформирован кабинет Джузеппе Дзанарделли, где Джолитти стал министром внутренних дел, а фактически главной политической фигурой, парламентские фракции «Крайней левой» (в том числе социалисты) проголосовали за доверие этому кабинету.

Парламентская поддержка правительства Дзанарделли — Джолитти социалистами, раньше неизменно остававшимися в оппозиции, была политическим новшеством. В 1903 г. Джолитти в связи с отставкой тяжело больного Дзанарделли возглавил кабинет и попытался пойти в сотрудничестве с социалистами еще дальше. Он предложил лидеру социалистической партии Филиппо Турати вступить в правительство, но Турати ответил отказом.

В политике Джолитти нашло характерное выражение проявившееся к началу XX в. усиление либерализма в его социально ориентированной, демократической разновидности. Он был противником

Джованни Джолитти

таких действий, которые толкают на враждебные государству позиции «классы, составляющие огромное большинство населения страны». Джолитти выступил за признание законного характера деятельности профсоюзов и свободы стачек, провозгласив принцип невмешательства государства в трудовые конфликты между рабочими и предпринимателями. Последнее означало, что против стачечников, выдвигающих экономические требования, не должна использоваться вооруженная сила государства (полиция, воинские части). Более высокий уровень зарплаты рабочих, — доказывал Джолитти, ссылаясь на опыт передовых индустриальных стран, — не противоречит, а вполне соответствует интересам промышленного прогресса.

На протяжении 1901—1904 гг. по инициативе Джолитти началось проведение реформ в социальной сфере. Был повышен возрастной минимум для допущения детей к работе на промышленных предприятиях (12 лет вместо 9) и в шахтах (14 лет вместо 10). Для детей в возрасте до 12 лет стало обязательным школьное обучение в объеме 6 классов (вместо 2—4 классов по закону 1877 г.). Для женщин-работниц был ограничен рабочий день, предусматривались льготы по беременности, а женский труд в шахтах запрещался полностью.

Рим. Дворец Монтечиторио — здание палаты депутатов итальянского парламента

Был подтвержден обязательный характер страхования рабочих на случай производственных травм (на этот счет существовал закон 1898 г., но он не соблюдался предпринимателями). Курс на социальное реформаторство выразился и в создании при правительстве таких органов, как Бюро труда, Высший совет труда (с участием профсоюзов и других рабочих организаций) и Комиссариат по делам эмигрантов. Подобная политика была направлена на общее снижение социальной напряженности, и прежде всего — на обеспечение классового мира в промышленности, в котором были заинтересованы новые, выдвинутые ускорившимся индустриальным развитием слои буржуазии.

Когда Джолитти в начале 1900-х годов пришел к власти, Италия переживала промышленный подъем. Особенно впечатляющими были успехи новых, недавно возникших отраслей: в автомобилестроении Италия уже успешно конкурировала с другими странами, производство электроэнергии за счет гидроресурсов выросло за 1900—1908 гг. в 7 раз, а итальянские электростанции считались самыми мощными и лучшими по уровню в Европе. Среди акционерных обществ стали выделяться крупнейшие, претендующие на монопольное положение — «ФИАТ» в автомобилестроении, «Эдисон» в электроэнергетической отрасли, «Пирелли» в производстве резины, «Ильва» в черной металлургии и др. Государство в годы «либеральной эры» активно поощряло процесс монополизации с помощью протекционистских тарифов на соответствующие виды товаров, предоставления ведущим компаниям льготных условий добычи сырья или выгодных правительственных заказов. Либерал в политике, Джолитти отнюдь не был приверженцем либеральной доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь. С таким курсом вполне согласовывалась и его установка на широкое государственное регулирование трудовых отношений.

Либеральные реформы Джолитти ощутимо продвигали вперед уже приблизившуюся к уровню передовых стран Северную Италию с ее динамично развивавшейся промышленностью, сильными рабочими организациями, но не затрагивали (особенно на начальном их этапе) все более отстававший в своем развитии Юг. Создание Комитета по делам эмигрантов было лишь робкой попыткой подойти к такой острой социально-демографической проблеме, как массовая эмиграция из Италии (в 1901—1909 гг. — в среднем около 300 тыс. чел.

в год), питаемая в основном южными регионами. Для Юга имела пагубные последствия экономическая политика Джолитти (государственное покровительство индустриальным магнатам Севера, отвечавший их интересам таможенный протекционизм). Провозглашенный Джолитти отказ от использования вооруженной силы в классовых конфликтах и сам по себе не был безусловным (представителям исполнительной власти на местах вменялось в обязанность пресекать действия забастовщиков, нарушающие «свободу труда» штрейкбрехеров), а на стихийные выступления южноитальянских крестьян и батраков вообще не распространялся. На Юге и в годы «либеральной эры» сохранялось засилье латифундистов, отношения клиентелы (личной зависимости от влиятельных персон), всевластие отдельных местных клик, нередко связанных с мафией и другими преступными сообществами.

Да и на главном направлении своей внутренней политики (расширение социальной опоры государства путем создания «промышленного блока», т. е. привлечение к сотрудничеству с новой промышленной буржуазией организованного рабочего класса Севера) Джолитти получал результаты, обратные желаемым. Более либеральный подход к стачкам и деятельности профсоюзов стимулировал быстрый рост профсоюзного движения, организованного как в крупные отраслевые федерации, так и в Палаты труда, которые объединяли в масштабе города или провинции местные отделения профсоюзов различных профессий. «Замирения» между рабочими и предпринимателями не последовало: в 1900-е годы число стачек и их участников выросло в несколько раз по сравнению с предыдущим десятилетием.

В сентябре 1904 г. в Италии произошла всеобщая политическая стачка, объявленная в ответ на кровавую расправу с бастующими рабочими-горняками Сардинии и сицилийскими батраками. С нее началась цепь событий, которые приведут к перерыву в правительственной деятельности Джолитти.

Реакцией на стачку стало усиление в обществе консервативных настроений и обострение разногласий внутри «Крайней левой». В этих условиях Джолитти добился проведения досрочных парламентских выборов в расчете на создание нового, более умеренного большинства в поддержку правительства. Политические силы, входившие в «Крайнюю левую», выступили на этих выборах порознь и понесли потери. В то же

время впервые после объединения Италии был снят папский запрет на участие в выборах католиков.

После выборов кабинет Джолитти стал опираться в парламенте на более консервативный блок и оказался под сильным давлением справа. В феврале 1905 г. правительство внесло в парламент законопроект, предусматривавший огосударствление железных дорог, а для их персонала — фактическое запрещение стачек (суровые санкции за «нарушение нормальной работы транспорта»). Железнодорожники вступили в борьбу за свое право на стачку, используя своеобразный метод: они вышли на рабочие места, но настолько скрупулезно выполняли все запутанные и противоречивые должностные инструкции, что это вызвало полную дезорганизацию движения (такую «работу по правилам» стали называть «итальянской забастовкой»). Джолитти не захотел компрометировать себя применением силы против железнодорожников (на чем настаивало парламентское большинство) и подал в отставку, но его преемник А. Фортис вновь внес в парламент лишь немного смягченный законопроект и добился его одобрения.

Возвращение Джолитти к власти произошло весной 1906 г., когда было создано его «долгое министерство» (1906—1909). В этот период новым моментом в его политике стало большее внимание к проблемам Юга. В 1906 г. были образованы специальные парламентские комиссии для обследования положений на Юге, год спустя они опубликовали результаты своей работы. Был принят ряд законов, относившихся к отдельным областям Юга и предусматривавших проведение дорог, строительство портов, сооружение системы водоснабжения в Апулии, развитие промышленности в Неаполе, выделены средства на оказание помощи населению в связи с постигшими Юг стихийными бедствиями: землетрясением в Калабрии (1905), извержением Везувия (1906), мессинским землетрясением (1908). Но подобные частичные меры в пользу Юга были несоизмеримы с тем, в чем действительно нуждалась эта «внутренняя колония» Италии. Именно тогда, когда у власти находилось «долгое министерство», Джолитти подвергся наиболее резкой критике из лагеря так называемых *меридионалистов* (сторонников экономического, социального, культурного возрождения Юга, по-итальянски *Meridione*): в 1909 г. был опубликован памфлет видного публициста и историка Г. Сальвемини, характеризовавший премьера как «министра-преступника».

Реформы в области трудового законодательства были продолжены введением в 1907 г. еженедельного воскресного отдыха для рабочих. В то же время «долгое министерство» Джолитти расширило сферу, в которой действовал запрет на стачки. В 1907 г. он был специальным законом подтвержден для персонала железных дорог, а по закону 1908 г. о государственных служащих распространен на все их категории, хотя тем же законом признавалось право государственных служащих на профессиональную организацию.

Новая отставка Джолитти в конце 1909 г. была связана с оппозицией в парламенте некоторым правительственным законопроектам, а его последний предвоенный кабинет находился у власти с марта 1911 по март 1914 г. Из реформ, проведенных Джолитти в это время, наиболее важными были две: принятие в 1912 г. закона о государственной монополии страхования жизни с обращением доходов от нее в фонд пенсий по старости и инвалидности и значительная демократизация избирательной системы. По избирательному закону 1912 г. мужчины в возрасте от 21 года до 30 лет получали право голоса на парламентских выборах, если были грамотными или отслужили действительную службу в армии, а после 30 лет — без этих ограничений. В результате избирательный корпус увеличился с 3,5 до 8 млн чел. Тем же законом было установлено жалование депутатов парламента.

Первые после избирательной реформы выборы в парламент прошли в 1913 г. при существенно изменившейся расстановке политических сил. При формировании правительства в 1911 г. Джолитти опять не удалось склонить к участию в нем представителя Итальянской социалистической партии (на этот раз — Л. Биссолати), но парламентская фракция социалистов поддержала правительственную программу. Однако вскоре политическому сотрудничеству Джолитти с социалистами положила конец итало-турецкая война 1911—1912 гг., которую Итальянская социалистическая партия осудила. Поэтому либеральный лагерь, возглавляемый Джолитти, стремился не допустить, чтобы ставшее практически всеобщим избирательное право сработало в пользу социалистов, и нашел союзников против них в лице католиков, которые могли рассчитывать на голоса впервые допущенных к выборам неграмотных крестьян (подробнее см. ниже).

Выборы не привели к ослаблению позиций социалистов, но создание предвыборного блока либералов и католиков на

антисоциалистической основе было многозначительным фактом. Оно свидетельствовало, с одной стороны, об известном смягчении конфликта между этими силами, восходившего к периоду объединения Италии, а с другой — о том, что в итальянском обществе нарастала поляризация по линии глубинных классовых интересов. Эту поляризацию не могла сдержать или преодолеть либеральная политика Джолитти.

Процесс становления политических партий

Поворот к либеральным реформам, связанный с именем Джолитти, наиболее очевидным образом отметил вступление Италии в XX век. Но в жизни итальянского общества назревали и другие важные изменения. К политике так или иначе приобщалась более значительная, чем раньше, часть населения. Политические течения и группировки начинали приобретать более четкую структуру.

Присмотримся прежде всего к тому, что представляли собой две силы, которые (в отличие от стоявших у власти либералов) имели массовую опору: социалистическая партия и католическое движение.

Итальянская социалистическая партия (ИСП), первоначально называвшаяся Партией итальянских трудящихся, возникла в 1892 г. на съезде в Генуе. Ее основателями были **Филиппо Турати** (1857—1932) и **Анна Кулишова** (1857—1925). Турати, адвокат по профессии, в юности испытал сильное влияние позитивизма, в то время господствовавшего в итальянской культуре. Кулишова (Анна Марковна Макаревич) начала свою общественную деятельность в России — с участия в народническом движении. Из России она эмигрировала в 1877 г. и больше на родину не возвращалась. Среди ее русских друзей были будущие члены плехановской группы «Освобождение труда», и в 80-е годы, живя в Италии, Кулишова поддерживала контакты с ними — в особенности с Верой Засулич.

К концу 80-х годов Турати и Кулишова не только были знакомы с учением К. Маркса и Ф. Энгельса, но и считали себя его приверженцами. К марксизму пришел в результате длительной идейной эволюции философ и историк, профессор Римского университета **Антонио Лабриола** (1843—1904). Он вступил в переписку с Энгельсом, начал пропагандировать марксистскую историческую концепцию в своих университетских

курсах. Лабриола не участвовал непосредственно в подготовке к созданию социалистической партии, но имел свой взгляд на то, какой она должна быть, отличный от представлений Турати и Кулишовой. Турати стремился сделать платформу партии как можно более широкой, приемлемой для всех сочувствующих социалистическим идеям, кроме анархистов — принципиальных противников политической борьбы рабочего класса и организации рабочей политической партии. Лабриола же опасался, что это откроет доступ в партию буржуазным элементам, а значит, отдалит и без того неблизкую победу над классом буржуазии. Из-за расхождений с Турати он отказался присутствовать на учредительном съезде партии и в дальнейшем посвятил себя в основном теоретической деятельности, а не практической участию в социалистическом движении.

Лабриола оставил после себя всего несколько опубликованных работ, которые, однако, дают основание считать его выдающимся мыслителем-марксистом конца XIX в. Теорию марксизма он воспринял намного глубже и точнее, чем Турати. Но если бы социалистическая партия была создана такой, как хотел Лабриола, она осталась бы малочисленной, замкнутой в себе и вряд ли выдержала бы испытания периода «кровавого десятилетия». Получилось же иначе, и в этом — заслуга Турати, оправдание *post factum* его идеи «широкой» партии. ИСП с первых своих шагов снискала симпатии в различных слоях общества. Такие симпатии не всегда означали осознанный выбор в пользу определенной концепции общественного переустройства. Они могли быть проявлением солидарности с теми, кто подвергался преследованиям и гонениям, или же стремления к социальной справедливости, отождествляемой с социализмом. Но

Филиппо Турати

так или иначе все это помогало социалистической партии выстоять под ударами реакции и способствовало росту ее влияния. В парламенте первый депутат-социалист (Андреа Коста) появился после избирательной реформы 1882 г., а в 1900 г., когда натиск реакции был отбит и оппозиция выиграла выборы, ИСП получила в палате уже 33 депутатских места.

К началу XX в. ИСП была единственной в Италии политической партией в строгом смысле слова. Она имела программу, принятую Генуэзским съездом 1892 г., определенную организационную структуру и систему членства, поддерживала связи с социалистическими партиями других стран, участвовала в конгрессах II Интернационала и дискуссиях, происходивших в международном социалистическом движении.

В условиях проводимого Джолитти либерального курса ИСП получила широкие возможности для легальной деятельности и стала рассматриваться правительством как желанный политический партнер. Это способствовало усилению внутри партии реформистского крыла, к которому принадлежал и сам ее лидер Ф. Турати. Тяга Турати и других основателей ИСП к реформизму подкреплялась тем, что марксизм они считали эволюционистской теорией, которая дополнила собой философию позитивизма и учение Ч. Дарвина.

Единомышленники Турати еще в период совместной с левыми либералами борьбы в парламенте против чрезвычайных законов увидели в Джолитти политика, с которым возможно далеко идущее сотрудничество (один из них писал тогда: «На том берегу есть человек, который понял нас»¹). Голосование парламентской фракции ИСП (состоявшей преимущественно из реформистов) за доверие правительству Дзанарделли — Джолитти обосновывалось необходимостью сохранять блок с леволиберальными кругами в защиту демократии против возможного возникновения угрозы справа. Проводимые Джолитти социальные реформы поддерживались социалистами-реформистами — в соответствии с представлением о социализме как продукте длительного эволюционного развития и о реформах как реальных шагах по пути постепенного продвижения к нему.

¹ Цит. по кн.: Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976. С. 163.

Придавая главное, если не исключительное, значение парламентской деятельности, реформисты в ИСП настороженно относились к массовым действиям любого, а в особенности политического, характера. Они имели сильные позиции в профсоюзном движении (в отраслевых федерациях, а также в созданной в 1906 г. Всеобщей конфедерации труда), и в ходе стачек с экономическими требованиями реформистские профсоюзные лидеры обычно стремились ограничить их размах, не допустить обострения борьбы и по возможности склонить обе конфликтующие стороны к уступкам и компромиссу. Против расправ «сил порядка» с участниками массовых выступлений реформисты протестовали в форме временного отказа правительству в парламентской поддержке, высказывались за то, чтобы запретить подобные действия специальным законом (что так и не было осуществлено), но лишь неохотно и во многом декларативно солидаризировались со всеобщей политической стачкой 1904 г., явившейся ответом на очередное кровопролитие.

Сотрудничая с правительством Джолитти на парламентском уровне, реформисты тем не менее не хотели участвовать в нем и дважды, как упоминалось выше, отклоняли такие предложения. В конечном счете это объяснялось опасениями, что принятие социалистическими лидерами министерских постов (подобно А. Мильерану во Франции) дискредитирует их в глазах рядовых членов партии.

О том, что опасения такого рода не были беспочвенны, свидетельствовали оппозиционные реформизму настроения в ИСП, первым выразителем которых стало синдикалистское течение, сложившееся к 1904 г. Его идеологами были социалисты-южане во главе с **Артуро Лабриолой** (1873—1959).

Итальянские синдикалисты многое восприняли от родоначальника французского анархо-синдикализма **Жоржа Сореля**, но не во всем разделяли его позиции. Они не были сторонниками полного отказа от политической борьбы, не отвергали в принципе такую форму организации, как политическая партия, и сами сначала представляли собой течение внутри ИСП. Их критика была направлена против политического действия по-реформистски — чисто парламентского, пронизанного идеей сотрудничества во имя демократии с прогрессивными фракциями буржуазии. Синдикалисты противопоставляли этому классовую непримиримость и прямое массовое действие в экономической и политической сфере. Для них было неприемле-

мо и реформистское истолкование марксизма как теории, согласно которой ход общественного развития зависит только от объективных закономерностей и не подвластен воле людей. Сами синдикалисты, наоборот, преувеличивали возможности волевого воздействия на объективные условия и искали у Маркса аргументы в подтверждение этой точки зрения.

Именно по инициативе синдикалистов в 1904 г. была начата всеобщая стачка, в которую включились и другие политические силы. В стачках экономического характера и в профсоюзном движении синдикалисты также проявляли значительную активность. Опорой их влияния в профсоюзах были преимущественно Палаты труда, которые по сравнению с отраслевыми федерациями отличались более боевым духом. Но стачки рассматривались синдикалистами не столько как средство достижения определенных целей, сколько как своеобразная «революционная гимнастика». Поэтому синдикалисты зачастую вступали в борьбу безрассудно, не взвешивая шансов на успех и не задумываясь о цене поражения.

В 1908 г. на очередном съезде ИСП реформисты добились исключения синдикалистов из партии. Но питавшие синдикализм настроения (стихийное неприятие реформизма, склонность к бескомпромиссным, решительным действиям) на низовом партийном уровне продолжали существовать и теперь искали себе другое выражение. На этой основе в ИСП стало складываться течение, оформившееся организационно в так называемую «революционную фракцию» со своим Центральным комитетом и печатным органом. Эта фракция выступала против реформистской политики сотрудничества с либеральным правительством, демонстративно подчеркивала свою приверженность учению Маркса, поддерживала контакты с левыми в германской социал-демократии.

Дальнейшее обострение борьбы течений в ИСП произойдет в 1911 г. в связи с событиями, о которых речь еще предстоит. Мы вернемся к этому ниже.

Попытки «диалога», исходившие и от Джолитти, и от социалистов-реформистов, не означали, что ИСП перестала быть силой, оппозиционной либеральному государству. Но ее оппозиционность вписывалась в общие с либерализмом рамки светской и антиклерикальной идеологии. По этой линии правящему лагерю противостояли в начале XX в. не социалисты, а католики.

В свое время сторонником либеральной формулы «свободная церковь в свободном государстве» (т. е. по существу — отделения церкви от государства и свободы каждой из сторон в своей сфере деятельности) был Кавур, но при создании Итальянского королевства он не смог добиться осуществления своей идеи. Альбертинский статут 1848 г., ставший общепризнанной конституцией, объявлял католическую религию государственной, другие же культы — лишь терпимыми в соответствии с законом. Это, однако, не избавило объединенную Италию от конфликта с папским престолом: Пия IX (годы pontifikata 1846—1878) волновал не конституционный статус католической религии, а «римский вопрос». Папа отверг предложенный в 1871 г. итальянским правительством «закон о гарантиях», согласно которому ему обеспечивалась свобода в осуществлении функций духовного главы католиков, ежегодная выплата 3 млн лир по «цивильному листу», право на дипломатические сношения с иностранными государствами, но при этом папские владения ограничивались лишь Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и двумя загородными виллами. Себя Пий IX объявил пленником итальянского государства, «ватиканским узником», отказавшись покидать пределы Ватикана до тех пор, пока «римский вопрос» не будет решен.

Политическое поведение верующих католиков жестко регламентировалось папским запретом на их участие в парламентских выборах. Впрочем, этот запрет имел реальное значение только для тех из них, кто подходил под требования цензовой избирательной системы. Вплоть до избирательной реформы 1912 г. масса крестьян была отстранена от выборов по причине неграмотности, да и вообще мало интересовалась политикой.

Но принцип *non expedit* относился лишь к парламентским выборам и не распространялся на выборы в муниципалитеты и другие органы, ведавшие местными проблемами. Католики могли не только участвовать в их избрании, но и быть избранными. Мирская деятельность католиков в муниципальной сфере на почве насущных нужд населения была немаловажным подкреплением идеологического воздействия церкви, осуществлявшегося через приходских священников.

Первые католические ассоциации, возникшие в Италии после объединения, стояли на платформе непримиримой оппозиции либеральному государству и принципам либерализма вообще, официально осужденным Пием IX в числе других

«современных заблуждений». Они охватывали представителей духовенства и мирян и выдвигали такие цели, как защита утраченных папой прерогатив, воспитание молодежи в духе религиозных ценностей, противодействие светскому образованию и т. д. На местах кое-где существовали католические общества взаимопомощи, создавались сельские кассы, которые позднее получают широкое распространение. С 1874 г. стали созываться католические конгрессы, где наряду с теологическими проблемами обсуждались проблемы социальные. Из этих конгрессов выросла имевшая постоянный характер общенациональная организация католиков под труднопереводимым названием «Опера деи конгресси», в составе которой действовали различные секции.

В канун XX в. в католическом лагере обозначились новые тенденции. Отношения между папским престолом и итальянским государством в годы понтификата Льва XIII (1878—1903) отнюдь не улучшились. Но в условиях повсеместного утверждения в странах Запада буржуазных общественных отношений церковь уже не могла, как прежде, надеяться на реставрацию «старого порядка». Она приняла как факт существование капиталистического общества и искала свое место в нем, стремясь дистанцироваться от нового правящего класса и одновременно противостоять воздействию на массы социалистических идей. В энциклике Льва XIII «*Rerum novarum*» (1891) были провозглашены основные принципы социальной доктрины католицизма — осуждение как эксплуатации, так и классовой борьбы, признание незыблемости частной собственности, призыв к смягчению существующего социального неравенства действиями в духе сотрудничества классов, христианского милосердия и солидарности. Итальянским католикам эта энциклика дала мощный стимул к усилению социального аспекта их деятельности. Начали создаваться католические профсоюзы, кооперативы и другие организации, укоренявшиеся в рабочей и крестьянской среде. Католическое движение стало массовым и разветвленным. По данным на 1897 г., только в составе «Опера деи конгресси», охватывавшей не всех организованных католиков, насчитывалось 188 епархиальных и 3892 приходских комитета, 841 молодежная организация, 688 рабочих обществ, 588 сельских касс и т. д. Вошло в обиход понятие «христианская демократия», впервые употребленное в 1894 г. в программном документе Католического союза по изучению социальных наук, где эта

формула была противопоставлена социализму и классовой борьбе. Сам документ назывался «Программа католиков в противовес социализму». «Наша конечная цель, — говорилось в нем, — это не война, но мир, который должна нам принести христианская демократия XX века...»¹

Христианские демократы выступали внутри католического движения с наиболее радикальных позиций — вплоть до идеи создания светской, независимой от церковной иерархии политической партии католиков. Ее особенно активно отстаивали два христианско-демократических идеолога — Ромоло Мурри (1870—1944) и Луиджи Стурцо (1871—1959).

Оба они были священниками. Мурри принадлежал к приверженцам модернизма — течения, первоначально возникшего в католических кругах Франции и выступавшего за реформирование церковной организации и поворот католицизма в сторону современной культуры. Объединение итальянских католиков в партию и их включение в политическую жизнь (что шло вразрез с официальными установками церкви) Мурри мыслил как составную часть этого процесса обновления. При папе Пие X (годы понтификата 1903—1914) модернизм был признан ересью и в 1907 г. осужден специальной энцикликой. Для Мурри это повлекло за собой отстранение от обязанностей священника, а в дальнейшем — отлучение от церкви. В отличие от Мурри, Стурцо не был связан с модернизмом. Это избавило его от таких санкций, каким подвергся Мурри, хотя Стурцо все же пришлось после осуждения модернизма на некоторое время уйти в тень. Реальным основателем католической партии в Италии станет именно он, но это произойдет позднее и в иных условиях — после Первой мировой войны.

В руководстве «Опера деи конгресси», президент которой с 1901 г. назначался папой, преобладали противостоявшие христианским демократам католические

Луиджи Стурцо

¹ Цит. по кн.: Кин Ц. И. Италия конца XIX в.: Судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 146.

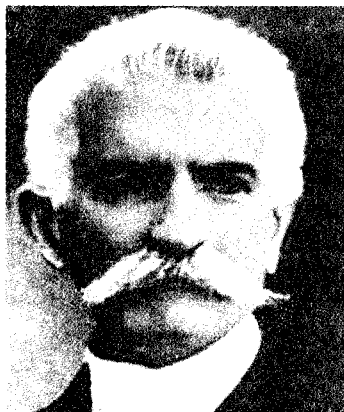
деятели консервативной ориентации. Но в 1903 г. на XIX ассамблее «Опера...» разгорелись острые дискуссии, показавшие, что влияние консерваторов слабеет. Это побудило Пия X сначала «призвать к порядку» христианских демократов, потребовав от них строжайшего подчинения церковным властям, а затем — распустить «Опера деи конгресси» (1904). Вместо нее были созданы три новые организации, контролировавшиеся епископатом: Народный союз, Социально-экономический союз итальянских католиков (на основе Второй секции «Опера...») и Итальянский католический избирательный союз. Последний был учрежден в августе 1904 г. как объединение уже существовавших ассоциаций католиков для участия в муниципальных выборах. Но вскоре — после сентябрьской всеобщей забастовки и назначения на ноябрь досрочных выборов в парламент — союз стал действовать в новой ситуации, созданной молчаливым отказом папы от принципа *non expedit*. Формально Пий X не отменил его (Ватикан обычно избегает подобных шагов), но разрешил католикам «поступать согласно своей совести», а епископам дал право самим решать, какую позицию в отношении выборов следует рекомендовать пастве.

Участия католиков в выборах добивалась часть католической общественности. Католические деятели, стоявшие на этой точке зрения, перед выборами 1904 г. встретились с папой и провели негласные переговоры с представителями правительства. Джолитти принял начавшееся включение католиков в избирательную борьбу вынужденно, под давлением обстоятельств, а не по убеждению в принципиальной необходимости сближения либерального государства и католических сил. Голоса католиков были отданы в поддержку консервативно настроенных кандидатов, исход выборов (как уже упоминалось) осложнил отношения Джолитти с парламентом и в конечном счете способствовал его отставке в 1905 г.

Новый этап во взаимоотношениях католиков с правительственным лагерем связан с выборами 1913 г., в которых впервые имели право участвовать практически все взрослые мужчины — в том числе и неграмотные. Это открыло доступ к избирательным урнам крестьянству, составлявшему массовую базу католического движения и послушному слову приходских священников. Католики могли получить на выборах значительное количество голосов. Между тем социалисты, которые также выигрывали от демократизации избирательной системы, в последние годы «либеральной эры» превратились

в главного политического противника Джолитти. В этих условиях Джолитти пошел на негласную договоренность с лидером Католического избирательного союза графом В.-О. Джентилони, известную под названием «пакта Джентилони — Джолитти». Речь шла о том, что католики обязуются поддержать своими голосами правительственных кандидатов против кандидатов-социалистов. По данным, опубликованным после выборов в прессе и исходившим от Ватикана и самого Джентилони, благодаря поддержке католиков в палату прошли 228 депутатов-либералов. 29 депутатских мест завоевали сами католики.

Среди представленных в палате этого созыва 304 либералов большинство составляли сторонники Джолитти, но были и приверженцы более консервативного направления. Один из лидеров правого крыла либералов **Сидней Соннино** (1847—1922) стал известен еще в 70-е годы XIX в. обстоятельным исследованием аграрных отношений в Сицилии (предпринятым совместно с Леопольдо Франкетти), из которого явствовало, что сохранение системы латифундий небезопасно для нового правящего класса. Ему же принадлежала на шумевшая статья «Вернемся к Статуту» (1897), которую подняли на щит сторонники ограничения прав парламента. Соннино имел опыт министерской деятельности, дважды (в 1906 и 1910 гг.) на короткое время становился премьером. Он снискал репутацию альтернативной по отношению к Джолитти политической фигуры и обычно выдвигался вперед тогда, когда Джолитти оказывался не у дел. К правым либералам принадлежал и **Луиджи Альбертини** (1871—1941), в 1900 г. возглавивший редакцию влиятельной миланской газеты «Коррьере делла Сера», которая при нем стала играть особенно важную роль в формировании общественного мнения и в политической жизни. Оставаясь правящей партией, либералы в период до Первой мировой войны не пытались, однако, консолидировать свои силы на строго партийной основе. Наличие в их среде разных фракций пока еще помогало им лавировать и сохранять в своих руках правительственную власть.

Сидней Соннино

Такие политические течения, как республиканское и радикальное, имели определенный вес в парламенте, составляя часть «Крайней левой», и считались партиями, но фактически существовали только на парламентском уровне. Исторически те и другие были связаны с республиканской традицией в Рисорджименто (Мадзини). Они разошлись между собой после объединения Италии по вопросу об участии в парламенте монархического государства: республиканцами стали называться те, кто сначала отрицал допустимость такого участия, радикалами — те, кто уже в первой половине 70-х годов признал ее. Среди радикалов яркой личностью был Феличе Каваллотти — участник походов Гарибальди, известный как литератор, с 1873 г. избиравшийся в парламент и активно выступавший против реакционного курса Криспи. Но его политическая деятельность внезапно и нелепо оборвалась в 1898 г., когда он погиб на дуэли. В начале XX в. ни республиканцы, ни радикалы не выдвинули значительных лидеров. В палате депутатов, избранной в 1913 г., радикалам принадлежало 73 места, республиканцам из двух разных групп — 17.

Таким образом, до Первой мировой войны политические течения, истоки которых относились к эпохе Рисорджименто, так и не превратились в устойчивые партийные структуры. Формирование партий в Италии уже происходило, но на основе «внесистемных» по отношению к либеральному государству движений — социалистического и католического.

Культура и интеллектуальная жизнь. «Эпоха журналов»

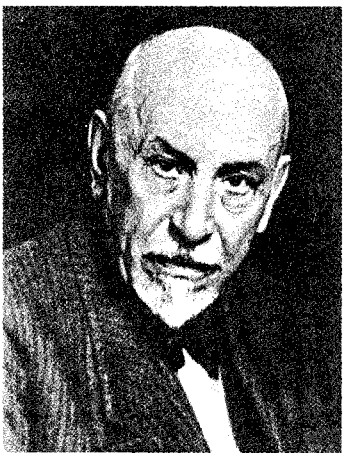
К началу XX в. в идейно-культурной сфере жизни Италии нашли отражение сдвиги в общественных настроениях, связанные с разочарованием в результатах Рисорджименто, переходом от героики освободительной борьбы с ее высокими идеалами к будничной, не соответствовавшей ожиданиям действительности. Это в особенности относилось к литературе и искусству, где на смену романтической приподнятости пришло стремление изображать действительность без прикрас, в ее истинном виде, включая и темные, неприглядные стороны.

Направление в художественном творчестве, следовавшее подобным принципам, существовало и в других странах (в частности, во Франции) и обычно именуется натурализмом, в Италии же получило название *в е р и з м а* (от *vero* — истинный, правдивый). Оно сложилось здесь в последние десятиле-

тия XIX в., заявив о себе новеллами и романами **Джованни Верга** (1840—1922), первыми и наиболее известными операми **Пьетро Масканьи** (1863—1945) и **Руджеро Леонкавалло** (1857—1919) и т. д. Влияние веризма испытал в 1890—1900-е годы **Луиджи Пиранделло** (1867—1936), в то время выступавший как прозаик, позднее прославившийся как драматург. К веристской традиции в опере примыкало (по крайней мере, отчасти) творчество **Джакомо Пуччини** (1858—1924), в основном развернувшееся в XX в. На рубеже XIX—XX вв. произведения композиторов-веристов вышли на театральные подмостки ряда стран (в том числе России). Итальянская оперная сцена блистала всемирно известными именами мастеров вокального искусства.

Итальянский театр эпохи **Рисорджименто** играл огромную роль в пробуждении гражданских чувств (то, что звучало со сцены, часто так или иначе ассоциировалось публикой с борьбой за свободу Италии и вызывало настоящие патриотические манифестации в зрительных залах). На судьбах театрального искусства не могло не отразиться общее изменение идейно-эмоционального климата в стране, последовавшее за национальным объединением. Высокая трагедия, отвечавшая духу **Рисорджименто**, уже не занимала прежнего места в театральной жизни итальянцев. С конца XIX в. театр — не только оперный, но и драматический — испытывал влияние веризма. Оно проявлялось и в выборе репертуара, и в том, как раскрывались актерами характеры действующих лиц.

Писатели-веристы, открывшие для итальянской литературы со-

*Джованни Верга**Луиджи Пиранделло*

диальную тематику и образ «маленького человека», многие свои сюжеты черпали из жизни итальянского Юга, а часто и сами были южанами. Их эстетическим установкам соответствовало пристальное внимание к местному колориту изображаемого. Этой своей особенностью веристская литература была созвучна одной из интереснейших традиций итальянского театрального искусства — существованию наряду с театром на итальянском языке театра на диалектах. Диалектальный театр генетически связан с комедией масок и существовал в различных областях Италии задолго до того, как она стала единым государством. Но и после объединения страны литературный итальянский язык не вытеснил диалекты: они остались средством повседневного общения простого народа, особенно в деревне. Утверждают, что вся Италия научилась итальянскому языку лишь с распространением телевидения, т. е. во второй половине XX столетия, однако и это не означает исчезновения диалектов. Тем более заметной была их роль в итальянской культуре начала XX в. Диалектальный театр имел глубоко народные корни, его репертуар был разнообразен (с преобладанием комедийного жанра), актеры часто импровизировали на сцене, что вызывало живой отклик зрителей. Сицилийский театр на диалекте в 1901—1911 гг. с успехом гастролировал не только по разным городам Италии, но и за ее пределами — в Германии, России, Франции, Англии, США, странах Южной Америки.

Декадентство, появившееся как особое направление в искусстве на исходе XIX в., не было специфически итальянским явлением, но имело в Италии

своих представителей. Наиболее известный из них — поэт, прозаик, драматург **Габриеле Д'Аннунцио** (1863—1938). Декадентство возникло в противовес реализму и натуралистическим тенденциям, для него были характерны тяготение к эстетической утонченности, культ подсознательного, мистические мотивы. Все это присутствовало и у Д'Аннунцио в сочетании с прославлением насилия, крови, войны, а также воспринятой от Ф. Ницше идеей сверхчеловека. Другой разно-

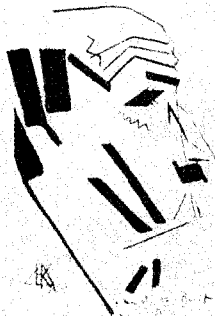

Габриеле Д'Аннунцио

видностью декадентства стала в Италии так называемая «сумеречная» поэзия, пронизанная (в отличие от творчества Д'Аннунцио) не волюнтаристским духом агрессии, а настроениями пассивности, стремлением уйти в замкнутый мир патриархальной обыденной жизни.

Перед Первой мировой войной стало модным еще одно идейно-культурное течение — футуризм, который возник именно в Италии, хотя его зачинатель **Филиппо Томмазо Маринетти** (1876—1944) жил большей частью в Париже и писал по-французски. Футуристы (от *futuro* — будущее) поднимали на щит все, что, с их точки зрения, в начавшемся XX в. символически предвещало будущее, — скорость, технический прогресс, новейшие средства передвижения (автомобиль, аэроплан), индустриальный облик крупных городов. В первом же своем манифесте (1909) они устами Маринетти декларировали полный и бесповоротный разрыв с предшествующей культурой, заявив о намерении воспеть вместо задумчивой неподвижности, экстаза и сна «агрессивное движение, лихорадочную бессонницу, стремительный марш, сальто-мортале, оплеуху и кулак», «разрушить музеи, библиотеки, всевозможные академии». Там же говорилось: «Мы хотим прославить войну — единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм»¹. В Италии футуризм проявил себя не только в литературе, но и в изобразительном искусстве. Творчество футуристов скандализировало благонамеренную буржуазную публику, но вызывало интерес тех, кто искал новые идеалы, созвучные XX столетию.

Состояние итальянской культуры в начале XX в. было тесно связано с кризисом позитивизма. Италия достигла единства в период, когда влияние позитивизма преобладало повсюду в Европе. В самой Италии в последние десятилетия XIX в. под знаком позитивизма развивались не только естественные, но и гуманитарные науки. На позитивистских позициях стояла значительная часть

Филиппо Томмазо Маринетти.
Рисунок Н. Кульбина

¹ Цит. по кн.: Кин Ц. Миф, реальность, литература. М., 1968. С. 46.

университетской профессуры. Духу позитивизма как философии и научной методологии были близки идейно-эстетические принципы веризма.

Но в начале XX в. позитивизм стал утрачивать свое господствующее положение в итальянской культуре. Еще в 1893 г. Д'Аннунцио выступил с громогласной критикой философии позитивизма и натуралистической эстетики. Вместо позитивистского культа науки, основанной на данных опыта, появилось увлечение мистикой и иррационализмом. Начали распространяться идеи Ф. Ницше, А. Бергсона и других философов, так или иначе противостоявших позитивизму. Самым же сильным противником позитивизма выступило итальянское неогегельянство, представленное именами Бенедетто Кроче (1866—1952) и Джованни Джентиле (1875—1944).

Кроче — южанин по происхождению. Почти вся его жизнь прошла в Неаполе, где еще в XIX в. гегельянство имело последователей во главе с Берtrandо Спавентой. Философская концепция Кроче сложилась в 1900-е годы. Он осуществил (воспользуемся принятым в литературе термином) «реформу» гегелевской философии. Кроче считал, что следует преодолеть свойственный Гегелю дуализм в подходе к проблеме «дух — материя», и пришел к выводу об абсолютно духовной природе действительности. Иными словами, Кроче не мыслил действительность в отрыве от сознания и деятельности людей, как нечто внешнее по отношению к человеку. Эта позиция кардинально расходилась с позитивистским миропониманием, согласно которому и природа, и общество развиваются по естественным законам эволюции, действующим независимо от человека и его воли.

Бенедетто Кроче

Философские идеи Кроче находили отражение и в других сферах его интересов (исторические исследования, проблемы теории исторического процесса, эстетики, литературной критики и т. д.). Важнейшим проводником влияния Кроче на развитие итальянской культуры стал основанный им в 1903 г. в Неаполе журнал «Критика». Большая часть публиковавшихся в издании материалов принадлежала перу самого Кроче. По своим

политическим симпатиям Кроче являлся либералом, в 1910 г. он вошел в состав сената.

Джентиле, как и Кроче, был неогегельянцем, но «реформировал» Гегеля гораздо более радикально. Он считал реальным лишь то, что мыслится в данный момент, а сам акт мысли рассматривал как ничем не обусловленный, «чистый» акт. Отсюда название философии Джентиле: философия чистого акта, или *а к т у а л и з м*. Помимо философии, Джентиле много занимался проблемами педагогики. С Кроче он сотрудничал, выступая на страницах «Критики». В тот период Кроче и Джентиле были, по выражению Кроче, «философами-друзьями».

Позитивизм сохранил господство в социологии, которая именно с ним была связана своими истоками. В Италии возникла получившая международное признание школа политической социологии, которой в конце XIX в. положили начало **Гаэтано Моска** (1858—1941) и **Вильфредо Парето** (1848—1923). Их наиболее значительный вклад в социологию состоял в изучении отношений власти в обществе и заключался в анализе организации и функционирования правящего меньшинства, которое Моска называл «политическим классом», а Парето — «элитой» (оба термина близки по содержанию и вошли в широкое употребление у политологов). Как Моска, так и Парето скептически относились к принципам представительного правления. Моска в первой же работе (1883) выступил с критикой парламентаризма и в дальнейшем был в политическом отношении близок к консервативному крылу либералов. В начале XX в. он сотрудничал с Альбертини, печатаясь в «Коррьере делла Сера», а как депутат парламента (с 1909 г.) возражал против предложенной Джолитти реформы избирательной системы.

Большую роль в культурной жизни Италии всегда играли влиятельные журналы. Но применительно к концу XIX — началу XX в. принято говорить о так называемой «эпохе журналов»: в это время отмечался невиданный расцвет периодических изданий, которые обращались к злободневным для общества темам, способствовали «обкатке» различных по направленности новых идей и кристаллизации первоначального ядра их приверженцев.

Уже упоминался журнал Кроче «Критика», ставший своего рода знаменем тех, кто стремился к обновлению итальянской культуры в антипозитивистском духе. Против позитивизма выступал и литературно-философский журнал

«Леонардо», издававшийся в 1903—1907 гг. во Флоренции писателями Джузеппе Преццолини (1882—1982) и Джованни Папини (1881—1956). Они принадлежали к поколению, которое начинало свой жизненный путь уже после завершения Рисорджименто и воспринимало идеалы той эпохи как нечто абстрактное и далекое. Платформа «Леонардо» отражала поиски новых ориентиров в среде интеллигенции. В философском отношении журнал тяготел к идеям Бергсона, Ницше, представителей прагматизма. После прекращения издания «Леонардо» Преццолини основал в 1908 г. новый журнал — еженедельник «Воче», который также был открыт разным идейно-культурным веяниям. Папини какое-то время участвовал в его деятельности, но затем сблизился с футуристами и в 1913 г. вместе с Арденго Соффичи (1879—1954) приступил к изданию двухнедельного журнала «Лачерба». Этот журнал, агрессивно проповедовавший отказ от всяких традиций в литературе и искусстве, стал рупором футуристических идей: в нем был опубликован один из манифестов Маринетти; на позиции футуризма перешел и Соффичи, ранее получивший известность как поэт «сумеречного» направления.

В публицистике начала XX в. продолжалось активное обсуждение проблем экономического и культурного развития Юга, т. е. преобладала меридионалистская традиция. Меридионализм имел разные оттенки — от консервативного (Соннино) до демократического, идеологом которого был Гаэтано Сальвемини (1873—1957), автор упомянутого выше памфлета против Джолитти. В 1911 г. Сальвемини основал журнал «Унитар», вокруг которого объединились меридионалисты по преимуществу демократического крыла.

На этом общем фоне все более отчетливо выделялась новая и весьма опасная тенденция: формирование националистической идеологии. Оно началось практически одновременно с первыми шагами Италии по пути колониальных захватов в Африке. Одним из провозвестников национализма стал Альфредо Ориани (1852—1909) — автор романов веристского направления и политический писатель. В его объемистом труде «Политическая борьба в Италии» (1892) прозвучал мотив, который займет важное место в арсенале националистической пропаганды, — призыв возратить Италии величие и славу античного Рима, включавшего в орбиту своего влияния всю африканскую цивилизацию: «Италия написала в Африке слишком много глав своей древней истории, чтобы не вернуться

туда теперь в ходе завоевательной войны, которую столь активно возобновила Европа в начале нашего века»¹. Колониальная война 1895—1896 гг. с целью завоевания Эфиопии поддерживалась выходившими в то время журналами «Конвито» и «Марцокко». Среди основателей последнего был будущий главный идеолог итальянского национализма **Энрико Коррадини** (1865—1931). Националистическими идеями уже в 90-е годы окрашивалось творчество Д'Аннунцио.

В 1903 г. Коррадини основал журнал-еженедельник «Реньо», целью которого откровенно объявил борьбу за будущее величие Италии и против тех, кто повинен в «унизительном» для нее существующем положении, — социалистов, апеллирующих к «самым низменным инстинктам» масс, и стоящих у власти либералов. Такая органическая связь национализма с антисоциалистическими, антилиберальными и антидемократическими тенденциями также весьма знаменательна. Она прослеживается и в том, что среди сторонников «Реньо» отмечалось влияние идей Моски (точкой соприкосновения могло быть, в частности, отношение к неравенству как естественному закону природы).

Коррадини воспринял и стал активно пропагандировать представление об итальянцах как о бедной нации, борющейся за свое место под солнцем против богатых «плутократических» наций. Но первым подобную мысль высказал не он, а поэт-«сумеречник» **Джованни Пасколи** (1855—1912). Когда-то он ненадолго присоединился к социалистическому движению, хотя в его понимании социалистических идей уже была примесь национализма. Это кратковременное увлечение социализмом и оставило свой след в созданном Пасколи образе Италии, который войдет в концепцию националистов: пролетарская нация, «великая пролетарка».

С созданием в 1910 г. Националистической ассоциации движение националистов оформилось организационно. Они обзавелись и своим печатным органом — еженедельником «Идея национале», который начал выходить в 1911 г., а три года спустя превратился в ежедневную газету. На роль теоретика национализма к этому времени выдвинулся **Альфредо Рокко** (1875—1935) — профессор-правовед, в прошлом симпатизировавший социалистам, затем перешедший к радикалам,

¹ *Oriani A. La lotta politica in Italia. Ed. 4-a, vol. III. Bologna, 1939. P. 404.*

а в 1914 г. выступивший с систематическим изложением доктрины националистов («Что такое национализм и чего хотят националисты»). На выборах 1913 г. националисты провели в парламент 6 своих депутатов.

Национализм был наиболее ядовитым продуктом процесса интеллектуального брожения, который охватил Италию в 1900-е годы. Этот процесс сопровождался частой сменой идейных позиций и чем дальше, тем отчетливее приобретал болезненный оттенок. Сфера культуры как чуткий сейсмограф реагировала на назревавшие в глубинах общественного организма потрясения, навстречу которым шла Италия.

В преддверии «Великой войны»

Великодержавная националистическая агитация подтолкнула правящие круги Италии к новой «пробе сил» в колониальной политике — войне 1911—1912 гг. с Турцией за ее североафриканские владения (Триполитанию и Киренаику). К захвату этих территорий Италия готовилась исподволь, заручившись обещанием не противодействовать ему со стороны Франции (1901), Англии (1902), Австро-Венгрии (1902), России (1909).

Австро-Венгрия, как и Италия, являлась членом возглавляемого Германией Тройственного союза, но их отношения с самого начала союзничества были весьма напряженными из-за пограничных территорий (Триест и Южный Тироль), где значительный процент населения составляли итальянцы. В Италии еще в 80-е годы XIX в. возникло движение за присоединение этих земель, считавшихся «неискупленными», т. е. не освобожденными в ходе Рисорджименто (*terre irredente*, откуда название и р е д е н т и з м). В начале XX в. ирредентизм стал ответвлением набиравшего силу националистического движения. В то же время давняя вражда Италии с империей Габсбургов усилилась из-за их соперничества в экономическом проникновении на Балканы, а затем — вследствие совершенной Австро-Венгрией в 1908 г. аннексии Боснии и Герцеговины, резко нарушившей статус-кво в этом регионе.

Нараставшие противоречия с Австро-Венгрией все больше отталкивали Италию от Тройственного союза. Одновременно она сближалась с участницами другого блока европейских держав, окончательно сложившегося к 1907 г., — Антанты

(Англия, Франция, Россия). На исходе XIX в. была прекращена длительная таможенная война с Францией, а в начале 1900-х годов, помимо соглашения по колониальным вопросам, достигнута тайная договоренность о нейтралитете Италии в случае франко-германского конфликта. Английский король Эдуард VII в 1903 г. посетил Италию с государственным визитом. В Россию Виктор Эммануил III нанес в 1902 г. свой первый официальный визит после вступления на престол. Ответный визит Николая II намечался на 1903 г., но был отложен, так как в Италии началась кампания протеста против приезда царя и его могли встретить враждебными манифестациями. Этот визит состоялся лишь в 1909 г. — после боснийского кризиса, побудившего Италию и Россию к поискам общей линии в политике на Балканах и в отношениях с Австро-Венгрией. Свидание двух монархов произошло не в Риме, а в замке Ракониджи (Пьемонт) — летней резиденции итальянского короля, где и было подписано соответствующее соглашение.

Таким образом, к началу войны с Турцией Италия проделала значительный путь в направлении смены своей внешнеполитической ориентации. Начав военные действия в октябре 1911 г., она мотивировала это обычным для колонизаторов набором аргументов (необходимость «охраны своего достоинства и интересов», стремление вывести Триполитанию и Киренаику «из состояния беспорядка и заброшенности»). Год спустя Италия ценой большого напряжения нанесла Турции военное поражение, аннексировав Триполитанию и Киренаику и объявив их своей колонией под названием Ливия (поэтому итало-турецкую войну 1911—1912 гг. именуют еще Ливийской). Но ей не удалось закрепить за собой по мирному договору оккупированные в ходе войны Додеканесские острова в Эгейском море, хотя обязательство очистить их Италия, воспользовавшись новыми осложнениями на Балканах, так и не выполнила.

Воздействие войны на внутрисполитическую ситуацию в Италии проявилось по разным направлениям. Правительство Джолитти, пожинавшее плоды победы над Турцией, на какое-то время получило небывалую поддержку шовинистически настроенной части общества, но лишилось возможности рассчитывать на сотрудничество с влиятельнейшей левой партией — социалистами.

С началом войны ожили антимилитаристские традиции социалистического движения, закладывавшиеся еще в годы первых колониальных экспедиций, когда по инициативе депутата-социалиста А. Косты была начата кампания против посылки итальянских войск в Африку. Произошло размежевание внутри реформистского течения, которое разделилось на правых и левых реформистов. Правые реформисты во главе с Л. Биссолати и И. Бономи поддерживали войну против Турции, тогда как возглавляемые Турати левые реформисты ее осудили, обосновывая свою позицию доводами пацифистского характера. Решительно выступила против войны «революционная фракция». По ее настоянию в октябре 1911 г. в г. Модена был созван чрезвычайный съезд ИСП, принявший большинством голосов антивоенную резолюцию. Тем временем в рядах «революционной фракции» стал выдвигаться на авансцену новый лидер — Бенито Муссолини (1883—1945).

Этот человек, который всего через несколько лет станет основателем фашистского движения, а затем первым фашистским диктатором, начинал свою политическую деятельность в рядах социалистической партии, и притом — в ее левом крыле. Он происходил из области Романья, где сохранились сильные анархистские традиции. К анархизму был близок и его отец, кузнец по профессии, участник социалистического движения. Взгляды Муссолини не отличались систематичностью и последовательностью. Он был довольно поверхностно знаком с идеями К. Маркса, Ж. Сореля, Ф. Ницше, анархистских теоретиков (М. Бакунина, М. Штирнера, П. Кропоткина) и эклектически сочетал те их элементы, которые находил пригодными для собственных целей. А его цели определялись неумным честолюбием, стремлением к самоутверждению и власти над людьми. Во имя этого Муссолини мог резко менять политические позиции. Первоначальную известность он снискал публикациями в социалистической печати и своим ораторским искусством: на малоискусшенную аудиторию безотказно действовали его грозно звучащие «революционные» фразы, грубая лексика, специфические жесты и другие актерские приемы. В ИСП он увлек за собой многих из тех, кто раньше поддерживал синдикалистов. В особенности Муссолини стал популярен среди социалистической молодежи.

На съезде ИСП в г. Реджо-Эмилия (июль 1912 г.) Муссолини оказался уже центральной политической фигурой. К тому времени за правыми реформистами помимо поддержки войны с Турцией числилось участие трех парламентариев (Биссолати, Бономи и Кабрини) в верноподданнической манифестации: после неудавшегося анархистского покушения на королевскую чету в марте 1912 г. они в составе группы депутатов отправились во дворец, чтобы поздравить короля с благополучным избавлением от опасности. Этот факт и послужил официальным мотивом для исключения из ИСП трех правореформистских деятелей, что было сделано по предложению Муссолини. Сам Муссолини на съезде был избран в руководство ИСП, а несколько месяцев спустя назначен на пост главного редактора газеты «Аванти» — центрального органа партии. Единомышленники исключенных, отделившись от ИСП, образовали Итальянскую социалистическую реформистскую партию. В парламент созыва 1913 г. от нее прошло 19 депутатов, тогда как по спискам ИСП было избрано 52 (еще 8 депутатов были независимыми социалистами).

Итало-турецкая война на общем фоне международных отношений начала XX в. не была изолированным событием. Между великими державами, в число которых жаждала войти Италия, развертывалась все более острая борьба за передел колоний и сфер влияния. На первый план итальянской политической жизни после завоевания Триполитании и Киренаики вышли такие фракции правящего класса, которые были готовы на безоглядные и самые жесткие действия во имя дальнейшей экспансии. Их уже не устраивал Джолитти с его осторожностью, умением маневрировать и идти на компромиссы. В марте 1914 г. последовала отставка Джолитти и пост премьера занял тесно связанный с националистами правый либерал **Антонио Саландра** (1853—1931).

По мере того как за цепью локальных конфликтов все яснее просматривалась угроза мировой войны, надвигавшейся на Европу, в Италии активизировалось антимилитаристское движение. В нем участвовала не только социалистическая партия, но и синдикалисты, анархисты, республиканцы. Намеченные на 7 июня 1914 г. антивоенные митинги и демонстрации были запрещены правительством Саландры и разогнаны силой там, где они все же состоялись (в г. Анкона при этом были жертвы среди манифестантов). В ответ была объявлена

общенациональная стачка протеста, положившая начало событиям так называемой «Красной недели». В ряде местностей дело не ограничивалось стачками, митингами, шествиями: воздвигались баррикады, происходили столкновения рабочих с полицией и войсками, а в двух областях Центральной Италии (Романья и Марке) движение приняло антимонархический характер и были провозглашены республики.

К началу мировой войны Италия подошла в условиях глубокого политического кризиса, проявлениями которого были как взрыв массового движения, так и наступивший незадолго до того конец «либеральной эры» Джолитти.

Глава 2

ИТАЛИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Нейтралитет или присоединение к Антанте?

Начало мировой войны, в которой столкнулись два сложившихся в Европе блока, застало Италию на распутье. Формально она оставалась членом Тройственного союза и была обязана вступить в войну вместе с Германией и Австро-Венгрией. В то же время, как упоминалось выше, Италия в предвоенные годы «наводила мосты» к другому берегу, но ее сближение со странами Антанты пока не означало полной смены ориентиров. В результате 3 августа 1914 г. Италия объявила о своем нейтралитете. В телеграммах Виктора Эммануила III германскому и австрийскому монархам нейтралитет Италии был представлен как благожелательный к центральным державам, но фактически означал ее выход из Тройственного союза, ставшего, по выражению министра колоний Ф. Мартини, «первой жертвой, первым трупом этой войны».

Сделанный в тот момент правительством выбор в пользу нейтралитета объяснялся не только ухудшением отношений Италии с Германией и Австро-Венгрией. После недавней войны с Турцией она ни в военном, ни в экономическом отношении не была готова к большой войне. С другой стороны, только что закончившиеся события «Красной недели» показали, насколько сильны в народных массах антивоенные настроения.

Впрочем, в вопросе об отношении к войне внутри правящего лагеря существовали расхождения. Сторонников нейтралитета возглавлял Джолитти, отстраненный от власти, но пользовавшийся огромным влиянием. По своим внешнеполитическим симпатиям он был германофилом, однако отдавал себе отчет в том, что в Италии была бы крайне непопулярна война

в союзе с Австро-Венгрией. В этом смысле нейтралитет был для Джолитти наиболее приемлемым вариантом, поскольку означал, что Италия не присоединяется к противникам Германии, но и не помогает Австро-Венгрии. К тому же Джолитти, как опытный и осторожный политик, ясно понимал, к каким внутренним потрясениям может привести вступление Италии в войну на любой стороне. Силы, стоявшие за правительством Саландры, в августе 1914 г. также предпочли нейтралитет, но по соображениям сугубо тактического характера, как позицию, позволяющую выиграть время и оттянуть окончательное решение до более благоприятного момента.

Таким окончательным решением могла стать лишь война на стороне Антанты. Уже с августа 1914 г. ее стали активно пропагандировать так называемые и н т е р в е н т и с т ы (*intervento* — вмешательство, участие).

Интервентистское движение вобрало в себя разнородные силы. Одно из его течений, именуемое демократическим интервентизмом, составили республиканцы, радикалы, правые социалисты-реформисты из партии Биссолати. Они поддерживали ирредентистские лозунги, выступали за союз с балканскими народами против Австро-Венгрии и единение с республиканской Францией в борьбе против германского милитаризма. По инициативе республиканцев была сделана попытка использовать в интервентистских целях традиции гарибальдийского движения: для участия в военных действиях во Франции был сформирован легион добровольцев под командованием Пеппино Гарибальди — внука национального героя (еще два внука Дж. Гарибальди вступили в этот легион и один из них погиб в 1914 г.). Охваченный воинственным пылом Биссолати, которому было уже 57 лет, демонстративно обратился с просьбой вновь зачислить его в тот полк альпийских стрелков, где он когда-то проходил службу. В лагере демократического интервентизма оказался и Сальвемини, считавший, что война на стороне Антанты будет для Италии последней из войн Рисорджименто, позволит ей приобрести колонии и направить туда поток своих эмигрантов, поможет освобождению южных славян и ликвидации монархий Габсбургов и Гогенцоллернов.

На интервентистские позиции встала часть синдикалистов во главе с А. Де Амбрисом и Ф. Корридони. Их интервентизм именовался «революционным»: вступление Италии в

войну они рассматривали как способ приблизить революцию. В связи с вопросом об отношении к войне сторонники Де Амбриса и Корридонни осенью 1914 г. отделились от синдикалистского Итальянского профсоюзного объединения, образовав собственную организацию — Итальянский союз труда.

Если интервенционисты демократического и «революционно-го» толка использовали в своей аргументации идеи защиты свободы, солидарности с борющимися за свои права народами, а иногда даже социалистическую интернационалистскую фразеологию, то включившиеся в интервенционистскую кампанию националисты выступали как откровенно правая сила. Они не скрывали, что требуют участия Италии в войне во имя сугубо экспансионистских внешнеполитических целей, а также для того, чтобы покончить с революционным движением. Националистам была нужна война как таковая — если уж не на стороне германского блока (чего они добивались до объявления нейтралитета), то на стороне Антанты, но только не нейтралитет. Их активно поддерживали футуристы, а также Д'Аннунцио, живший к началу войны во Франции.

Агитации интервенционистов противостояла позиция ИСП, выступившей с первых дней войны за абсолютный нейтралитет Италии, т. е. за ее неучастие в войне при любых условиях. Но вскоре вразрез с этой позицией начал действовать Муссолини, сперва в завуалированной форме, а затем и прямо поддерживавший интервенционистов. Он был снят с поста главного редактора «Аванти» и в конце 1914 г. исключен из партии. Еще до этого Муссолини основал собственную газету «Пополо д'Италия», которая стала рупором интервенционизма. Он сам примкнул к «революционному» интервенционизму и с начала 1915 г. приступил к организации «Союзов революционного действия», ставивших своей целью «создать такое положе-

Газета Муссолини «Пополо д'Италия»

ние, при котором Италия без промедления будет вовлечена в войну против центральных империй»¹.

Интервентистское движение имело щедрых и влиятельных «спонсоров», практиковавших массированный подкуп прессы. Засвидетельствовано, что «Пополо д'Италия» была создана на средства, предоставленные ведущими промышленными компаниями («Эдисон», объединение сахарозаводчиков, «ФИАТ», «Ансальдо», поставщики вооружений) и переданные Муссолини издателем болонской праволиберальной газеты «Ресто дель Карлино» Ф. Нальди. Осенью 1914 г. Нальди обсуждал с министром иностранных дел А. Сан Джулиано специальный план субсидирования интервентистской кампании в печати. Концерн «Ансальдо» финансировал орган националистов «Идея национале», приобрел газету «Мессаджери». С промышленными монополиями Северной Италии была связана «Коррьере делла Сера», проповедовавшая интервентизм националистского толка.

Но и многие печатные издания, выступавшие за сохранение Италией нейтралитета, делали это отнюдь не бескорыстно. Они тоже выражали интересы определенных монополистических групп, тяготевших к Коммерческому банку, связанному с германским капиталом, а некоторые газеты (среди наиболее известных — флорентийская «Национе» и неаполитанские «Джорно» и «Маттино») получали финансовую подпитку из самой Германии. Только в мае 1915 г., когда Германия предпринимала последние попытки удержать свою бывшую союзницу от присоединения к Антанте, она ассигновала на нейтралистскую пропаганду в Италии 10 млн марок.

В правительственных кругах колебания между сохранением нейтралитета и присоединением к Антанте принимали тот или другой оборот в зависимости от событий на фронтах и закулисных переговоров с обеими воюющими коалициями. Сразу же после объявления нейтралитета германскому послу в Риме было доверительно сообщено, что Италия еще могла бы «изучить способы оказания поддержки своим союзникам». Германия, поняв намек, была готова пообещать Италии в обмен на это территориальные приобретения за счет Франции (Савойя, Ницца, Корсика, Тунис), но Австро-Венгрии пришлось бы поступиться частью собственных владений (Триест

¹ Цит. по кн.: Любин В. П. Италия накануне вступления в первую мировую войну. М., 1982. С. 135.

и Южный Тироль), чему она категорически воспротивилась. Позднее, когда стало ясно, что ни о каком участии в войне на стороне германского блока Италия не помышляет, Германия сосредоточила свои усилия на том, чтобы добиться согласия Австро-Венгрии на территориальные уступки Италии в качестве платы за сохранение ею нейтралитета. Страны Антанты предполагали за участие Италии в их военных усилиях вознаградить ее из владений Австро-Венгрии и Турции. Но Италия запрашивала больше, чем они соглашались уступить: она стремилась получить не только «неискупленные земли», но и весь полуостров Истрия с портом Риека (итальянское название — Фиуме), далматинское побережье Адриатики, албанский порт Влеру с превращением Албании в итальянский протекторат, Анталию и Измир на побережье Малой Азии, а также окончательно закрепить за собой оккупированные во время войны с Турцией Додеканесские острова. В конце концов страны Антанты заключили с Италией соглашение (Лондон, апрель 1915 г.), по которому обещали ей почти все, что она требовала, за исключением прилегающих к Адриатическому морю земель с югославянским населением. Италия же обязывалась не позднее чем через месяц вступить в войну на стороне Антанты, открыв военные действия против Австро-Венгрии. Скорое начало войны с Австро-Венгрией предвещала последовавшая 4 мая формальная денонсация Тройственного союза в части, касавшейся отношений с этим государством.

Конкретные условия Лондонского соглашения держались в тайне, но решение о вступлении в войну предстояло провести через парламент. В палате депутатов большинство составляли сторонники нейтралитета — либералы-джолиттианцы, католики, представители ИСП. В этих условиях интервентистские круги могли добиться желаемого лишь с помощью внепарламентских средств. Парламент подвергся грубым нападениям интервентистских газет. Муссолини выступил в «Пополо д'Италия» со статьей «Долой парламент!», где призывал покончить с ним как с «чумной язвой», расстрелять дюжину-другую депутатов, а кое-кого из бывших министров сослать на каторгу. В подобном же духе высказывалась «Идея национале». В качестве дополнительного повода для агитации за войну интервентисты использовали открытие в начале мая памятника Гарибальди и бойцам его «тысячи» на мысе Кварто под Генуей, откуда в 1860 г. гарибальдийцы отплыли в Сици-

лию. Д'Аннунцио, прибывший на церемонию из Франции, выступил с зажигательной речью (предварительно согласованной с правительством), где откровенно увязывались воедино призывы воскресить «гарибальдийский дух» и добыть «кровью и славой» новые территории.

Очередная сессия парламента должна была открыться 12 мая 1915 г. Депутаты съезжались в столицу, воочию убедившись, что среди избирателей на местах преобладают антивоенные настроения. Джолитти был встречен в Риме враждебными демонстрациями интервентистов, организованными с ведома министерства внутренних дел и полиции, но многие парламентарии (свыше 300 депутатов и 100 сенаторов) засвидетельствовали свою солидарность с ним, передав ему свои визитные карточки или прислав письма и телеграммы. Нейтралистов стали поддерживать и некоторые депутаты, раньше примыкавшие к интервентистам. Открытие парламентской сессии было перенесено на 20 мая, а премьер А. Саландра, полагая, что у кабинета нет шансов получить от палаты вотум доверия и санкцию на вступление в войну, 13 мая вручил королю прошение об отставке.

Была ли отставка Саландры проявлением полной растерянности или сознательным политическим ходом с целью «подыграть» интервентистам? В литературе есть разные мнения на этот счет. Но так или иначе интервентисты получили свободу действий и воспользовались ею.

Несколько дней (их потом назовут «лучезарными майскими днями») в Риме и других крупных городах происходили инспирированные интервентистами бурные уличные манифестации, сопровождавшиеся разгулом насилия и всевозможными бесчинствами. Началась настоящая охота на депутатов-нейтралистов, их осыпали оскорблениями и угрозами, освистывали, оплеывали, избивали. Дом Джолитти в Риме подвергся настоящей осаде. Интервентисты нападали на секции социалистической партии, громили редакции нейтралистских газет. На площади перед парламентом бушевала разъяренная толпа, слышались возгласы: «Ворвемся в логово джолиттианцев! Сожжем парламент! Смерть Джолитти!» 14 мая интервентисты захватили здание парламента и устроили там погром. Все это творилось при попустительстве полиции — она не вмешивалась.

В ряде мест (особенно активно в Турине) интервентистам оказывали отпор участники антивоенных выступлений,

в столкновениях были убитые и раненые. Но парламентарии-нейтралисты не решились искать поддержки в массовом антивоенном движении и уступили бешеному нажиму интервентистов. Король отклонил отставку Саландры и вернул его правительство к власти, а парламент большинством голосов предоставил правительству неограниченные полномочия, что означало согласие на войну. Три дня спустя — 23 мая 1915 г. — Италия объявила войну Австро-Венгрии.

Италия в войне

Итак, период нейтралитета закончился. Открывшийся итало-австрийский фронт в масштабах всей войны не относился к главным, однако для Италии Австро-Венгрия была основным противником. Лондонское соглашение обязывало Италию вступить в войну не только с Австро-Венгрией, но и «со всеми врагами Антанты» — хотя и без указания сроков. Однако последовавшее вскоре объявление войны Турции (вовававшей на стороне центральных держав с осени 1914 г.), а в конце 1915 г. — Болгарии (присоединившейся к германскому блоку в октябре) было, в сущности, лишь формальным выполнением этого условия. В военных операциях против Турции и Болгарии Италия не участвовала. Гораздо труднее далось ей решение объявить войну Германии.

Обойтись декларативным объявлением войны Германии Италия не могла — это лишило бы ее возможности участвовать в послевоенном дележе германских колоний, да и вообще права голоса в коалиции, главной целью которой был разгром Германии. Но Италия страшилась военной мощи Германии, в немалой степени сохранила с ней традиционные экономические связи — прежде всего через банковскую систему, создававшуюся при значительном участии германского капитала. Либералы-джолиттианцы после «лучезарных майских дней» приняли войну с Австро-Венгрией как свершившийся факт, но стремились избежать войны с Германией. Католические круги в своем отношении к нейтралитету, а затем к войне с Германией ориентировались на позицию Ватикана: официально это была позиция «над схваткой» и в пользу мира, на деле же Ватикан проявлял благосклонность к Германии и Австро-Венгрии и не желал присоединения Италии к их противникам. Даже среди интервентистов войны с Германией хотели не все, а лишь «крайние». Ее опасались и некоторые минист-

ры, а сам премьер Саландра старался по возможности оттянуть ее. В то же время на правительство Саландры оказывали нажим союзники Италии по Антанте, требуя, чтобы она выполнила свои обязательства, а Италия в войне даже против одной Австро-Венгрии нуждалась в их помощи, которой не могла бы получить, уклоняясь от войны с Германией. В результате в июне 1916 г. разразился правительственный кризис и кабинет Саландры ушел в отставку.

Новое правительство, названное «национальным», возглавил **Паоло Бозелли** (1838—1932). В этом правительстве были представлены все фракции парламента, за исключением ИСП. Впервые получил министерский пост католик **Филиппо Меда** (1869—1939). Вошел в правительство **Биссолати**, стал министром и другой социалист-реформист — **Иваноз Бономи** (1873—1951), ярый интервенционист, в 1915 г. отправившийся добровольцем на фронт. В составе нового правительства преобладали «крайние» интервенционисты. В августе 1916 г. оно объявило войну Германии.

После вступления Италии в мировую войну ИСП, в отличие от ряда других социал-демократических партий, не поддержала ее, но и не предприняла каких-либо активных действий антивоенного характера. Руководство партии заявило: «Мы добровольно отходим в сторону. Пусть буржуазия ведет свою войну — войну, которой она хотела и за которую взяла на себя всю ответственность перед грядущими поколениями»¹. При голосовании по вопросу о военных кредитах в парламенте депутаты от ИСП воздержались, что соответствовало сформулированному секретарем партии **К. Ладзари** лозунгу: «Не поддерживать войну и не саботировать ее»². ИСП была одним из инициаторов созыва в апреле 1915 г. конференции в Циммервальде (Швейцария), где встретились представители осуждавших войну социалистических течений и групп из разных стран. В Циммервальдском движении представители ИСП примкнули к стоявшему на умеренных позициях большинству, но впервые вступили в контакт и с более радикально настроенными противниками войны — «циммервальдской левой», объединившейся вокруг **В. И. Ленина**. Позднее в «циммервальдскую левую» вошел один из авторитетных лидеров

¹ Цит. по кн.: *Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии*. М., 1953. С. 69.

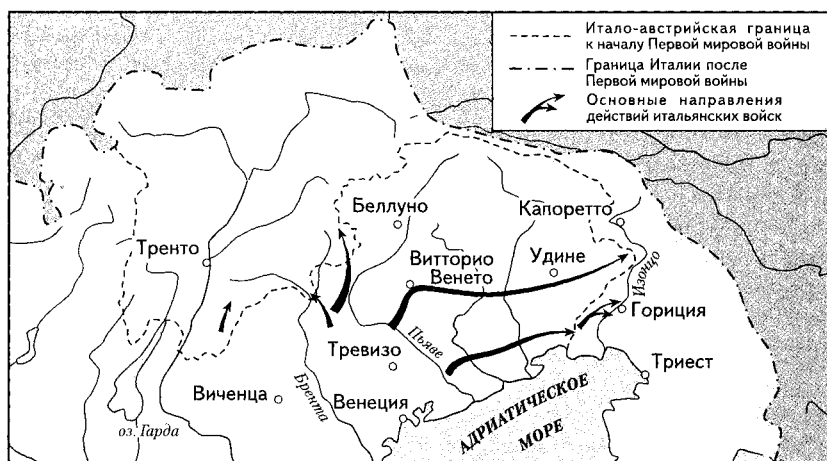
² Цит. по кн.: *Кирова К. Э. Русская революция и Италия*. М., 1968. С. 12.

ИСП — главный редактор «Аванти» **Джачинто Менотти Серрати** (1876—1926).

Военные действия против Австро-Венгрии велись в приграничных областях с расчетом на овладение «неискупленными землями». Основные силы Австро-Венгрии были заняты не на итальянском, а на Восточном фронте, где им противостояла российская армия. Это позволило итальянским войскам в начальный период войны действовать на территории противника.

Главным был участок фронта, проходивший вдоль р. Изонцо и горного хребта Карсо. Здесь шли кровопролитные бои, одна за другой предпринимались попытки наступления, но они не приносили значительных результатов. Ценой больших потерь итальянские войска смогли в 1916 г. занять г. Горицию (Горицу), а к осени 1917 г. — плоскогорье Баинзицу, однако горные пики (Сан-Габриэле и другие), труднодоступные сами по себе и укрепленные австрийскими фортификационными сооружениями, оставались для них недостижимыми.

На другом участке фронта — в Южном Тироле — ничего существенного не происходило до мая 1916 г., когда австро-венгерские войска перешли в наступление, прорвали фронт между озером Гарда и р. Brenta и вступили на итальянскую территорию, грозя выйти на Венецианскую равнину. Крупная военная неудача ускорила падение кабинета Саландры. Итальянцам удалось стабилизировать положение на этом

Военные действия на итапо-австрийском фронте в 1915—1918 гг.

фронте главным образом благодаря тому, что над самой Австро-Венгрией нависла еще большая опасность с востока — в Галиции начался Брусиловский прорыв.

В первый год войны в войсках сильно ощущалась нехватка вооружения и зимнего обмундирования. В зиму 1915/16 г. в итальянской армии выбыло из строя в результате обморожений около 300 тыс. чел. — это больше, чем было убито, ранено и пропало без вести за полгода участия Италии в войне.

Боеспособность войск была низкой, солдаты сражались неохотно и зачастую отказывались идти в атаку, их удерживали на позициях с помощью драконовских мер. Согласно приказу начальника генерального штаба генерала Л. Кадорны, оставить любой населенный пункт, независимо от его стратегической значимости, разрешалось лишь после гибели не менее трех четвертей его защитников. Осенью 1916 г. командирам воинских частей было вменено в обязанность карать проявление «мятежных» настроений среди солдат расстрелом по жребию каждого десятого.

Моральное состояние армии было отражением того, как воспринималась война внутри страны. Навязанная Италии теми, кто упивался идеей национального величия, прославлял кровь и смерть или рассчитывал на баснословные прибыли от поставок вооружения, эта война обрекла огромное большинство населения на невиданные жертвы и страдания.

Экономические последствия войны Италия начала испытывать еще тогда, когда сама не участвовала в ней. Вызванный войной разрыв торговых связей нанес ущерб итальянской промышленности, находившейся в сильной зависимости от импорта угля, сырья и полуфабрикатов. Многие предприятия закрылись. Резко сократился и ввоз в Италию зерна, который раньше покрывал от 15 до 25% ее потребности в зерновых продуктах. Все это уже в период нейтралитета привело к росту безработицы, перебоям в продовольственном снабжении, дороговизне продуктов питания. Вступление Италии в войну повлекло за собой ускоренное развитие промышленности, связанной с военными поставками, при одновременном свертывании сугубо гражданских ее отраслей. Сельское хозяйство было обескровлено массовой мобилизацией крестьян. Характерные для Италии диспропорции в экономическом развитии (между промышленностью и сельским хозяйством, а в региональном отношении — между Севером и Югом) под воздействием войны усилились.

Очевидная связь между войной и новыми экономическими тяготами придавала антивоенную окраску и таким проявлениям социального протеста, которые возникали на почве безработицы или дороговизны. Массовые выступления подобного рода происходили зимой 1914/15 г. во многих провинциях Италии, переплетаясь с манифестациями в поддержку сохранения нейтралитета. Во время «лучезарных майских дней» главной силой, противостоявшей интервентистам, были рабочие. Начало всеобщей мобилизации сопровождалось стихийными антивоенными демонстрациями у призывных пунктов и на железнодорожных станциях, попытками помешать отправке воинских эшелонов (в этих выступлениях особенно активно участвовали женщины — матери и жены призывников).

После вступления Италии в войну в ней, как и в других воюющих странах, была осуществлена милитаризация предприятий, связанных с военным производством. Занятые на них рабочие (к 1917 г. — около двух третей всех промышленных рабочих страны) считались мобилизованными и получали отсрочку от призыва в армию, но подлежали наказаниям вплоть до отправки на фронт в случае каких-либо упущений в работе, а за участие в стачке — военному суду. Публичные манифестации (митинги, шествия) также были запрещены.

Эти меры лишь на время приглушили протест против войны, выразившийся в стачках, народных волнениях и т. п. По мере того как война затягивалась, антивоенное движение активизировалось снова — в частности, под воздействием Февральской революции в России, воспринятой трудящимися массами Италии как выступление против войны, примеру которого нужно последовать («сделать, как в России»).

Российское Временное правительство в первые же дни после свержения царизма заявило, что будет относиться «с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым на себя павшим режимом» и что Россия по-прежнему будет вместе со своими союзниками «сражаться с общим врагом»¹. Тем не менее страны Антанты опасались — и не без основания — ослабления роли России в войне. Официальная Италия была обеспокоена положением на русском фронте едва ли не больше, чем Англия и Франция, так как от этого напрямую зависела судьба ее военных действий против Австро-Венгрии. Поэтому в общественное сознание всячески внед-

¹ Цит. по кн.: Кирова К. Э. Русская революция и Италия. С. 27.

рялась мысль, что Февральская революция направлена не против войны, а против режима, оказавшегося неспособным довести ее до победного завершения.

Боясь остаться один на один с Австро-Венгрией в случае выхода России из войны, Италия в то же время опасалась, что ее союзники могут на невыгодных для нее условиях заключить с Австро-Венгрией сепаратный мир. Такая вероятность появилась после того, как в апреле 1917 г. в войну на стороне Антанты вступили США. Войну США объявили только Германии и подталкивали Англию и Францию к тому, чтобы они тоже сосредоточились на борьбе с их главным противником и откололи от германского блока Австро-Венгрию, которая и сама зондировала тогда возможность сепаратного мира. Италия же при этом осталась бы ни с чем: никто не стал бы отстаивать ее притязания на Триест и Южный Тироль, завоевать которые она так и не сумела, а ее проекты экспансии на Балканах вступали в противоречие с декларациями президента США В. Вильсона в защиту национального принципа и прав малых народов.

Но в плане межсоюзнических отношений Италия надеялась извлечь из ослабления роли России и определенную пользу для себя. Расчет был на то, что перспектива потерять одного участника коалиции (Россию) заставит Англию и Францию больше считаться с другим (Италией). Иногда Италии действительно удавалось сыграть на этом. Так, весной 1917 г., когда союзники по Антанте предприняли попытку склонить ее отказаться ради сепаратного мира с Австро-Венгрией от «неискупленных земель» в обмен на расширение доли в послевоенном разделе турецких владений, Италия сумела выговорить себе «права» на порт Измир в Малой Азии без каких-либо встречных уступок. В целом, однако, положение Италии как младшего партнера Антанты не изменилось, не исчезли и сложности во взаимоотношениях между нею и другими членами этого блока.

Нараставшее в России недовольство курсом Временного правительства на продолжение войны заставило его заговорить о пересмотре военных целей и союзнических договоров. В мае 1917 г. первый состав правительства ушел в отставку, уступив место коалиции с участием меньшевиков и эсеров. Эти партии поставили условием своего вхождения в правительство признание им формулы «мир без аннексий и контрибуций», выдвигаемой Петроградским советом. Правительства стран Антанты не без колебаний согласились на созыв конфе-

ренции по уточнению целей войны, но ее сроки несколько раз переносились, и в конечном счете она так и не состоялась.

Все это с особым беспокойством воспринималось в правящих кругах Италии. В разгар полемики вокруг целей войны и условий будущего мира в русской газете «День» появилась статья В. Водовозова, впервые раскрывшая содержание Лондонского договора 1915 г. между странами Антанты и Италией. Поскольку это стало достоянием гласности, скрыть от общественного мнения экспансионистские цели Италии в войне было уже невозможно. В итальянской печати пошли в ход новые пропагандистские доводы, оправдывающие продолжение войны: утверждалось, что после революции в России и вступления в войну США силы милитаризма и реакции представлены исключительно германским блоком, тогда как Антанта сражается во имя свободы и демократии. При этом Италия опасалась, как бы при пересмотре союзных договоров партнеры по Антанте не обошли и не унизили ее. Стремясь упредить подобный поворот событий, она в июне 1917 г. без предварительного уведомления союзных правительств объявила о своем протекторате над Албанией.

Хотя между Италией и ее западными союзницами существовали определенные противоречия, их интересы сходились на том, чтобы активизировать русский фронт и не допустить отпадения России от коалиции. Важная миссия возлагалась в этой связи на побывавших в апреле 1917 г. в России представителей французских социалистов и английских лейбористов — А. Тома и А. Гендерсона. Они действовали в духе официальной линии своих партий, поддерживавших войну, и оба во время войны стали министрами. Итальянское же правительство предпринять что-либо подобное с помощью ИСП не могло ввиду ее антивоенной позиции. Поэтому в конце мая 1917 г. из Италии в Россию для агитации за войну отправились приверженцы демократического интервентизма — Арт. Лабриола, Дж. Лерда, О. Раймондо, И. Каппа (трое из них в прошлом были членами ИСП, но по разным причинам оказались вне партии). Успеха у массовой аудитории они, по-видимому, не имели. На заседании исполкома Петроградского совета их бомбардировали множеством вопросов, вызванных недавней газетной публикацией о Лондонском договоре. Делегация побывала только в Петрограде, не выезжала ни в Москву, ни на фронт и покинула Россию гораздо раньше, чем предполагала.

В свою очередь, из России в Италию (а до этого — в Англию и Францию) летом 1917 г. отправилась делегация Петроградского совета в составе члена «внефракционной группы» социал-демократа И. П. Гольденберга, меньшевика А. Н. Смирнова, эсера Н. С. Русанова и бундовца Г. М. Эрлиха. Эта поездка была связана с идеей созыва конференции в Стокгольме, куда предполагалось пригласить социалистов из стран обоих воюющих блоков для обсуждения путей к миру (Петросовет активно поддерживал это начинание и стремился выяснить отношение к нему в странах Антанты). Делегация не имела какого-либо мандата от Временного правительства, но пользовалась его поддержкой перед итальянскими властями. Поэтому ей не чинили препятствий в контактах с итальянскими социалистами и даже разрешили проведение митингов, шествий и других массовых мероприятий в честь «посланцев русской революции». Но прием, оказанный делегатам в Италии, явился для них полной неожиданностью: повсюду на рабочих митингах их выступления в духе «революционного оборончества» встречали возгласами «Да здравствует Ленин!», свидетельствовавшими о том, что имя лидера большевиков уже приобрело здесь огромную популярность и стало своего рода символом стремления к миру.

К лету 1917 г. по всей Италии происходило множество народных выступлений, главным содержанием которых был протест против войны. Их кульминацией послужили августовские события в Турине (крупнейшем промышленном центре Италии), где волнения, начавшиеся из-за нехватки хлеба, переросли во всеобщую забастовку и восстание с ярко выраженной антивоенной направленностью — первое в Западной Европе за весь период войны.

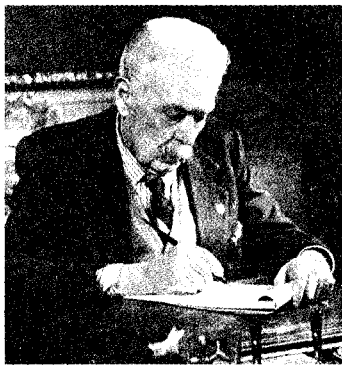
Антивоенные настроения все больше давали себя знать и в армии. По данным командования, к концу сентября общая численность дезертировавших из воинских частей и уклонившихся от призыва превышала 114 тыс. чел. Именно усталость от войны привела в октябре 1917 г. к развалу итальянского фронта под Капоретто (в верховьях р. Изонцо): солдаты начали в массовом порядке сдаваться в плен или отходить в тыл, складывая оружие по обочинам дорог.

У Капоретто итальянцам противостояли не только австро-венгерские, но и германские войска. Потери итальянской стороны были огромны: 10 тыс. убитых, 30 тыс. раненых, 265 тыс. пленных; еще 350 тыс. военнослужащих насчитыва-

ли части, отступавшие в направлении р. Пьяве и увлекавшие за собой массу беженцев. Противником было возвращено почти все, что завоевала итальянская армия с начала войны, заняты итальянские провинции Удине, Беллуно и частично — Тревизо, Венеция и Виченца, захвачено огромное количество оружия, воинские продовольственные склады и т. д. Отступление было остановлено лишь на правом берегу Пьяве с помощью переброшенных в Италию английских и французских военных сил.

Известие о том, что фронт на Изонцо рухнул и австро-германские войска продвигаются в глубь итальянской территории, повергло правящие круги и население в панику. Вентилировалась идея сепаратного мира с Австро-Венгрией. Одним из последствий военной катастрофы стала отставка правительства Бозелли. На смену ему пришло правительство Витторио Эмануэле Орландо (1860—1952).

Орландо был видным либералом, не раз занимавшим министерские посты. Он попытался опереться на «священное единение» всех партий перед лицом неприятельского вторжения, но не смог добиться этого, хотя против доверия его кабинету проголосовала только фракция ИСП. В декабре 1917 г. националисты, правые либералы, «крайние» интервентисты образовали в противовес джолиттианцам, католикам и антивоенным силам «парламентское объединение национальной обороны» с участием 158 депутатов и 92 сенаторов. Некоторые политические круги склонялись к тому, чтобы искать выход из кризисной ситуации в установлении военной диктатуры, но эта тенденция тогда не возобладала. После Октябрьской революции в России и призыва II съезда Советов к правительствам и народам всех стран начать общие мирные переговоры Италия, оказавшаяся на грани военного поражения, в отличие от других стран Антанты, отнеслась к этому призыву с определенным интересом. Карлотти, итальянскому послу в Петрограде, было поручено войти в контакт с советским правительством для уточнения деталей, но переговоры были прерваны после публикации тайных договоров из

Витторио Эмануэле Орландо

российских дипломатических архивов (именно тогда станет известным не только содержание, но и текст Лондонского соглашения 1915 г.).

Об этой попытке переговоров Карлотти рассказал лишь много лет спустя. Но советские мирные предложения получили в Италии отклик и на разных уровнях становились предметом обсуждения. На их пропаганду в рабочей среде власти отвечали репрессивными мерами: в течение ноября — декабря 1917 г. в ряде городов были произведены сотни арестов по обвинениям такого рода. В парламенте призыв к общим мирным переговорам нашел в конце 1917 — начале 1918 г. поддержку в выступлениях депутатов от ИСП О. Моргари и К. Тревеса, а также независимого социалиста Арт. Лабриолы — в недавнем прошлом интервентиста и участника делегации, посетившей Россию. С другой стороны, призыв ко всеобщему миру, исходивший от советской России, пыталась использовать в собственных пропагандистских целях Австро-Венгрия, тиражируя его во множестве листовок, сбрасываемых с самолетов и дирижаблей в прифронтовой полосе.

Когда был подписан Брестский мир, означавший не только фактический, но и формальный выход России из войны со всеми участниками германского блока, включая Австро-Венгрию, это усилило в Италии страх перед возможностью нового разгрома. В марте 1918 г. Австро-Венгрии были тайно переданы предложения итальянского правительства относительно условий сепаратного мира.

В январе 1918 г. были обнародованы «14 пунктов» президента США В. Вильсона. Намеченная в этом документе программа послевоенного территориально-политического устройства, обещавшая Италии в лучшем случае «неискупленные земли» (установление границ «по ясно выраженным национальным признакам»), а за народами Австро-Венгрии и Турции признававшая права на автономию и свободное развитие, шла вразрез с притязаниями итальянских экспансионистов.

В Италии в то время была распространена скептическая оценка возможного вклада США в победу Антанты. Чтобы переломить этот скептицизм, США организовали в Италии массированную пропагандистскую кампанию, призванную продемонстрировать их богатство и мощь. Эта кампания способствовала огромному росту популярности Вильсона среди итальянцев к концу войны.

В июне 1918 г. австро-венгерские войска начали новое наступление на р. Пьяве. Им удалось несколько продвинуться вперед и кое-где форсировать Пьяве, но вскоре наступление было приостановлено силами 52 итальянских и 5 франко-английских дивизий. Затем на итальянском фронте наступило затишье до октября 1918 г.

В условиях уже начавшегося развала монархии Габсбургов и ее вооруженных сил итальянское командование 24 октября 1918 г. (ровно год спустя после Капоретто!) смогло наконец начать генеральное наступление — опять-таки с участием трех английских и двух французских дивизий, а также американского пехотного полка. Наступление развернулось как к востоку от Пьяве (здесь решающим стало выигранное итальянцами сражение при Витторио Венето), так и в сторону Южного Тироля. 3 ноября был занят Тренто и в тот же день — Триест. 4 ноября австро-венгерское командование запросило перемирия и подписало в особняке Вилла Джусти близ Падуи акт о капитуляции.

С выходом Австро-Венгрии из войны Германия утратила своего последнего союзника — Турция и Болгария капитулировали еще раньше. Через неделю на Западном фронте капитулировала и сама Германия. Мировая война закончилась в пользу Антанты, и Италия оказалась в числе стран-победительниц, хотя добилась военных успехов лишь «под занавес».

Глава 3

КРУШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Итоги войны и кризис итальянской политической системы

Обширным экспансионистским планам, с которыми Италия вступила в войну на стороне Антанты, не суждено было осуществиться. На Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. союзные с Италией державы согласились лишь частично выполнить условия Лондонского соглашения 1915 г. Италия получила Южный Тироль, Триест и полуостров Истрию, но ее притязания на Фиуме, а также на признание провозглашенного в ходе войны протектората над Албанией не были удовлетворены. В решении балканских проблем Англия и Франция предпочли поддержать не Италию, а другую союзницу Антанты — Сербию, которая стала ядром образовавшегося после распада Австро-Венгрии Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). По Севрскому мирному договору с Турцией (1920) ранее обещанный Италии Измир отходил к Греции, за Италией закреплялось лишь то, что она отвоевала в 1911—1912 гг. (Ливия и Додеканесский архипелаг), а вскоре Турции благодаря успехам кемалистского движения удалось вернуть себе не только Измир, но и многое другое из потерянного.

Так Италия стала «побежденной среди победительниц». Попад еще во время войны в сильную военно-политическую и финансовую зависимость от союзниц, она не имела реальных возможностей добиться выполнения своих требований.

Подобный исход войны не соответствовал как ожиданиям той части общества, где находила отклик агитация националистов и других поборников экспансионистских идей, так и великодержавным устремлениям наиболее агрессивных

кругов внутри правящего лагеря, которые втянули Италию в мировой конфликт, одержав верх над сторонниками сохранения нейтралитета. Война и ее результаты способствовали назреванию в стране глубокого политического кризиса.

Как было показано выше, до войны политические течения, восходившие к эпохе создания либерального итальянского государства (либералы, республиканцы, радикалы), не превратились в партии с определенными программами и четкой организационной структурой. Они не носили массового характера, существовали лишь как группировки в парламенте, объединявшиеся не программой, а приверженностью тому или другому лидеру, опирались на места на сеть чисто личных связей и разделялись весьма зыбкими границами. В силу этого парламент был не институтом вполне развитой либеральной демократии, а ареной всякого рода политических комбинаций и блоков, посредством которых осуществлялась власть господствующего класса. Однако уже накануне, а особенно во время и после войны стала обнаруживаться неэффективность этих методов управления.

Введение в 1912 г. всеобщего избирательного права для мужчин осложнило применение тактики парламентских маневров, выработанной в условиях ограниченности избирательного корпуса. Капитуляция нейтралистского большинства депутатов перед сторонниками вступления Италии в войну способствовала дискредитации парламента, сделала очевидным, что важнейшие решения принимаются не им и могут проводиться в жизнь помимо него. В частности, парламентские институты стали утрачивать свой престиж в глазах мелкой буржуазии, которая раньше являлась их главной массовой опорой.

В то же время в лице оппозиционных либеральному государству сил на общественную арену выходили массовые политические партии. Первой такой партией уже была ИСП, а в 1919 г. на базе массового католического движения была образована Народная партия (*Partito popolare*, откуда название ее членов — «пополари»). Ее лидером стал один из идеологов христианской демократии конца XIX — начала XX в. — сицилийский священник Л. Стурцо. В программе Народной партии важное место уделялось проблемам труда и социальной защиты трудящихся, выдвигались такие демократические требования, как передача крестьянам необрабатываемых земель латифундий, административная децентрализация и рас-

ширение прав местной власти, выборы парламента по пропорциональной системе и с предоставлением права голоса женщинам и т. д. Длительный процесс формирования светской партии итальянских католиков тем самым завершился, а постепенно смягчаемый запрет Ватикана на их участие в политической жизни был снят окончательно. Но конфликт между церковью и государством официально еще не был закрыт, и либеральные группировки, традиционно подчеркивавшие свой антиклерикализм, относились к Народной партии опасно и отчужденно.

С окончанием войны правящим кругам пришлось пойти на дальнейшую демократизацию избирательной системы. Было введено голосование по партийным спискам и распределение парламентских мандатов пропорционально числу голосов, полученных ими на выборах. От этого выиграли прежде всего ИСП и Народная партия. На выборах 1919 г. они завоевали из 499 мест в палате депутатов соответственно 154 и 99, тогда как различные группы либералов в совокупности — лишь 181 место. Утратив парламентское большинство, либералы были вынуждены при формировании нового кабинета искать поддержки у католиков.

Таким образом, политическая система, сложившаяся в результате национального объединения Италии, оказалась подточенной изнутри. Старым, не развившимся в настоящие партии группировкам в правящем лагере она уже не обеспечивала прочного контроля над политической жизнью. Крайние же империалистические круги считали слабое государство винов-

ником внешнеполитических неудач. По поводу «искащенной победы» развернулась активная шовинистическая пропаганда, находившая отклик в особенности у бывших фронтовиков из мелкобуржуазной среды, озлобленных исходом войны. Возникали различные организации и движения, поднимавшие на щит идею «национального величия». Одним из них было малозаметное на первых порах фашистское движение. Националистическая

Г. Д'Аннунцио в Фиуме

экзальтация мелкобуржуазных элементов выливалась и в попытки «прямого действия» в обход государства: в ответ на отказ стран Антанты удовлетворить требование Италии об аннексии Фиуме этот порт в сентябре 1919 г. был самочинно захвачен вооруженными отрядами под командованием Д'Аннунцио и очищен лишь после того, как в 1920 г. Италия по договору в Рапалло с Королевством сербов, хорватов и словенцев признала за ним статус самостоятельной республики.

Дух неповиновения проникал в армию. Часть солдат и офицеров присоединилась к экспедиции Д'Аннунцио — одному из крайних проявлений национализма. С другой стороны, летом 1920 г. начались волнения в воинских частях, подтянутых к портам на адриатическом побережье для отправки в Албанию. В Анконе дело дошло до восстания солдат 11-го берсальерского полка¹, которое было поддержано рабочими. Эти солдатские выступления имели отчетливую антиимпериалистическую окраску. Так или иначе армия становилась все менее надежной опорой существующего порядка. В связи с этим была увеличена численность полиции и карабинеров (жандармерии) и созданы новые вооруженные формирования под названием королевской гвардии.

«Красное двухлетие»

Ослабленное во всех своих звеньях итальянское либеральное государство оказалось перед лицом острейших социальных проблем, под натиском небывало широкого и носившего наступательный характер массового движения трудящихся. 1919—1920 гг. вошли в историю Италии под названием «красного двухлетия».

Социально-политические потрясения, вызванные войной, ощущались в Италии особенно болезненно также и потому, что здесь буржуазное общество было отягощено грузом специфических проблем, связанных с его относительной отсталостью. Военные заказы стимулировали быстрый рост ключевых отраслей тяжелой индустрии и принесли огромные прибыли контролировавшим их компаниям. За время войны

¹ Берсальеры — пехота, специально предназначенная для быстрых, маневренных действий. В 1870 г. первыми ворвались за стены Рима, еще оставшегося под папским владычеством. Близ места этого прорыва в Риме установлен памятник берсальеру.

капиталы крупнейших итальянских трестов многократно возросли. В результате ускоренного развития тяжелой промышленности Италия превратилась из аграрной страны в аграрно-индустриальную. Но это еще более усилило свойственные итальянской экономике диспропорции. Легкую промышленность искусственный подъем военных лет затронул лишь постольку, поскольку она тоже работала на войну, «гражданские» ее отрасли в условиях военной экономики прозябали или свертывались. Сельское хозяйство, лишившееся из-за войны значительной части наиболее трудоспособных работников, было подорвано. Если до войны Италия выступала по преимуществу как экспортер продовольствия, то в послевоенный период оказалась вынужденной импортировать его.

Сравнительно слабая итальянская экономика лишь ценой крайнего напряжения выдержала бремя финансовых затрат, связанных с войной. Внутренний государственный долг Италии вырос за 1915—1919 гг. с 15,3 млрд лир до 49,9 млрд лир. Кроме того, 19,2 млрд лир она задолжала своим союзникам. Резко увеличились ставки налогообложения. Золотые запасы центральных банков и правительства быстро таяли, лира обесценивалась, ее стоимость к концу 1920 г. упала впятеро против довоенной. Катастрофически росли цены на основные продукты питания.

В условиях послевоенной разрухи не только рабочий класс, но и другие слои населения ощутили острейшую потребность в защите своего жизненного уровня. Под руководством профсоюзов развернулось невиданное по количеству участников стачечное движение (в 1919 г. их число перевалило за 1 млн и почти вдвое превзошло рекордный для довоенного периода показатель 1913 г.), прошли массовые выступления против дороговизны. В районах капиталистического сельского хозяйства (особенно в долине р. По) батраки требовали признания права своих организаций на регулирование условий найма и соблюдения определенных норм использования рабочей силы. В зоне латифундий на Юге крестьяне занимали помещичьи земли.

Эти разнородные движения несли в себе мощный заряд антикапиталистических настроений. Рабочие и крестьяне вступали в борьбу, добываясь расплаты за тяготы и страдания военных лет. Это придавало выступлениям трудящихся политический оттенок. К тому же в классовых битвах

1919—1920 гг. сказывалось сильное воздействие Октябрьской революции в России.

Симпатии к русской революции нашли проявление в руководимой ИСП борьбе трудящихся против антисоветской интервенции и участия в ней Италии. Организованная летом 1919 г. международная забастовка в защиту Российской и Венгерской советских республик прошла в Италии с большим размахом, чем в других странах Западной Европы. Итальянские моряки, докеры, железнодорожники срывали перевозки военных материалов для интервентов. Сменившее в июне 1919 г. кабинет Орландо правительство **Франческо Саверио Нитти** (1868—1953) сочло за благо отказаться от посылки в Закавказье уже сформированного итальянского экспедиционного корпуса.

Правительству и имущим классам пришлось пойти на значительные уступки массовому движению и в социально-экономической области. Было подписано санкционированное министерством промышленности и труда соглашение между представителями профсоюзов и предпринимателями об установлении 8-часового рабочего дня, явочным порядком уже введенного на многих предприятиях. Рабочие добились ряда надбавок к заработной плате, более или менее компенсировавших рост цен на предметы первой необходимости. Батрацкие лиги вынудили аграриев согласиться на более приемлемые для сельскохозяйственных рабочих условия найма. Парламент частично легализовал захваты помещичьих земель, осуществленные крестьянами Юга.

Подъем активности и боевых настроений в массах получал выражение в их тяге к организации. Численность профсоюзов, входивших во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ) и руководимых социалистами, возросла к 1920 г. примерно в 6 раз по сравнению с 1911 г., а профсоюзы всех направлений (включая синдикалистские, католические и т. д.) объединяли почти в 5 раз больше членов, чем до войны, — около 3800 тыс. Католические профсоюзы с 1918 г. были объединены в общенациональном масштабе в Итальянскую конфедерацию труда (ИКТ).

Франческо Саверио Нитти

В 1919 г. возникли еще две общенациональные организации католиков — Итальянская кооперативная конфедерация и Итальянская конфедерация взаимопомощи и социального страхования. ИСП, снискавшая большой авторитет среди трудящихся благодаря своей антимилитаристской позиции в годы войны, к 1920 г. увеличила число своих членов более чем в пять раз против довоенного уровня, расширила втрое свою фракцию в парламенте, контролировала почти четверть муниципальных советов страны.

У руководства ИСП еще с предвоенных лет стояли представители политического течения, которых в 1919—1920 гг. стали называть *максималистами*, т. е. сторонниками программы-максимум. Это течение сложилось в противовес реформистам как левое крыло партии. Идейным лидером максималистов был Дж. М. Сerratи. ИСП приветствовала Октябрьскую революцию, активно способствовала разворачиванию движения солидарности с молодой советской республикой и сама испытывала сильное радикализирующее воздействие снизу.

Сразу же после образования Коммунистического Интернационала (март 1919 г.) руководство ИСП высказалось за присоединение к нему. В октябре того же года это решение было одобрено партийным съездом в Болонье. Влияние в партии реформистского меньшинства во главе с Ф. Турати ослабело, хотя реформисты сохранили ведущие позиции в парламентской фракции и в руководстве профсоюзов.

Большинство ИСП, одержавшее победу на съезде, не было однородным. Наряду с максималистами к нему принадлежали политические течения, занимавшие еще более левые позиции. Их отличало от максималистов и в то же время сближало друг с другом представление о том, что присоединение ИСП к Коминтерну еще не означает ее превращения в качественно иную партию — коммунистическую. Но в остальном между ними существовали значительные расхождения.

Одно из этих течений, которому были присущи ультралевые, сектантские тенденции, сложилось в Неаполе вокруг **Амадео Бордиги (1889—1970)**. Он полагал, что коммунистов должно быть «немного, но хороших» и им следует немедленно порвать со всеми, кто не разделяет коммунистических принципов. Считая, что коммунистическая партия не должна быть многочисленной, Бордига не задумывался и над тем, как добиться ее поддержки массами, — с его точки зрения, массы

в решающий момент сами пойдут за ней. Он отвергал участие коммунистов в парламентских выборах — не только из-за пренебрежения партийным воздействием на массы, но и потому, что не придавал парламентаризму значения ввиду представлявшейся близкой пролетарской революции. Настаивая на скорейшем создании мыслимой подобным образом коммунистической партии, Бордига рассматривал его как неотъемлемое предварительное условие завоевания рабочим классом политической власти.

Другое левое течение имело своим органом еженедельник «Ордине Нуово» («Новый строй»), издававшийся в Турине под руководством **Антонио Грамши** (1891—1937). Путь к созданию коммунистической партии Грамши видел в обновлении ИСП изнутри, предполагавшем как разрыв с реформистским меньшинством, так и критическую переоценку опыта итальянских социалистов большей их частью, которая уже высказалась за присоединение к Коминтерну. Коммунистическая партия должна была стать, по выражению Грамши, «мыслящей головой масс», осуществлять руководство ими посредством «излучения престижа», иначе говоря — действовать изнутри массового движения, не навязывая ему готовых рецептов, а стимулируя творческие способности и развитие активности самих масс. Именно с этих позиций Грамши подходил к проблеме власти рабочего класса. Деятельность группы «Ордине Нуово» он нацелил на развертывание в Италии движения за советы, предложив взять за отправную точку уже существовавшие на предприятиях зачатки органов прямой рабочей демократии и контроля над производством — внутренние комиссии. Эти комиссии Грамши предлагал превратить в фабрично-заводские советы, которые рассматривал как низовое звено системы советов, школу подготовки к осуществлению реальной власти рабочего класса над производством, неотделимой от власти политической. Революционное завоевание власти понималось им не как единовременный акт, приуроченный к «часу X» в неопределенном будущем, а как процесс, развертывающийся снизу вверх,

Антонио Грамши

начиная от сферы производства, и завершающийся (но не исчерпывающийся) сломом старого и созданием нового государства. Возникшее по инициативе Грамши и его единомышленников движение фабрично-заводских советов получило массовую поддержку — прежде всего в таком крупнейшем индустриальном центре, как Турин, где оно за короткое время охватило до 150 тыс. рабочих.

Летом 1920 г. Коминтерн в жесткой форме потребовал от присоединяющихся к нему партий скорейшего очищения от течений и групп, считавшихся оппортунистическими. В этих условиях идейная борьба внутри ИСП обострилась, среди максималистов усилились колебания в сторону единства с реформистами. Но решающей проверкой политической дееспособности ИСП стали события, воспринимавшиеся современниками как преддверие или начало борьбы рабочего класса за государственную власть. В сентябре 1920 г. в ответ на локаут в металлообрабатывающей промышленности рабочие этой, а затем и ряда других отраслей заняли заводы и в течение трех недель удерживали их, приступив к самостоятельному выпуску продукции.

Активную роль в этом движении играли фабрично-заводские советы. Над занятыми предприятиями развевались красные флаги, было налажено изготовление оружия, стали формироваться отряды Красной гвардии. С рабочими солидаризировалась и часть технических специалистов. Предприятия бдительно охранялись, рабочие были готовы к отпору на случай, если их попытаются силой изгнать оттуда. Вот сцена, которую увидел и описал участник событий Марио Монтаньяна. Ночью от красногвардейцев поступило сообщение, что к заводу «ФИАТ—Линготто» в Турине с разных сторон приближаются отряды солдат и королевской гвардии. Дальше произошло следующее:

«В одно мгновение по тревожному звуку гудка все машины перестали работать. Из всех цехов, из всех дверей огромного здания сбегались десятки, сотни рабочих в комбинезонах, с запачканными маслом и пылью лицами; все они были вооружены — кто револьвером и гранатами, кто винтовкой, а кто и просто огромным железным копьём, собственноручно откованным и наточенным; они готовы были отдать жизнь, защищая свой завод.

Через несколько минут рев сирены прекратился. Опасность миновала. Рабочие отложили оружие, вернулись к своим станкам и вновь принялись за работу, не теряя времени на разговоры, как будто ничего не произошло: производство не должно было страдать от какого-то незначительного инцидента»¹.

Крайне напуганные предприниматели возлагали все свои надежды на многоопытного Джолитти, с июля 1920 г. вновь возглавлявшего правительство. Кое-кто требовал от него решительных мер, вплоть до применения артиллерии. Утверждают, что Джолитти ответил автору подобного предложения: «Хорошо, если Вы не возражаете, я начну с обстрела Вашего завода», — после чего тот больше не настаивал. Джолитти предпочел действовать иначе. Войска и полиция предназначались им для охраны таких стратегически важных для правительства объектов, как средства связи, транспортные узлы, Итальянский банк и т. д. Рабочие же, как полагал премьер, на собственном опыте убедятся в несбыточности своих планов и покинут предприятия.

Расчет Джолитти оказался верным. ИСП, парализованная внутренними разногласиями, устранилась от руководства уже развернувшимся массовым движением и не предложила ему какой бы то ни было перспективы дальнейших действий, что неминуемо должно было привести к его спаду. По инициативе Джолитти и при его посредничестве были начаты переговоры представителей профсоюзов с конфедерацией промышленников, и в обмен на обещание правительства ввести закон о рабочем контроле занятие предприятий было прекращено.

Лишь тогда, когда апогей «красного двухлетия» был уже пройден, в ИСП завершилось размежевание между теми, кто выступал за безоговорочное присоединение к Коминтерну, с одной стороны, и колеблющимся большинством максималистов во главе с Серрати — с другой. Течения, возглавляемые Бордигой и Грамши, вместе с группой левых максималистов образовали коммунистическую фракцию ИСП. К состоявшемуся в Ливорно XVII съезду ИСП (январь 1921 г.) за коммунистами шло 58 тыс. членов партии, за максималистами — 98 тыс., за реформистами — 14 тыс. При голосовании проектов резолюций максималисты блокировались с реформиста-

¹ Монтаньяна М. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951. С. 119.

ми. Тогда коммунисты покинули съезд и, собравшись в другом помещении, 21 января 1921 г. провозгласили создание Коммунистической партии Италии (КПИ).

Фашистское движение: идеология и массовая база

В конце 1920 г. в Италии произошел коренной сдвиг в отношении классовых сил. Во время занятия предприятий рабочие потерпели поражение, сломившее их наступательный порыв. В условиях охватившего страну экономического кризиса предприниматели смогли осуществить массовые увольнения, повлекшие за собой общее снижение жизненного уровня трудящихся. Волна их выступлений начала спадать. Господствующий класс стремился взять реванш за «великий страх», пережитый в сентябре 1920 г. В этой обстановке фашистское движение перешло к широким террористическим действиям и стало быстро усиливаться.

Фашистские организации, называвшие себя «боевыми союзами» (*fasci di combattimento*, откуда и возник термин «фашизм»), создавались в Италии с весны 1919 г. Само слово *fascio* происходит от латинского корня¹ и буквально означает «связка», «пучок», а в переносном смысле — «объединение». Его применяли к себе различные организации, существовавшие задолго до фашизма и не имевшие с ним ничего общего, но оно же, как упоминалось выше, вошло и в наименование интервентистских союзов, создававшихся по инициативе Муссолини. Интервентизм был прямым предшественником фашистского движения. Оно стало новым центром притяжения для тех, кто раньше поддерживал интервентистскую агитацию — националистов, футуристов, сторонников Д'Аннунцио. От интервентизма фашизм унаследовал не только лозунги и политические приемы, но и персону лидера: таковым стал Муссолини.

Вначале у фашистов не было какой-либо общей программы, и вплоть до конца 1921 г. они намеренно не преобразовывали свое движение в политическую партию. Они искали поддержки в различных слоях населения и потому предпочитали

¹ Фасциями в античном Риме назывались знаки консульской власти (пучки прутьев, связанных вокруг секиры), которые несли сопровождавшие консула особые должностные лица — л и к т о р ы.

декларировать свою позицию от случая к случаю, выдвигая изменчивые, пестрые, противоречивые и подчас весьма радикальные требования. При этом в фашистской агитации учитывались и использовались типичные для послевоенной Италии явления массовой психологии — обострение националистических чувств, разочарование в старых политических ценностях, всеобщее недовольство, жажда перемен, ненависть к нажившимся на войне магнатам крупного капитала.

Центральное место в идеологическом арсенале фашистов занимала идея нации. Они клеймили державы-союзницы за вероломство по отношению к Италии при дележе плодов победы, а итальянское либерально-парламентское государство — за неспособность удовлетворить «национальные интересы» и поддержать «величие нации». Социалистическое рабочее движение рассматривалось ими как враг прежде всего в качестве «антинациональной» силы. Заимствуя синдикалистские аргументы, фашисты требовали освободить рабочий класс от опеки «политиков», объявляли себя поборниками его «чистых», экономических интересов и даже поддерживали некоторые забастовки, но в то же время выражали симпатии «трудящейся буржуазии» как элементу, способствующему «триумфу национального благополучия». Обращаясь к молодежи, фашисты воспевали ее военные заслуги, разжигали среди бывших фронтовиков недовольство их статусом в наступившей мирной жизни, умело играли на ностальгических воспоминаниях участников войны о фронтовом братстве, заявляли о том, что итальянский правящий класс одряхлел и страной должны управлять молодые. В преддверии парламентских выборов 1919 г. они высказались за созыв Учредительного собрания, упразднение сената, предоставление права голоса женщинам, введение прогрессивного налога на капитал, конфискацию 85% военных прибылей, участие рабочих в техническом руководстве предприятиями и т. д. В дальнейшем в фашистской пропаганде появился и лозунг, адресованный крестьянам: «Земля тем, кто ее обрабатывает».

На первых порах за фашистами пошла преимущественно городская мелкая буржуазия. Именно мелкобуржуазным представлениям были созвучны не только националистические идеи фашистов, но и их выпады против крупного капитала, заявления в поддержку «трудящейся буржуазии». Мелкая буржуазия стремилась организовать защиту своих интере-

сов, затронутых послевоенными экономическими конвульсиями, не прочь была ущемить обладателей «несправедливо» нажитого богатства и в то же время проникалась все большей враждебностью к рабочему классу, воспринимая мощный размах его выступлений как угрозу частной собственности вообще. В мелкобуржуазной среде (да и в других слоях городского населения) вызвали раздражение непрерывные забастовки, накапливалась готовность поддержать прекращение «хаоса» любой ценой, наведение «порядка», — а этот мотив все более отчетливо звучал у фашистов.

Со второй половины 1920 г. параллельно городским фашистским организациям, черпавшим свои кадры в мелкобуржуазных кругах, усилиями крупных аграриев и зажиточной крестьянской верхушки стали создаваться «отряды самообороны», которые представляли собой сельскую ветвь фашистского движения. Эти отряды имели целью сломить с помощью террора ненавистные аграриям батрацкие лиги, контролировавшие условия найма сельскохозяйственных рабочих. В деревне к обещаниям фашистов отдать землю тем, кто ее обрабатывает, стала прислушиваться также и значительная часть средних крестьян — арендаторов или испольщиков, мечтавших получить землю в собственность.

И все же решающий поворот в настроениях мелкобуржуазных масс произошел лишь после того, как рабочий класс в сентябре 1920 г. проиграл свою наиболее крупную битву. До этого силы основных борющихся классов примерно уравновешивались и свойственные промежуточным слоям колебания между ними еще не получили однозначного исхода. Влечение этих слоев к фашизму не было чем-то изначально predetermined и необратимым. В их чаяниях заключалось немало такого, что могло бы сделать их союзниками рабочего класса, если бы он в своей борьбе имел в виду не только социалистические цели, но и осуществление коренных демократических преобразований — установление республики, экспроприацию крупных промышленных компаний, ликвидацию помещичьего землевладения. Но в период «красного двухлетия» эти проблемы были вне поля зрения ИСП. Ее стратегия исходила из чисто социалистической перспективы, казавшейся близкой. К потенциальным союзникам партия проявила сектантское отношение, отпугнув крестьян лозунгом социализации земли, не проводя различия между виновниками и рядовыми участниками минувшей войны. И если до осени 1920 г.

рабочий класс еще обладал такой реальной мощью, которая заставляла считаться с ним и сдерживала колебания средних слоев вправо, то с этого момента уже ничто не препятствовало их массовому переходу в лагерь фашизма.

С начала 1921 г. фашисты, стремясь оказать влияние на промышленных и сельскохозяйственных рабочих, приступили к созданию собственных профсоюзов. Этим профсоюзам удалось привлечь часть батраков, деморализованных террором против «красных лиг» и надеявшихся отстоять свои интересы с помощью новых организаций. Среди городских рабочих еще сохраняли свои позиции традиционные направления в профсоюзном движении и агитация за фашистские профсоюзы находила значительно меньший отклик, чем в деревне.

К середине 1921 г. правительственная администрация располагала сведениями о 187 тыс. организованных фашистов, но действительная численность тех, кто следовал за ними, была намного больше. Это были люди разной социальной принадлежности, привнесшие в фашистское движение собственные представления и чаяния. Сами фашистские «боевые союзы» в ноябре 1921 г. приняли решение реорганизоваться в партию, которая изначально имела массовый характер (ее численность в момент основания составила около 310 тыс. чел.). Ставка на массовость свидетельствовала о рано проявившейся в фашистском движении тоталитарной тенденции.

Приход фашизма к власти

При изменившемся соотношении сил вскрылась глубинная контрреволюционная, антипролетарская, антидемократическая направленность фашизма. С конца 1920 г. по Северной и Центральной Италии начала разливаться волна фашистского террора. Фашисты поджигали помещения рабочих организаций, избивали и убивали их активистов, разгоняли «красные» муниципалитеты. Они изображали себя спасителями страны от «большевистской опасности», а в их пропаганде на первый план вышла идея сильного государства, которое закончит с «анархией» и не допустит ее повторения в будущем.

Все это отвечало стремлениям напуганной, с трудом удержавшейся у власти итальянской буржуазии. Фашизм давал ей орудие насильственного подавления рабочего класса и в то же время — способ заново скрепить на этой почве политический союз с мелкобуржуазными массами. Фашистское движе-

ние стало пользоваться все более широкой политической и материальной поддержкой правящего класса.

Уже в конце 1920 г. И. Бономи, занимавший пост военного министра, секретно предписал направлять демобилизованных офицеров с сохранением 80% жалованья в распоряжение фашистских организаций крупных городов, а генеральный штаб армии рекомендовал командирам воинских частей оказывать помощь фашистским отрядам. Фашисты беспрепятственно добывали оружие, автотранспорт, пользовались помещениями казарм. Либералы по инициативе премьер-министра Дж. Джолитти практиковали создание избирательных блоков с фашистами против рабочих партий и католиков. Фашистам это помогло в 1921 г. провести в палату 35 своих депутатов (в том числе Муссолини). Вошло в обиход попустительство фашистским насилиям со стороны полиции, которое затем было санкционировано декретом министра юстиции о неприкосновенности лиц, «нарушивших закон во имя блага нации». Около 80% денежных средств, которыми располагали фашисты на конец 1921 г., было предоставлено различными промышленными и финансовыми обществами, остальные же 20% приходились на долю частных лиц, также принадлежавших прежде всего к имущим классам.

Наиболее реакционные круги итальянской буржуазии сделали ставку на фашизм безоговорочно, надеясь с его помощью коренным образом изменить весь механизм управления страной. Другая часть буржуазии, представленная политическими деятелями типа Джолитти, в принципе хотела сохранить либерально-парламентское государство, но видела в фашизме единственную в данный момент силу, способную справиться с революционной угрозой, и рассчитывала использовать его для этой цели, а потом вернуться к либеральным методам. Таким образом, расхождения между двумя фракциями господствующего класса касались в большей степени будущего, в настоящем же обе они действовали в поддержку фашизма. Буржуазных партий или политических течений, которые заняли бы открыто антифашистскую позицию, в начале 20-х годов в Италии не было.

Из всех слоев итальянского общества только рабочий класс с самого начала оказывал сопротивление фашистскому натиску. Рабочие вступали в стычки с вооруженными бандами фашистов, защищали от них помещения профсоюзов, кооперативов, партийных секций. Но этот отпор фашизму был в зна-

чительной мере стихийным. Между рабочими партиями — ИСП и КПИ — велась резкая полемика по следам происшедшего в январе 1921 г. раскола и существовали глубокие разногласия в подходе к фашизму, природу которого ни одна из них не представляла себе ясно и правильно.

ИСП верно констатировала, что с конца 1920 г. в Италии наступил поворот к реакции, но делала из этого выводы, обрекавшие рабочий класс на полную пассивность. Фашизм она рассматривала как своего рода массовый психоз, охвативший мелкую буржуазию, полагая, что надлежит ждать, пока этот приступ безумия минет сам собой. Оставшиеся в партии реформисты устами Ф. Турати предлагали рабочим «быть святыми» и не отвечать насилием на насилие фашистов. И они, и максималисты питали иллюзию, что фашистский террор можно остановить подобным неппротивлением и разоблачениями с парламентской трибуны. В августе 1921 г. представители руководства ИСП, ее парламентской фракции и ВКТ подписали с фашистами так называемый «пакт умиротворения» — соглашение о взаимном отказе от всяких проявлений враждебности. Со стороны фашистов это был только политический маневр с целью получить нужную им передышку. Вскоре они порвали соглашение, и на социалистические организации обрушились новые погромы.

КПИ были свойственны ошибки другого рода, связанные прежде всего с сектантской линией возглавившего ее А. Бордига. Если ИСП превратно судила о сущности фашизма по его преимущественно мелкобуржуазной массовой базе, то КПИ этой массовой базы как бы не замечала, считая фашизм лишь орудием буржуазной контрреволюции, неизбежным продуктом загнивания капитализма. Коммунисты полагали, что в сентябре 1920 г. рабочий класс потерпел временное, тактическое поражение, в целом же период революционных боев за власть продолжается и в близком будущем господство буржуазии будет свергнуто. С этой точки зрения представлялось несущественным, сохранится ли в Италии на короткий срок либерально-парламентское государство или же его (опять-таки ненадолго) устранил со сцены «сильная власть» фашистского образца. Сам Бордига вообще не придавал значения различию форм буржуазного государства и считал, что для рабочего класса «Муссолини стоит Джолитти». КПИ, в отличие от ИСП, признавала необходимость вооруженного отпора фашистам. Но когда летом 1921 г. антифашистски настроенные

фронтовики стали с этой целью создавать отряды «народных смельчаков», куда вступали люди разных убеждений, и в том числе многие коммунисты, руководство КПИ отозвало их отсюда. Опасаясь любых политических контактов партии с другими силами, Бордига дал указание об организации отдельных коммунистических боевых дружин, которые были малочисленны и при всем их героизме не могли эффективно противостоять фашистам.

Наступлению фашизма могли бы преградить путь лишь совместные действия всех антифашистов, и в первую очередь различных течений рабочего движения. Но ни одно из них не осознавало, что в данный момент такое единство действий важнее любых расхождений по другим вопросам. Лишь в феврале 1922 г. была предпринята попытка создать для защиты завоеваний трудящихся и отпора фашизму единый фронт профсоюзов: пять разных профсоюзных объединений создали общий координационный центр — Союз труда. В его национальном комитете преобладали социалисты-реформисты из ВКТ.

Между тем становилось все более очевидным, что фашисты стремятся к захвату власти. Они открыто, не стесняясь в выражениях (напоминавших интервентистскую риторику перед вступлением Италии в войну), требовали ликвидации парламента и установления диктатуры. Стали укрепляться их связи с Ватиканом: в начале 1922 г. на папский престол вступил под именем Пия XI (годы понтификата 1922—1939) кардинал Акилле Ратти, архиепископ Милана — города, где зародилось фашистское движение (именно там возник первый «боевой союз» и по большей части пребывал Муссолини).

Политическая нестабильность в стране усиливалась. С июля 1921 г. по август 1922 г. сменилось три кабинета (их возглавляли Ф. С. Нитти, И. Бономи и малоизвестный депутат-либерал Л. Факта).

Во время правительственного кризиса в июле 1922 г. реформисты проявили готовность войти в состав кабинета вместе с либералами и католиками, рассчитывая, что это поможет остановить продвижение фашистов к власти. 1 августа руководимый ими Союз труда объявил общенациональную забастовку (она была названа забастовкой «в защиту закона») с целью добиться создания правительства, которое будет защищать попираемую фашистами законность и гражданские свободы. Но буржуазные партии не приняли предложенного

реформистами сотрудничества, а забастовка, которой фашисты противопоставили угрожающую мобилизацию своих сил, в ряде мест начала перерастать мирные рамки. В Парме рабочее в баррикадных боях одержало победу над отрядами фашистов и изгнало их из города. Подобный поворот событий не отвечал намерениям реформистов. Как только Факта сформировал свое второе правительство, более правое по составу, Союз труда прекратил забастовку. Вскоре после этого он распался.

В ИСП курс реформистов на сотрудничество с буржуазными партиями повлек за собой раскол между ними и максималистами в октябре 1922 г. Исключенные из ИСП реформисты образовали Унитарную социалистическую партию (УСП). Если бы этот раскол произошел раньше, каждое из течений по крайней мере могло бы более свободно действовать в соответствии с собственной линией. Но в данной ситуации он привел лишь к еще большему разобщению внутри итальянского рабочего движения¹.

Теперь уже ничто не препятствовало фашистам в осуществлении их планов. В конце октября фашистский съезд в Неаполе предъявил правительству ультимативные требования относительно министерских постов. Была объявлена всеобщая мобилизация фашистских дружин, которые стали готовиться к походу на Рим. Правительство подало в отставку. Король, отказавшись подписать последний акт этого правительства — декрет об осадном положении, вызвал в Рим Муссолини и поручил ему формирование нового кабинета. Муссолини в этот момент не обошелся без лицедейства: в королевский дворец он явился одетым отнюдь не по требованиям придворного этикета (фашистская черная рубашка, брюки цвета хаки и краги) и в свое оправдание сказал монарху, что «едва только успел возвратиться с поля боя», тогда как в действительности с полным комфортом приехал из Милана в спальном вагоне специально предоставленного ему поезда. 30 октября 1922 г. в столицу вступили и расположились лагерем на улицах и площадях отряды вооруженных фашистов, а Муссолини возглавил правительство. Так в Италии установилось господство фашизма.

¹ Разрыв ИСП с реформистами снял главный мотив, по которому она была в 1921 г. исключена из Коминтерна. Был поставлен вопрос о ее возвращении и слиянии с КПИ. Но слияние не осуществилось, так как эта идея встретила противодействие со стороны обеих партий. В КПИ в 1924 г. вошла лишь образовавшаяся внутри ИСП фракция «сторонников III Интернационала» во главе с Серрати.

Италия стала первой страной, где фашистское движение смогло достичь власти. Это объяснялось рядом исторических причин. Итальянское либеральное государство подтачивалось все более глубоким политическим кризисом и едва устояло в период «красного двухлетия», когда страна пережила небывалый по масштабам и радикализму требований подъем массовых выступлений трудящихся. Класс капиталистов почувствовал, что его коренные материальные интересы поставлены под угрозу. Но казавшиеся прологом революции сентябрьские события 1920 г. закончились поражением рабочего класса. Как только буржуазия перешла в контрнаступление, в ее среде стала брать верх тенденция к реакционному пересмотру прежних методов политического господства. Для этой цели как нельзя лучше подходил фашизм, открыто провозгласивший отказ от либеральной традиции, начавший беспощадный террор против рабочих организаций, импонировавший крайним империалистическим кругам своим безудержным национализмом и к тому же сумевший увлечь за собой широкие мелкобуржуазные слои. В поддержку фашизма объединились основные фракции итальянской буржуазии, крупные землевладельцы, высшие военные круги, католическая иерархия, королевский двор. Для либеральных политических течений приверженность принципам демократии отступила на второй план перед стремлением спасти самую основу господства буржуазии.

То, что итальянский фашизм не имел исторических прецедентов, способствовало дезориентации его реальных и потенциальных противников, увеличивало вероятность ошибок с их стороны при определении собственной линии поведения. В результате фашизм в Италии на пути к захвату власти не встретил такого отпора, который мог бы остановить его. Победа фашизма не была неизбежной, но стала возможной при данной расстановке классовых и политических сил в итальянском обществе.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ФАШИЗМА

Первые шаги к фашизации государства

Приход фашизма к власти был государственным переворотом, хотя и обставленным атрибутами легальности. Он стал началом коренной перестройки итальянских политических институтов, которая происходила постепенно и при формальном сохранении преемственности с прошлым. Сперва как будто по-прежнему функционировал парламент, продолжали считаться легальными все политические партии. За весь период фашистской диктатуры в Италии не была отменена конституция, принятая после национального объединения. Однако, в сущности, от дофашистских политических порядков остался лишь фасад, за которым выстраивался принципиально иной механизм власти.

Сформированное Муссолини правительство выглядело как коалиционное: из 13 его членов фашистами были лишь трое, один — близким к фашизму националистом, остальные же — либералами (перед самым фашистским переворотом была создана Итальянская либеральная партия), католиками из Народной партии или беспартийными. Но при этом Муссолини взял себе не только пост премьера, но и два важнейших министерства (иностраннных и внутренних дел), а министры, не являвшиеся фашистами, были включены в правительство не как представители своих партий, а в персональном порядке. Сразу же после того как Муссолини возглавил кабинет, он без ложной скромности заявил одному из своих сподвижников: «То, чего до сих пор не было, есть... — правительство. Это я»¹.

¹ Цит. по кн.: Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 86.

Чистой проформой было и обращение Муссолини к парламенту за вотумом доверия новому правительству. При открытии парламентской сессии 16 ноября 1922 г. он выступил в палате депутатов с декларацией, составленной в таких выражениях: «Я мог бы воспользоваться победой, я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивак. Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил коалиционное правительство, но не для того, чтобы получить парламентское большинство: я в нем не нуждаюсь... Я не хочу править вопреки палате, коль скоро в этом нет необходимости. Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года... Мы требуем полноты власти, ибо хотим полной ответственности»¹.

Фашисты имели в этом составе палаты менее 7% депутатских мест, но большинство депутатов (306) уступило беспрецедентному нажиму и проголосовало в поддержку правительства Муссолини. Против доверия ему голосовали 102 депутата, принадлежавшие к обеим социалистическим партиям, КПИ, республиканцам, а также к возникшему в 1919 г. движению за автономию Сардинии — Сардинской партии действия.

В полном соответствии с заявленными Муссолини намерениями его правительство сразу же взяло курс на усиление собственных полномочий в ущерб прерогативам парламента. Сначала оно добилося права в течение года осуществлять без санкции парламента мероприятия в области финансов и реорганизации административного аппарата. Затем была проведена избирательная реформа, направленная на то, чтобы обеспечить полное подчинение выборной палаты парламента политическим целям фашизма. Пропорциональная система распределения мандатов заменялась вариантом мажоритарной системы: партии, получившей на выборах хотя бы относительное большинство не ниже 25% голосов, отводилось две трети депутатских мест. И только остальные места делились между другими партиями пропорционально числу собранных ими голосов.

Фактическим средоточием законодательной власти стал не парламент, а созданный в декабре 1922 г. Большой фашистский совет (БФС) под председательством Муссолини. В БФС

¹ Цит. по кн.: *Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919—1929 гг.* М., 1968. С. 169.

входили члены руководства фашистской партии, министры-фашисты и некоторые лично отобранные Муссолини местные фашистские лидеры. Сразу же после фашистского переворота префекты и другие должностные лица прежнего административного аппарата были поставлены под контроль специально назначаемых комиссаров, но этот институт просуществовал лишь до апреля 1923 г. Служившие главным инструментом фашистского террора вооруженные отряды (сквадры), которые до захвата фашистами власти действовали вне рамок официальной законности, приобрели государственный статус. В 1923 г. они были преобразованы в так называемую Добровольную милицию национальной безопасности (ДМНБ) — особую, собственно фашистскую вооруженную силу, приносившую присягу на верность королю, но подчиненную Муссолини.

Таким образом, в начальный период фашизма внешние формы демократии, существовавшей в Италии при либеральном режиме, не были упразднены, но перестали выражать реальные отношения власти. Решающая роль в государстве переходила к создаваемым заново фашистским структурам.

Фашизм и стабилизация капитализма

Приход фашизма к власти был встречен ликующими комментариями газет, близких к деловым кругам, и повышением курса акций на бирже. Буржуазия видела в фашизме гарантию «порядка» — важнейшего для нее условия возвращения к нормальной хозяйственной деятельности.

Еще до захвата власти фашисты, как уже упоминалось, начали сочетать террор против организованного рабочего движения с созданием собственных профсоюзов, которые проповедовали единение рабочих и хозяев во имя «общих интересов нации». Хозяева в профсоюзы обычно не вступали, однако эти организации не были и чисто рабочими: в их составе оказалось немало представителей интеллигенции, служащих, мелких торговцев и т. д. К концу 1922 г. фашистские профсоюзы насчитывали около 1 млн членов. После фашистского переворота они стали претендовать на монополию в профсоюзном движении, стремясь вытеснить профсоюзы других направлений. На местах вооруженные фашисты продолжали громить рабочие организации, стоявшие на плат-

форме классовой борьбы, и расправляться с их активистами, однако теперь «самочинный» террор дополнялся действиями репрессивных органов государства. Преследованиям подвергались организации и деятели разной политической ориентации — целью фашизма было сломить организованное рабочее движение как таковое. Первый при фашизме политический процесс был проведен в 1923 г. над группой коммунистов во главе с А. Бордигой.

Удары, нанесенные фашизмом, породили в рабочих массах растерянность, пессимизм, спад боевого духа. Эти настроения усугублялись действиями реформистских профсоюзных лидеров, которые стремились избегать классовых конфликтов в надежде на нормализацию отношений с новой властью. В 1923 г. число забастовок, согласно официальным данным, уменьшилось по сравнению с 1920 г. более чем в 9 раз, а число их участников — более чем в 19 раз.

Началось падение реальной заработной платы рабочих. Индекс зарплаты, в 1922 г. стоявший на 7 пунктов выше индекса стоимости жизни (для обоих индексов за 100 пунктов принят уровень 1913/1914 г.), в 1923 г. отстал от него на 17, а в 1924 г. — на 50 пунктов. Декретом о введении «по взаимному соглашению» между рабочими и хозяевами двухчасовых сверхурочных работ (март 1923 г.) фашистское правительство ликвидировало 8-часовой рабочий день, завоеванный в период «красного двухлетия». В 1923 г. были осуществлены массовые увольнения на государственных железных дорогах. Попытки железнодорожников развернуть борьбу против увольнений не встретили поддержки других категорий рабочих и закончились неудачей.

Но фашизм способствовал стабилизации буржуазного строя в Италии не только тем, что принудил рабочий класс к отступлению. В этом же направлении действовала вся социально-экономическая политика первых лет фашистской диктатуры.

С переходом от военной экономики к мирной система государственного регулирования хозяйственной жизни, сложившаяся в чрезвычайных условиях войны, все больше тяготила итальянскую буржуазию. Последняя жаждала избавиться от контроля государства над частнопредпринимательской деятельностью и свести государственное вмешательство в экономику к привычным для себя масштабам и формам. Возврат к принципам экономического либерализма

наблюдался тогда на Западе повсеместно, отвечая глубинным стремлениям буржуазии. Особенностью Италии было то, что здесь осуществление либерального экономического курса взял на себя антипод либерализма в политике — фашистский режим.

Вскоре после фашистского переворота был отменен закон об именной регистрации ценных бумаг, распущена парламентская комиссия, расследовавшая мошенничества на военных поставках, денационализированы телеграф, телефон и трамвайные линии, сняты законодательные ограничения, сдерживавшие рост платы за жилье и аренду земли. Фашистское правительство сократило государственное субсидирование экономики, но не в ущерб ведущим промышленным и финансовым группировкам. Ссуды итальянским банкам возросли с 2 млрд лир в 1922 г. до 7 млрд лир в 1925 г., военные верфи ежегодно обеспечивались дотацией в размере 180 млн лир, концерн «Ансальдо» получил одновременно 400 млн лир. Не были обойдены и помещики Юга: в 1924 г. возобновилась выплата им государственных ссуд на интенсификацию хозяйства.

В пользу имущих классов была пересмотрена система налогообложения. Прямые налоги превращались из прогрессивных в пропорциональные. Те из них, которые наиболее ощутимо затрагивали интересы финансово-промышленных магнатов (например, налоги на наследование крупных состояний, на военные прибыли — в сумме около 2 млрд лир), были отменены. В то же время число плательщиков налога на движимое имущество было расширено за счет мелких собственников. В результате более 100 тыс. мелких торговцев и ремесленников лишились почти четверти своего дохода. Был введен налог на заработную плату рабочих (свыше 10%). Главным же источником налоговых поступлений стали косвенные налоги, в наибольшей степени обременявшие трудовые слои населения.

Началось сокращение государственных расходов на социальное страхование. Были отменены пенсии и пособия участникам войны, среди которых в свое время вербовались первые кадры фашистского движения.

Вплоть до середины 20-х годов составной частью финансовой политики фашизма было поощрение инфляции, создававшей выгодную конъюнктуру для тех отраслей итальянской

промышленности, которые работали на экспорт, и открывавшей буржуазии дополнительные возможности для наступления на жизненный уровень рабочих. Произошло общее оживление деловой активности. За 1922—1924 гг. количество акционерных обществ выросло с 5951 до 8822, а их капитал увеличился на треть. Отмечался значительный рост промышленного производства (в 1923—1926 гг. — в среднем на 9,5% в год).

Но инфляция могла стимулировать подъем экономики лишь до известного предела, за которым она грозила расстройством хозяйственного механизма. В 1926 г. курс лиры на международном валютном рынке стал быстро падать. Для преодоления начинавшегося финансового кризиса фашистское правительство прибегло к займам у США, которые позволили ему в конце 1926 г. провести меры по стабилизации лиры. Лира — подобно валюте ряда других стран — была возвращена к золотому стандарту, а ее курс по отношению к доллару устанавливался на уровне 19:1 (вместо прежнего 31,6:1).

Издержки стабилизации капитализма в Италии, осуществляемой фашистскими методами, отразились на положении не только рабочего класса, но и мелкобуржуазных слоев населения. Экономическая политика фашизма, максимально благоприятствовавшая крупному капиталу, для этих слоев обернулась ускоренным разорением: среднемесячное число банкротств в 1924 г. выросло по сравнению с 1922 г. более чем вдвое. Мелкая буржуазия стала чувствовать себя обделенной, обманутой в надеждах осуществить с помощью фашизма свои социальные амбиции. Массовая база, на которую опирался фашизм при захвате власти, в этой важнейшей своей части начала размываться.

Фашизм и антифашистская оппозиция в период «кризиса Маттеотти»

Растущая оппозиция фашизму в средних слоях города и деревни находила различные проявления. Весной 1923 г. антифашистские настроения возобладали на съезде влиятельной среди крестьян Народной партии, после чего Муссолини удалил из правительства принадлежавших к ней министров. Фашизму начали отказывать в поддержке преимущественно мелкобуржуазные по составу ассоциации бывших фронтовиков и инвалидов войны. Внутри самой фашистской партии не-

довольство мелкобуржуазной членской массы породило острые разногласия и вызвало в ответ чистки и роспуск многих местных организаций.

Первые признаки поворота к антифашизму имели место и в либеральных политических кругах. В январе 1923 г. руководители Либеральной партии еще заверяли Муссолини в своей готовности «искренне сотрудничать и оказывать открытую поддержку правительству в его работе»¹. Весной того же года один из либеральных лидеров — бывший премьер Ф. С. Нитти — был настроен лишь на пассивное несотрудничество с новым режимом. В частном письме он тогда писал: «...необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех: никакой оппозиции с нашей стороны. Я не могу примкнуть к нему, но я не хочу и противодействовать ему. Я более чем когда-либо убежден, что вне моей программы нет спасения; но, оставаясь при этом убеждении, скрашивающем мое одиночество, я не хочу больше ничего предпринимать»². Однако вскоре Нитти собрал вокруг себя группу либералов, в той или иной форме критиковавших политику фашизма. Редактор «Коррьере делла Сера» Л. Альбертини, ранее поддерживавший фашистское движение ввиду его антисоциалистической направленности, теперь поместил в газете ряд статей против фашизма и в защиту либерализма. На антифашистскую платформу встали сторонники Джованни Амендолы (1882—1926), объединившиеся в «Конституционную оппозицию».

6 апреля 1924 г. должны были состояться выборы в парламент по фашистскому избирательному закону («закону Ачербо»), вступившему в силу в январе. Фашисты, выставившие свой «Национальный список», предложили включить в него также и кандидатуры готовых сотрудничать с ними представителей старых правящих группировок, но на это согласились лишь самые правые среди либералов — такие, как А. Саландра.

Джованни Амендола

¹ Цит. по кн.: Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961. С. 150.

² Там же. С. 49.

Избирательная кампания проходила в обстановке террора, по масштабам напоминавшего канун фашистского переворота: вооруженные фашисты разгоняли предвыборные собрания оппозиционных партий, нападали на выдвинутых ими кандидатов, громили редакции неугодных режиму газет и т. д. Применялись и иные средства нажима на избирателей — в виде, например, штемпеля на всех почтовых конвертах с изображением фашистской эмблемы и призывом голосовать за «Национальный список». Одновременно Муссолини пошел на признание СССР и установление с ним полномасштабных дипломатических отношений (7 февраля 1924 г.). Помимо других соображений, этот шаг был продиктован и стремлением приглушить оппозицию фашизму в тех слоях общества, где продолжали жить симпатии к российской революции и социалистическим идеям.

Всеми этими способами фашисты обеспечили себе большинство в новом составе палаты — 375 депутатов. Но даже по официальным данным, около трети голосов было подано за кандидатов от оппозиции. В частности, Народная партия провела в парламент 30 депутатов, либералы — 17, «Конституционная оппозиция» Дж. Амендолы — 12, республиканцы — 7, ИСП — 22, УСП — 24, КПИ — 19 (в том числе А. Грамши).

На заседании палаты 30 мая на трибуну поднялся социалист-реформист, секретарь УСП Джакомо Маттеотти (1885—1924). Это был политический деятель, веривший, как и другие реформисты, в эффективность парламентских средств борьбы с фашизмом, твердый в своих убеждениях и способный на решительные поступки. Его насыщенная фактами речь убедительно доказывала, что нужный фашистам результат выборов был достигнут с помощью насилия и различных злоупотреблений. Фашистские депутаты бесновались, перебивали Маттеотти злобными выкриками, но он довел свое выступление до конца, а после заседания сказал друзьям: «Ну, теперь можете готовить для меня надгробную речь»¹.

Джакомо Маттеотти

¹ Цит. по кн.: Алатри П. Происхождение фашизма. С. 133.

10 июня Маттеотти был похищен и убит (его тело найдут в окрестностях Рима лишь в середине августа). К организации убийства были причастны лица из ближайшего окружения Муссолини, действовавшие по его прямому приказу, — глава ведомства общественной безопасности и главнокомандующий ДМНБ генерал Э. Де Боно, член руководства фашистской партии и руководитель фашистского бюро печати Ч. Росси, секретарь фашистской партии по административным делам и еще один член ее руководства Дж. Маринелли, редактор газеты «Коррьере Италяно» Ф. Филиппелли и др. Исполнителем стал «специалист» по политическим убийствам А. Думини с несколькими подручными.

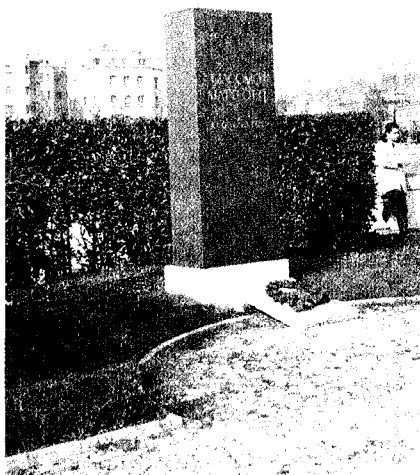
Весть об исчезновении Маттеотти встревожила общественность. Насчет его участи возникали самые худшие подозрения: после его выступления в парламенте фашистские газеты (особенно «Пополо д'Италия» Муссолини) недвусмысленно грозили ему расправой. О похищении Маттеотти сразу же сообщил в полицию свидетель происшедшего — швейцар одного из ближайших домов. Но полицейские власти, связанные директивами свыше, не спешили с расследованием и дезинформировали тех, кто добивался розыска пропавшего депутата. 13 июня фракция УСП в парламенте внесла по поводу судьбы Маттеотти запрос правительству. Муссолини в ответ заявил, что обстоятельства «неожиданного» исчезновения Маттеотти «еще недостаточно выяснены», но, по-видимому, он стал жертвой какого-то преступления, которое вызывает возмущение правительства и парламента. Последовала бурная дискуссия, в ходе которой оппозиция устами депутата-республиканца Э. Кьезы назвала соучастником преступления само правительство. Представители оппозиционных фракций («Конституционной оппозиции» Амендолы, Народной партии, республиканцев, УСП, ИСП, КПИ, а также некоторых мелких групп) покинули парламент и объявили о своем решении бойкотировать его работу до тех пор, пока не будут выяснены все обстоятельства преступления и наказаны все его участники. Они образовали блок, названный Авентинским — в память об эпизоде из истории античного Рима, когда плебеи в знак неповиновения патрициям удалились на Авентинский холм. 15 июня палата депутатов была распущена на неопределенный срок.

Тем временем после первых же сообщений об исчезновении Маттеотти начались массовые антифашистские выступле-

ния, каких Италия еще не видела. На площадях городов бурлили митинги протеста против злодеяний фашизма, никто не сомневался, что Маттеотти убит, и часто безошибочно называлось имя главного виновника убийства — Муссолини, хотя прямые доказательства его личной ответственности за это станут известны лишь позднее. Повсюду выдвигались требования отставки правительства. На улицах Рима народ приветствовал лидеров Авентинского блока. Ежедневно совершались настоящие паломничества на набережную Тибра, где Маттеотти был схвачен фашистами; люди приносили множество цветов и возлагали их на месте похищения (теперь там стоит памятный обелиск). Фашистов встречали на улицах свистом и негодующими возгласами, они боялись показаться на публике в своих форменных черных рубашках и с партийными значками. Повсюду говорили только о Маттеотти, новости, по свидетельству современника, распространялись подобно военным сводкам после победы или поражения. В ряде городов произошли нападения на местные организации фашистской партии и даже на солдат ДМНБ. Кое-где протест против политики фашизма выражался в забастовках, в Риме и Неаполе — всеобщих.

Митинги и демонстрации протеста происходили не только в Италии, но и в других странах — во Франции, Югославии и т. д. Телефонная связь между Италией и Францией была прервана. В официозной французской печати высказывались предположения, что «кризис Маттеотти» может повлечь за собой изменение политического режима в Италии.

И действительно, фашистский режим запатался. Попытка провести мобилизацию ДМНБ провалилась. Среди приближенных Муссолини царил паника. В ответ на выдвинутые оппозицией обвинения он заявил, что может отказаться от власти, и несколько дней отсиживался в здании министерства внутренних дел под охраной нескольких ба-

Обелиск в Риме на месте похищения Дж. Маттеотти.

тальонов пехоты. Между тем в печать уже просачивались сведения, указывавшие на лиц, замешанных в преступлении, и Муссолини, чтобы как-то успокоить общественное мнение и обелить себя, стал жертвовать своими приспешниками. Сначала были арестованы А. Думини и другие непосредственные исполнители убийства, затем последовала отставка с занимаемых постов Ч. Росси и помощника министра внутренних дел А. Финци. Росси и Финци в предвидении ареста и возможных попыток Муссолини вообще избавиться от них составили документы с подробным изложением того, как и кем замыслилось убийство Маттеотти, и передали их содержание представителям оппозиции. Маринелли был арестован, а Де Боно смещен с поста директора общественной безопасности. Сам Муссолини отказался от поста министра внутренних дел и передал его бывшему националисту Л. Федерцони (националисты в феврале 1923 г. влились в фашистскую партию).

Авентинский блок на начальном этапе «кризиса Маттеотти» стал центром притяжения всех антифашистских сил и пользовался широкой общественной поддержкой. Впервые антифашистские партии, включая и коммунистов, попытались действовать совместно. Для КПИ присоединение к Авентинскому блоку отвечало новой политической линии, которую предложил А. Грамши, избранный в 1924 г. генеральным секретарем партии и возглавивший борьбу за преодоление ее прежнего сектантского курса. Коммунисты призвали Авентинский блок подкрепить выдвинутые им требования отставки правительства, прекращения фашистских насилий, роспуска ДМНБ обращением к массам под лозунгом всеобщей политической забастовки.

Но остальные антифашистские партии отвергли путь активных массовых действий, вынудив КПИ ради сохранения своей политической самостоятельности отказаться от дальнейшего участия в Авентинском блоке. Не было принято и предложение, выдвинутое коммунистами уже после выхода из блока, — превратить собрание депутатов оппозиции в политический орган, открыто противостоящий фашистскому парламенту (антипарламент). Авентинский блок, в котором ведущую роль играли сторонники Дж. Амендолы, рассчитывал победить фашизм лишь кампанией «морального осуждения» и воздействия на короля с целью добиться отставки Муссолини.

Лидеры Авентинской оппозиции до самого конца 1924 г. медлили с опубликованием оказавшихся в их распоряжении разоблачительных свидетельств высокопоставленных фашистов. Они начали сомневаться в необходимости продолжать бойкот парламента, работа которого должна была возобновиться к середине ноября. Либеральная партия, представленная в Авентинском блоке группой сторонников Нитти, но как таковая не присоединившаяся к нему, перед открытием парламентской сессии приняла на своем съезде резолюцию против сотрудничества с правительством. Депутаты-либералы во главе с Джолитти явились в палату и при обсуждении бюджета министерств иностранных и внутренних дел проголосовали против правительственной политики. Это свидетельствовало об усилении антифашистских тенденций среди либералов старой формации, но в то же время побуждало авентинцев ради взаимодействия с ними проявлять все большую умеренность.

А время шло, и растерянность в фашистских верхах постепенно исчезала. Следствие по делу об убийстве Маттеотти практически не двигалось с места, ожидавший ареста Финци так и не был арестован, Де Боно сохранил за собой пост главнокомандующего ДМНБ. Муссолини откровенно издевался над оппозицией и ее упованиями на вмешательство короля, заявив 5 декабря 1924 г. в сенате: «Мне говорят: вы хотите остаться у власти в любом случае. Это неверно. Если бы король в конце этой дискуссии сказал мне: “Уйдите”, я встал бы во фронт перед его величеством Виктором Эммануилом III и ушел бы; но если речь идет о его величестве “Коррьере делла Сера”, то я не уйду»¹. Еще более определенно о завершении политического кризиса свидетельствовала речь Муссолини в сенате 3 января 1925 г. Он заявил, что принимает на себя всю политическую, моральную и историческую ответственность за случившееся, что в происходящей борьбе решить спор может только сила, что правительство больше не позволит нападать на себя и в состоянии сломить оппозицию.

Контрнаступление фашизма

Режим, установленный фашистами в Италии и на первых порах осуществлявший демонтаж прежней политической системы довольно осторожно, стал теперь все более явно эволю-

¹ Цит. по: L'Unità, 6 dicembre 1924.

ционировать в тоталитарном направлении. На протяжении 1925—1926 гг. развернулась ликвидация тех элементов демократии либерального образца, которые формально еще сохранились в Италии. В правительстве остались только министры-фашисты. На организации и газеты оппозиционных партий обрушились погромы «второй волны фашизма».

Свобода печати, декларированная конституцией, сводилась на нет ужесточением цензуры, которое началось еще в разгар «кризиса Маттеотти». Принятый в 1925 г. закон против тайных обществ, формально имевший в виду масонские ложи, в действительности упразднил конституционное право на создание ассоциаций.

Профсоюзы, руководимые социалистами, анархистами, католиками, не были официально запрещены, но постепенно вытеснялись из своей традиционной сферы деятельности. По соглашению, подписанному в 1925 г. между конфедерациями промышленников и фашистских профсоюзов, только последние признавались правомочными представителями рабочих в трудовых конфликтах и при заключении коллективных договоров. Одним из пунктов закона о правовой организации коллективных трудовых отношений, принятого в апреле 1926 г., был запрет на забастовки.

Жертвами фашистов стали Джованни Амендола и молодой талантливый публицист Пьеро Гобетти. Оба они подверглись нападению и в 1926 г. скончались от последствий перенесенных жестоких побоев. Авентинский блок, лишившись в лице Амендолы своего признанного лидера, не проявлял какой-либо активности и фактически распался.

В ноябре 1926 г. была принята серия чрезвычайных законов, положивших конец легальному существованию антифашистской оппозиции в Италии. Как повод для этого Муссолини использовал четвертое по счету покушение на его особу (существовало предположение, что покушения инсценировались по его же приказу). Оппозиционные партии подлежали роспуску, антифашистская пресса запрещалась, вводилась административная высылка лиц, подозреваемых в антифашистской деятельности, смертная казнь за покушение на жизнь Муссолини, короля или королевы. Принятие чрезвычайных законов сопровождалось массовыми арестами антифашистов. Среди арестованных был А. Грамши и ряд других видных деятелей КПИ.

Для обеспечения преемственности руководства компартией в начале 1927 г. был создан Заграничный центр во главе с **Пальмиро Тольятти** (1893—1964), заменившим Грамши на посту генерального секретаря. Но КПИ продолжала в подполье вести борьбу с фашизмом внутри страны — в отличие от других антифашистских партий, которые после чрезвычайных законов перенесли свою деятельность в эмиграцию. Часть из них (обе социалистические партии, республиканцы) вошли вместе с некоторыми другими эмигрантскими организациями в состав нового объединения, созданного в 1927 г. взамен Авентинского блока — так называемой Антифашистской концентрации.

В 1927 г. были учреждены важнейшие репрессивные органы фашистской диктатуры — Особый трибунал и тайная политическая полиция (ОВРА). Суду Особого трибунала предавались наиболее активные противники фашизма, обвинявшиеся в антигосударственных преступлениях. Именно Особый трибунал судил в 1928 г. Грамши и других арестованных руководителей КПИ, приговорив их к длительным срокам тюремного заключения (Грамши — к 20 годам).

Одновременно продолжалась фашизация уже существовавших государственных институтов. Государственный аппарат был подвергнут чистке от «ненационально мыслящих элементов». Посты в нем согласно одному из чрезвычайных законов 1926 г. могли занимать лишь члены фашистской партии. Все более усиливалась правительственная власть. Премьер-

министр Муссолини стал называться Главой правительства и был объявлен ответственным только перед королем, но не перед парламентом. За правительством в законодательном порядке было признано право вводить в действие декретируемые им нормы, не дожидаясь согласия парламента.

Хотя палата депутатов, избранная в 1924 г., имела фашистское большинство в две трети мест, а после чрезвычайных законов 1926 г. в ее составе вообще не осталось депутатов оппозиции (все они были лишены мандатов и многие арестованы), даже такой пар-

Пальмиро Тольятти

ламент стал уже неугоден фашистскому режиму. В мае 1928 г. был принят закон о реформе политического представительства, по которому право выдвижения депутатских кандидатур признавалось исключительно за фашистскими организациями, список кандидатов подлежал обязательному утверждению БФС, а процедура выборов сводилась к выражению согласия или несогласия с этим списком. Голосование было, в сущности, открытым: бюллетень с заранее напечатанным ответом «да» требовалось лишь опустить в урну, в случае же несогласия — зачеркнуть его. На выборах 1929 г. сделать это рискнули лишь 136 тыс. избирателей, тогда как 8,5 млн проголосовали «как надо». Выборы были, таким образом, превращены в плебисцит в поддержку режима — типичный для тоталитарных систем способ общения власти с населением, его «мобилизации сверху». БФС, уже присвоивший себе высшую законодательную власть, с конца 1928 г. был официально облечен ею.

Идеологи фашизма заявляли, что в Италии создается особое «корпоративное» государство, в котором будет достигнута гармония интересов различных классов «производителей» — рабочих и капиталистов. Весной 1927 г. БФС принял так называемую Хартию труда, в которой были провозглашены основные принципы фашистского корпоративизма. В качестве фундамента корпоративного государства предполагалось образовать по отраслям производства корпорации, объединяющие предпринимателей и рабочих для примирения их противоположных, но взаимосвязанных интересов, которые должны быть подчинены «высшим интересам производства», понимаемым как национальные. Утверждалось, что нация является собой «моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве». Предусматривалось воздействие государства на сферу производства в случае недостаточности частной инициативы или же «когда в этом замешаны политические интересы государства»¹.

Идеи фашистского корпоративизма тогда же нашли поклонников в реакционных кругах за пределами Италии. Но в самой Италии первые попытки приступить к практическому созданию корпораций остались безуспешными (им сопротивлялись как рабочие, так и предприниматели), и до экономического кризиса 1929 — 1933 гг. корпорации существовали лишь на бумаге.

¹ Цит. по кн.: *Конституции буржуазных стран*. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 160—162.

В 1929 г. фашистское правительство добилось урегулирования давнего конфликта между итальянским государством и католической церковью из-за «римского вопроса». По соглашениям, подписанным в Латеранском дворце, Святой престол за компенсацию в размере 1750 млн лир отказывался от притязаний на Рим, а Италия признавала суверенитет государства Ватикан, территория которого ограничивалась кварталом, прилегающим к собору Святого Петра, и загородной резиденцией папы¹. Государство пошло на значительные уступки церкви, позволившие ей расширить свое воздействие на семью и воспитание подрастающего поколения: нормой семейно-брачных отношений стал церковный брак, а школа, в сущности, утратила светский характер. Ценой этих уступок фашистский режим заручился идеологической поддержкой церкви, что было чрезвычайно важно для него ввиду сохранявшегося в Италии сильнейшего влияния католицизма.

Политика фашизма в сфере культуры. Интеллигенция и фашистский режим в 20-е годы

Одной из амбициозных целей режима Муссолини с первых лет его существования было преобразование на фашистский лад интеллектуальной и культурной жизни страны. Для этого применялись разнообразные политико-пропагандистские и организационные средства. Фашистское правительство стремилось создать себе благоприятный имидж в глазах интеллигенции, поощряя изыскания в различных областях науки, открывая новые центры исследований, учреждая литературные премии и т. д., и в то же время активно пресекало (часто с помощью цензуры) проявления оппозиционности в интеллектуальной среде.

Идейным лидером той части итальянской интеллигенции, которая поддержала фашистский режим, стал создатель философии актуализма Джованни Джентиле. Сотрудничество с фашизмом не противоречило его философской позиции — наоборот, в актуализме многое предрасполагало к этому.

Джентиле вошел в первый состав правительства Муссолини в качестве министра просвещения. Именно он провел

¹ Этот круг вопросов регулировался тремя документами: трактатом (международно-правовой статус государства Ватикан), конкордатом (взаимоотношения между церковью и государством в Италии) и финансовой конвенцией.

в 1923 г. школьную реформу, которая в части педагогических принципов была весьма прогрессивна, но в то же время стала первым шагом к отказу от светского образования: в начальных классах было введено преподавание Закона Божьего. В марте 1925 г. при активнейшем участии Джентиле в Болонье был созван Конгресс в защиту фашистской культуры. На нем присутствовало более двухсот писателей, журналистов, университетских профессоров, в том числе Ф.-Т. Маринетти и другие футуристы, А. Соффичи (докладчик по теме «Фашизм и будущее искусства»), Э. Коррадини (один из зачинателей движения националистов). Л. Пиранделло прислал конгрессу письмо с выражением своей поддержки.

По свежим следам конгресса был опубликован «Манифест фашистских интеллектуалов», написанный Джентиле, а в конце 1925 г. этот философ стал директором Фашистского национального института культуры, задачу которого видел в том, чтобы «направить энергию интеллектуалов на формирование сознания новой вожделенной фашистами Италии». Этому должны были служить издательская деятельность, осуществляемая под эгидой института, создание его секций и ячеек в учебных заведениях, научных учреждениях и т. д. Почетным президентом института являлся Муссолини.

Важным средством привлечения интеллигенции к сотрудничеству с режимом было начатое во второй половине 20-х годов издание Итальянской энциклопедии. Для этого был организован специальный институт под руководством Джентиле. Статья о фашизме, опубликованная в 1932 г. в 14-м томе энциклопедии, считалась написанной самим Муссолини, но одним из его соавторов был Джентиле, которому принадлежало изложение фашистской доктрины.

Иначе, чем Джентиле, повел себя другой крупнейший философ и деятель культуры — Бенедетто Кроче. До прихода фашизма к власти он разделял свойственные многим либералам надежды на то, что новую политическую силу можно использовать как средство преодоления послевоенного кризиса итальянского общества, а потом удастся «приручить» и подчинить конституционно-парламентским традициям. Но опыт первых лет фашистского господства убедил Кроче в беспочвенности этих ожиданий, и он стал переходить в оппозицию режиму. В ответ на манифест Джентиле, призывавший интеллигенцию к поддержке фашизма, Кроче спустя несколько дней выступил с «контрманифестом». Он настаивал на том,

что люди интеллектуальных профессий как граждане могут принадлежать к какой-либо политической партии, однако интеллектуальная деятельность как таковая должна быть свободна от влияния политических пристрастий. Под этим документом, полное название которого — «Ответ итальянских писателей, профессоров и публицистов на манифест фашистской интеллигенции», сначала было поставлено 40 подписей, а затем газета Амендолы «Мондо» опубликовала еще два списка лиц, сообщивших о своем присоединении к нему.

Но в отношении к фашизму Кроче разошелся не только с Джентиле. Не менее примечательно, чем «дуэль двух манифестов», происшедшее вскоре столкновение двух концепций итальянской истории от Рисорджименто до фашизма — Кроче и Джоаккино Вольпе (1876—1971).

Вольпе был известен трудами в области медиевистики, но с приходом фашизма к власти переключился на более близкую по времени тематику. Он встал на сторону фашистского режима и занял ряд важных постов в системе исторических научных учреждений, возглавив отдел средневековой и новой истории в институте, готовившем издание Итальянской энциклопедии, Школу новой и новейшей истории, созданную в 1925 г., а позднее — Институт новой и новейшей истории и кафедру новой истории на факультете политических наук Римского университета. Вместе с Джентиле Вольпе был привлечен в соавторы статьи о фашизме для энциклопедии, где написал историческую часть.

В 1927 г. Вольпе опубликовал книгу под названием «Италия в пути», охватывавшую весь период существования либерального государства до вступления Италии в мировую войну. Этот период он представил как эпоху безвременья, достойную внимания лишь постольку, поскольку страна под властью либералов накапливала негативный опыт и тем самым шла в направлении фашизма (именно такой смысл имело заглавие книги).

По отзыву Кроче, Вольпе изобразил такую Италию, которая «не думает, не мечтает, не размышляет, не критикует себя, не страдает, не радуется: она лишь идет»¹. Кроче ответил Вольпе своей книгой — «История Италии с 1871 по 1915 год» (1928), где нарисовал картину поступательного движения

¹ Croce B. *Intorno alle condizioni presenti della storiografia in Italia* // *La Critica*. 1929. Fasc. 4. P. 248.

Италии по пути либерального прогресса и ее значительных успехов в различных областях жизни общества. Но если Вольпе признавал определенную связь между историей либеральной Италии и фашизмом (при либеральном правлении Италия зашла в тупик, из которого фашизм ее вывел), то Кроче считал, что фашизм не имеет никаких корней в итальянской истории 1871—1915 гг. и порожден только потрясениями, которые принесла Италии мировая война.

Провозглашенный в полемике с манифестом Джентиле принцип свободы творчества в сфере культуры от политической ангажированности Кроче утверждал и всей направленностью своего журнала «Критика». Так как публикации журнала не имели политизированного характера, он не подпадал под цензурные запреты и продолжал выходить вплоть до конца фашистского режима. Собственно политическое выражение оппозиция Кроче фашизму нашла в 1929 г., когда Кроче в соответствии с антиклерикальными традициями итальянских либералов проголосовал в сенате против одобрения Латеранских соглашений.

Одним из самых ярких проявлений антифашизма в среде интеллигенции стала деятельность **Пьеро Гобетти**, прожившего очень короткую жизнь (1901—1926), но оставившего глубокий след в истории итальянской культуры. Гобетти был публицистом, литературным и театральным критиком, издателем, основателем нескольких журналов, из которых наиболее известен еженедельник «Ривольуционе либерале» («Либеральная революция»), выходивший в Турине с февраля 1922 г. по ноябрь 1925 г. В названии этого журнала заключена суть общественно-политических взглядов Гобетти. Он именовал себя либералом, понимая под либерализмом стремление к свободе, но в отличие от либералов традиционного склада считал носителем идеала свободы в XX в. рабочий класс. Либеральным, с точки зрения Гобетти, было все то, что способствует торжеству свободы, помогает проявиться или оформиться спонтанно рождающейся энергии, граждан-

Пьеро Гобетти

ской инициативе. Поэтому важнейшую либеральную (освободительную) роль в истории он отводил революциям.

Еженедельник Гобетти был боевым антифашистским органом, не раз подвергавшимся секвестру. В период «кризиса Маттеотти» в разных городах стали возникать группы его сторонников, которые объединяли преимущественно молодых интеллигентов, симпатизировавших Авентинскому блоку, но настроенных более радикально. В декабре 1924 г. в качестве приложения к «Ривольуционе либерале» начал издаваться дважды в месяц журнал «Баретти», названный в память итальянского литературного критика XVIII в. Джузеппе Баретти и посвященный проблемам культуры. Близкими по направленности к журналам Гобетти были и некоторые другие периодические издания, возникшие в это время, — «Каффе» (Милан), «Пьетре» (Генуя).

Гобетти не был профессиональным историком, но внес свой вклад в споры об исторических корнях фашизма, развернувшиеся в Италии с середины 20-х годов. При этом неизбежно вставал вопрос об оценке Рисорджименто, о том, есть ли какая-либо связь между итогами национально-буржуазной революции и последующим приходом фашизма к власти. Фашистский режим претендовал на роль наследника героических традиций Рисорджименто, его идеологи утверждали, что только при фашизме будут полностью осуществлены заветы той эпохи. Гобетти же в своей последней, посмертно изданной работе «Рисорджименто без героев» низвел с героического пьедестала деятелей национального движения, а фашизм рассматривал как расплату за то, что это движение не развернулось в народную, «либеральную» в его понимании революцию.

Постоянные преследования, которым подвергался Гобетти (неоднократные избиения, задержания, домашние обыски, цензурные санкции против «Ривольуционе либерале»), вынудили его прекратить издание журнала и эмигрировать во Францию. Он направился в Париж, где надеялся продолжить издательскую деятельность, но сразу же по приезде заболел и 15 февраля 1926 г. скончался.

Эмиграция оказалась уделом и еще одного деятеля итальянской культуры, ставшего активным антифашистом, — Гаетано Сальвемини, ранее снискавшего известность в качестве идеолога демократического меридионализма, издателя жур-

нала «Унитар», а в академической среде — историка, автора работ об итальянском средневековье, Французской революции, мировоззрении Дж. Мадзини. В январе 1925 г. вместе с группой молодых единомышленников он основал во Флоренции подпольную антифашистскую газету-бюллетень «Нон молларе!», что в переводе означает «Не сдаваться!». Газета выходила до начала октября, но еще раньше ее организаторы в результате доноса стали подвергаться преследованию. Сальвемини был арестован, а затем тайно выехал во Францию.

Незадолго до эмиграции Сальвемини опубликовал популярную работу «Политическая история Италии в XIX веке», которая в дальнейшем будет изъята фашистской цензурой. Вразрез с официально насаждавшейся трактовкой история Италии после объединения изображалась в этом сочинении как постепенное продвижение к демократии. Сальвемини не отрицал, что Рисорджименто было делом лишь меньшинства нации, но считал, что историю всегда творит «сознательное и активное меньшинство, которое, преодолевая инерцию масс, увлекает их к новым условиям жизни — подчас вопреки тому, к чему они непосредственно стремятся»¹. То, что вновь созданное государство не могло сразу осуществить все формально-юридические нормы демократии и действовало, в сущности, как диктатура Севера над Югом, Сальвемини объяснял объективными условиями времени, при которых только так могло быть сохранено едва завоеванное национальное единство. Тем самым он в определенной степени пересмотрел свою прежнюю негативную оценку либерального государства, придя к этому под воздействием уроков фашизма.

На родину Сальвемини вернется лишь после освобождения Италии от фашизма. В годы эмиграции он обосновался в США, преподавая в Гарвардском университете и заняв там кафедру истории итальянской цивилизации. Все это время в центре его научных интересов оставалась проблема фашизма. Сальвемини посвятил ей ряд работ, первая из которых — «Фашистская диктатура в Италии» — вышла в Нью-Йорке в 1927 г., а на рубеже 20—30-х годов была издана в Англии, Франции и Испании.

¹ *Salvemini G. Scritti sul Risorgimento (Opere di Gaetano Salvermini, II). Milano, 1963. P. 434.*

При фашизме оказались востребованы идеи классиков итальянской политической социологии, исследовавших отношения власти, — Г. Моски и В. Парето, а также переселившегося в Италию немецкого социолога Роберта Михельса (1870—1936). В 20-е годы был издан ряд их работ, в том числе «Основы политической науки» Моски (1923), «Трактат общей социологии» Парето (1923), «Курс политической социологии» Михельса (1927).

В 1926 г. было принято решение о создании Итальянской академии (реально ее организация завершится к 1930 г.). В ее составе насчитывалось 60 членов, входивших в четыре отделения. Президентом академии стал в 1930 г. Гульельмо Маркони (1874—1937), до этого возглавлявший Национальный совет по научным изысканиям, учрежденный в 1928 г. Он пользовался всемирной известностью как изобретатель беспроводного телеграфа, и его назначение должно было послужить престижу не только академии, но и самого фашистского режима.

Соображениями престижа диктовалось и поощрение арктических исследований. Известный конструктор дирижаблей и воздухоплаватель Умберто Нобиле (1885—1978) в 1926 г. участвовал в экспедиции Р. Амундсена на дирижабле «Норвегия», пролетевшей над Северным полюсом, а в 1928 г. организовал собственную экспедицию на дирижабле «Италия».

Нобиле удалось повторить полет над полюсом и сбросить там итальянский флаг, но на обратном пути дирижабль потерпел катастрофу. При поисках «Италии» погиб Амундсен. Из шестнадцати участников экспедиции восемь остались в живых и были спасены. Самого Нобиле вывез на материк норвежский самолет, а его спутников — советский ледокол «Красин» (полвека спустя это станет сюжетом фильма «Красная палатка», созданного итальянскими и советскими кинематографистами).

Область художественного творчества (литература, изобразительное искусство) также подвергалась воздействию, направленному на создание «фашистской культуры». В речи, произнесенной перед писателями в августе 1926 г., Муссолини призвал их быть «провозвестниками нового типа итальянской цивилизации», делать то, «что можно назвать интеллектуальным империализмом», т. е. «завоевывать» другие наро-

ды «очарованием наших духовных творений», воспитывая в них любовь к новой, фашистской Италии¹.

В конце 1925 г. возникло движение «Новеченто» («XX век»), основателем и теоретиком которого был писатель **Массимо Бонтемпелли** (1878—1960), а осенью 1926 г. начал издаваться журнал с одноименным названием. Бонтемпелли прошел через увлечение футуризмом, а затем стал фашистом — из тех, кто искренне поверил в первоначально провозглашавшиеся Муссолини идеи. Впоследствии он разочаруется в фашизме, но это произойдет много позже. Пока же Бонтемпелли и его единомышленники в Италии (примыкавшие к «Новеченто» литераторы и художники) вполне вписались в рамки политики, проводимой режимом в области культуры. Они исповедовали принципы, созвучные замыслам самого фашизма, выступая против характерной для модернистских течений элитарности искусства, за то, чтобы оно стало «популярным» и привлекало «публику», декларируя стремление быть одновременно «итальянцами, традиционалистами и современными художниками» и поддерживая «орлиную стаю», вдохновляемую в своей исторической миссии «римским идеалом».

Журнал «новечентистов» сначала был задуман Бонтемпелли как европейское издание и до 1928 г. печатался на французском языке. В его редакционной коллегии участвовали деятели культуры разных стран (в том числе Дж. Джойс и И. Эренбург), а среди публиковавшихся в нем авторов были не только итальянцы, но и такие зарубежные писатели, как С. Цвейг, Р. М. Рильке, А. Мальро и др. Но «европеизм» все чаще приходил в столкновение с набиравшей силу тенденцией к противодействию «развращающим» иноземным влияниям, а возможность печатать что-либо вразрез с официальной идеологией режима сокращалась.

Примечательна судьба взаимоотношений с журналом **Альберто Моравиа** (1907—1990) — впоследствии одного из самых известных итальянских писателей, чьи произведения переведены на ряд языков, включая русский. Его имя уже появлялось на страницах журнала, но когда в 1928 г. он предложил для публикации свой роман «Равнодушные», Бонтемпелли отказал ему, почувствовав в романе подспудную критику фашизма.

¹ Цит. по кн.: *Кин Ц.* Миф, реальность, литература. С. 106.

В 1926 г. состоялась выставка художников-«новечентистов», которую открыл сам Муссолини, а фашистская пресса широко разрекламировала. От художников, вошедших в Национальный синдикат фашистского изобразительного искусства, созданный в 1927 г., требовалось принесение клятвы в верности режиму. Синдикат оказывал им содействие в организации выставок и получении государственных заказов.

Поощрение искусства, претендующего на «народность», было связано с тем, что режим стремился преобразовать сферу не только «высокой» культуры, но и массового сознания, «фашизировать Нацию»¹, как выразился Муссолини на съезде фашистской партии в 1925 г. Кое-что в этом смысле было заметно уже к концу 20-х годов. Красноречивое свидетельство тому оставил Т. Манн в рассказе «Марио и волшебник» (1929), где повествование от первого лица — не просто авторский прием, а передача впечатлений самого писателя от Италии, подвергшейся фашистскому гипнозу.

Символична изображенная Манном зловещая фигура «мага» Чиполлы, но курортная публика, с которой встретилась приехавшая на отдых в Италию немецкая семья, описана вполне реалистически. Иностранцев среди отдыхающих в то время было мало (они съезжались позднее), и на пляже царил «местный средний класс, с виду приятные люди»². Но именно они и даже их дети являлись носителями «того общественного мнения, которое неуловимо нависало в воздухе, отравляя нам в общем приятный отдых. Здешней атмосфере недоставало какой-то чистоты, непринужденности; местная публика держалась крайне заносчиво; сначала казалось непонятным, зачем и для чего эти люди выхваляются своими достоинствами, чванятся важностью осанки и манер перед иностранцами и друг перед другом, выставляя напоказ преувеличенное чувство чести, — к чему все это? Со временем мы поняли, что это политика, что дело тут в идее нации». Так же вели себя с приезжими сверстниками и маленькие итальянцы: «...пляж кишел юными патриотами — явление противоестественное и удручающее... То и дело возникали обиды, отстаивалось чрезмерно

¹ Цит. по кн.: Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919—1929 гг. С. 250.

² Здесь и далее цит. по кн.: Манн Т. Новеллы. М., 1956. С. 295—296.

щекотливое и надуманное самолюбие, едва ли заслуживающее свое название, вспыхивала рознь национальных флагов, разгорались споры о превосходстве ранга и положения в обществе; взрослые вмешивались не столько умиротворяюще, сколько безапелляционно, защищая основные устои; произносились громкие слова о величии и достоинстве Италии, невеселые речи, отбивающие охоту к игре...»

Таковыми представляли свежему взгляду со стороны «итальянцы эпохи Фашизма»¹, о которых мечтал Муссолини. Но эволюция фашистского режима к концу 20-х годов еще не завершилась. Механизм его власти становился все более изощренным, а планы — все более обширными.

¹ Цит. по кн.: *Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919—1929 гг.* С. 250.

Глава 5

ДОСТРОЙКА ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

Италия и «великий кризис». Антикризисная стратегия фашизма

В 1929 г. Италия оказалась в водовороте мирового экономического кризиса невиданной силы и масштаба. К этому времени она еще не успела выйти из кризиса иного рода, связанного с последствиями фашистской валютной реформы 1926 г. То, что «великий кризис» начался при уже неблагоприятной экономической конъюнктуре, усугубило тяжесть его хозяйственных и социальных последствий.

Кризис, продолжавшийся в Италии до 1934 г., привел ее экономику в глубочайшее расстройство. К 1932 г., когда кризис достиг апогея, промышленное производство в целом сократилось примерно на 27—28% против уровня 1929 г., а по отдельным отраслям (добыча железной руды, выплавка чугуна и стали, производство проката) по крайней мере вдвое. Потерпели крах три крупнейших банка Италии (Коммерческий банк, Римский банк и банк «Итальянский кредит»), которые были стеновым хребтом ее кредитной системы и владели контрольными пакетами акций ведущих промышленных компаний. Объем внешней торговли Италии к 1934 г. уменьшился вдвое по сравнению с 1929 г. Число официально зарегистрированных безработных в 1932—1933 гг. превысило 1 млн чел.

Объединенными усилиями предпринимателей и фашистского правительства велось массированное наступление на заработную плату. Правительственными распоряжениями 1927, 1930, 1934 гг. зарплата промышленных рабочих была снижена в общей сложности на 35%, предприниматели же при заключении коллективных договоров с фашистскими профсоюзами могли сокращать ее и больше. Под централизо-

важное сокращение подпадали также зарплата сельскохозяйственных рабочих и жалование служащих.

Проведение таких мер могло обернуться неблагоприятным для режима эффектом. Чтобы предотвратить или смягчить его, правительство в условиях кризиса возобновило регулирование квартирной платы и существовавшую до 1927 г. выплату «семейных надбавок» (по соглашению 1934 г. между конфедерациями промышленников и фашистских профсоюзов предусматривались пособия для семей, имевших не менее двух детей моложе 14 лет).

Для крестьянских хозяйств последствия кризиса усугубили ущерб, понесенный ими от стабилизации лиры. Изъятие из обращения старых «дешевых» денег привело к значительному увеличению налогов и долговых обязательств, а резкое падение спроса на сельскохозяйственную продукцию еще больше затруднило для крестьян возможность расплатиться по всем видам задолженности. На протяжении 1927—1934 гг. по решению суда было продано за недоимки по налогам более 28 тыс. земельных участков, а в пользу кредиторов — более 22 тыс. На 1931 г. приходится наибольшее за этот период число описей за долги крестьянского движимого имущества и урожая на корню (свыше 333 тыс.).

Кризис привел к банкротству значительную часть городской мелкой и средней буржуазии. Среди двенадцати с лишним тысяч потерпевших крах итальянских предприятий около 90% принадлежало представителям именно этих слоев.

Результатом кризиса было значительное усиление концентрации и монополизации производства. Этот процесс активно стимулировался фашистским государством. Принятые еще до кризиса законы облегчали слияние коммерческих обществ. В 1931 г. были принудительно объединены в консорциум все предприятия по производству проката. Законом 1932 г. предусматривалось, что компании, представляющие 70% какого-либо производства, могут ходатайствовать о государственном регулировании всей данной отрасли в соответствии с собственными интересами.

В начале 1933 г. в Италии было создано крупнейшее государственное финансовое учреждение — Институт промышленной реконструкции (ИРИ), который взял на себя скупку акций трех вышеназванных обанкротившихся банков. Эта операция имела целью спасение за счет государства интересов ведущих промышленных объединений, тесно связанных с по-

терпевшими крах банками системой взаимного участия и узам долгосрочного кредита. Она обошлась (в ценах 1933 г.) в 6 млрд лир, выделенных из бюджетных средств. Вскоре ИРИ стал обладателем 94% акций Коммерческого банка, 78% акций «Итальянского кредита», 94% акций Римского банка и распространил свой контроль на большую часть металлургических и машиностроительных предприятий, судостроение и почти всю военную промышленность Италии. В дальнейшем, когда кризис миновал, произошло частичное расформирование ИРИ: некоторые (наименее связанные с риском) предприятия и отрасли были реприватизированы. Но долгосрочное кредитование промышленности осталось в основном в руках ИРИ и других государственных финансовых институтов, заместивших в этой роли крупные частные банки.

Таким образом, в Италии (как и в других странах) кризис обнажил неспособность к дальнейшему нормальному функционированию механизма капиталистической экономики, управляемого лишь стихийной игрой рынка, и привел к значительному усилению элементов государственного экономического регулирования. Особенностью здесь было то, что вмешательство в экономику в условиях кризиса исходило от фашистского государства, не связанного в своих действиях какими-либо постулатами старых либеральных доктрин. Поэтому фашистское государственное регулирование оказалось по сравнению с иными его вариантами более широким и всеобъемлющим, а также выступало в специфическом для фашизма идеологическом облачении.

В непосредственной связи с «великим кризисом» итальянский фашизм приступил к реализации своего широко разрекламированного социального эксперимента — так называемой корпоративной системы. В 1930—1934 гг. было создано 22 отраслевых корпорации, в каждую из которых входили соответствующее предпринимательское объединение и фашистский профсоюз. Назначаемые правительственным декретом представители работодателей и работающих по найму включались в Национальный совет корпораций вместе с министрами и их заместителями, представителями фашистской партии и различными экспертами, а министерство корпораций было наделено функциями министерства экономики. Лидеры крупнейших промышленных компаний участвовали в деятельности корпораций как эксперты, иногда даже возглавляли их.

Создание корпоративной системы, как и вся политика фашизма, имело ярко выраженный демагогический аспект. Однако этим ее значение не исчерпывалось. Она постепенно превращалась в один из рычагов фашистского государственного регулирования экономики.

Переход к агрессивной внешней политике и милитаризация хозяйственной жизни

Усиление государственного вмешательства в экономику продолжалось и после выхода Италии из кризиса. Это было связано с постепенным превращением итальянского фашизма в одну из самых агрессивных сил на международной арене и начатой им подготовкой к войнам.

В первые годы своего существования фашистский режим, используя великодержавную националистическую риторику, еще не был в состоянии перейти к широкой экспансии. Его внешняя политика была направлена в основном на то, чтобы вписаться в систему международных отношений, сложившуюся после Первой мировой войны, и закрепить за Италией роль страны, с которой нельзя не считаться. Правительство Муссолини смогло записать в свой актив присоединение к Италии Фиуме по новому договору с Югославией (январь 1924 г.) и начавшееся проникновение в Албанию. Уже стала обсуждаться тема превращения Средиземного моря во внутреннее итальянское море и расширения колониальных владений Италии. В частности, была вновь поставлена цель, не достигнутая во время колониальной войны 1895—1896 гг., — утверждение итальянского господства над Эфиопией. Но пока фашистский режим предпринял лишь первые подготовительные шаги в этом направлении, заключив в 1925 г. соглашение с Англией о будущем разделе Эфиопии, а с самой Эфиопией подписав договор (1928), суливший ей постоянный мир и вечную дружбу с Италией.

Но к началу 30-х годов во внешней политике фашистской Италии наметился поворот в сторону большей агрессивности. Выдвигались притязания на универсальную значимость фашизма и на уготованную Италии роль мирового лидера. Они подкреплялись активными пропагандистскими усилиями — «выбросом» за рубеж множества печатных материалов о фашизме, а в самой Италии — организацией в июне 1933 г. так называемых Комитетов действия за универсализацию Рима (КАУР),

предназначенных способствовать «динамичному продвижению фашизма на европейские просторы»¹. Все чаще и откровеннее звучали призывы к созданию империи, которая возродит величие Древнего Рима.

Первым актом агрессии фашистского режима стало нападение на Эфиопию в октябре 1935 г. Ему предшествовали тщательные приготовления. В сентябре 1934 г. был принят закон «О военизации нации», предусматривавший двухгодичное допризывное военное обучение, периодические военные сборы, обязательные для прошедших действительную службу в течение 10 лет после ее окончания, пребывание в запасе до 55-летнего возраста. Муссолини сосредоточил под своим непосредственным руководством три военных министерства (собственно военное, военно-морского флота и авиации) и министерство колоний. Армия дополнительно оснащалась артиллерией, стали создаваться бронетанковые дивизии. С февраля 1935 г. началась мобилизация мужчин призывных возрастов и переброска войск в Африку. В порядке экономической подготовки к войне в Италии была установлена монополия внешней торговли и значительно сокращен ввоз нестратегических товаров. В печати велась яростная кампания против Эфиопии — ее обвиняли в агрессивных намерениях, уподобляя пистолету, направленному в сердце Италии.

К середине 30-х годов расстановка сил на международной арене позволяла Муссолини надеяться на беспрепятственное осуществление его замыслов в Африке. После прихода к власти нацизма европейские державы были обеспокоены прежде всего агрессивными тенденциями, исходившими от Германии. Италия на первых порах не была в этом смысле исключением (в 1934 г. она весьма решительно воспротивилась подготовке к аншлюсу Австрии, начатой гитлеровским режимом), но важнее для страны было то, что в сложившейся ситуации стало менее острым ее противостояние с Францией. Начавшееся сближение между Францией и Советским Союзом Италия до известной степени уравнивала заключением в сентябре 1933 г. договора с СССР о дружбе, ненападении и нейтралитете. По колониальным же вопросам, раньше в наибольшей степени осложнявшим отношения с «латинской сестрой», в начале 1935 г. было подписано соглашение о раз-

¹ Цит. по кн.: Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. С. 102.

деле сфер влияния в Африке, которое сопровождалось секретной договоренностью о том, что Франция не будет препятствовать действиям Италии в Эфиопии.

Лига Наций признала Италию агрессором и ввела против нее экономические санкции — запреты на предоставление ей кредитов и продажу товаров стратегического назначения, а также на импорт любых итальянских товаров. Но даже страны, присоединившиеся к решению о санкциях, не всегда следовали ему на практике. В Италии же санкции были объявлены вопиющей несправедливостью по отношению к ней и использованы как повод для очередной шовинистической кампании.

При очевидном неравенстве сил Эфиопия не могла избежать поражения: против ее армии, располагавшей в лучшем случае ружьями старинного образца, итальянские войска действовали с применением танков, авиации и химического оружия. К маю 1936 г. Эфиопия была захвачена.

Тем не менее даже такая ограниченная по масштабам война оказалась серьезным испытанием для итальянской экономики. В предвидении будущих войн фашистский режим задался целью покончить с зависимостью Италии от ввоза извне и добиться ее автаркии, т. е. самообеспечения продовольствием и стратегически важными видами сырья.

Сфера государственного экономического регулирования расширилась. В деревне была введена система обязательных поставок, а затем, в сущности, ликвидирован свободный рынок сельскохозяйственной продукции, которая должна была продаваться только государственным заготовительным органам по установленным ими ценам. В 1936 г. был национализирован Итальянский банк, превращенный в центральный эмиссионный банк страны и контролировавший всю ее кредитно-денежную систему. Главное же — рычаг государственного вмешательства стал усиленно использоваться для развития важных в военном отношении отраслей промышленности и их сырьевой базы.

На средства бюджета был создан ряд предприятий по производству синтетического жидкого топлива и других заменителей тех видов сырья, которыми Италия не располагала. Государственные капиталовложения направлялись в горнорудную промышленность, в разработку залежей бурого угля, металлургию. На автаркию было ориентировано и развитие легкой промышленности. Потребителям назойливо рекомен-

довалось «предпочитать национальные продукты». На корпорации возлагалась задача координировать осуществление автаркии, а созданная верховная комиссия по автаркии, председателем которой стал сам Муссолини, наделялась правом вносить свои рекомендации государственным органам.

Государственное финансирование новых предприятий и отраслей было в незначительной степени связано с тем, что даже наиболее мощные частнокапиталистические компании не желали брать на себя риск огромных и не скоро окупающихся инвестиций. Но создавались и предприятия со смешанным капиталом, а в руководстве ИРИ и других государственных компаний ведущие промышленные акционерные общества («Терни», «Ансальдо», «Ильва», «Монтекатини», «Эдисон» и др.) имели своих доверенных лиц.

Фашистская система государственного экономического регулирования, полностью сложившаяся в 30-е годы, была в высшей степени выгодна промышленным магнатам. Она щедро поощряла усилия «капитанов промышленности» по наращиванию военного потенциала Италии, обеспечивала им защиту от иностранной конкуренции на внутреннем рынке и беспрецедентную возможность страховать себя за счет налогоплательщиков от издержек предпринимательской деятельности и сбоев в механизме капиталистического хозяйства. Только за пять лет — с 1934 по 1939 г. — прибыли 16 крупнейших итальянских трестов возросли на 78%.

На общем фоне начавшегося перехода к государственно-регулируемому капитализму хозяйственная политика итальянского фашизма была одним из самых широкомасштабных экспериментов в этом направлении. Она отвечала традиционному для итальянской буржуазии стремлению компенсировать собственную слабость опорой на «костыли» государственной помощи, но при этом проводилась специфически фашистскими методами — с выдвижением государства на роль верховного распорядителя национальной экономики, мобилизуемой на нужды войн, и активным использованием социальной демагогии (через корпоративную систему).

До определенной степени фашизм способствовал своей политикой модернизации итальянской экономики, превращению Италии из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну. Общий рост промышленного производства за 1922—1937 гг. составил более 60%. Однако фашистская Италия так и не достигла автаркии и не вырвалась в число сильнейших промышленно развитых капиталистических

стран. В 1939 г. она выплавляла чугуна в 20 раз меньше США и Германии, в 7,5 раза меньше Англии, в 6,5 раза меньше Франции; стали — в 12 раз меньше США, в 8 раз меньше Германии, в 5 раз меньше Англии, в 2,5 раза меньше Франции. Производство основных сельскохозяйственных продуктов по-прежнему далеко не покрывало внутренних потребностей. Реальный экономический потенциал Италии никак не соответствовал великодержавным амбициям фашистского режима.

Во второй половине 30-х годов Италия все теснее сближалась с гитлеровской Германией. Совместно они предприняли в 1936 г. военную интервенцию в Испании в поддержку мятежа генерала Ф. Франко против законного республиканского правительства (со стороны Италии в ней участвовали сухопутный экспедиционный корпус, авиация и флот). В том же году между Италией и Германией было подписано соглашение о сотрудничестве, известное как «ось Берлин — Рим». Оно предусматривало осуществление общей линии в вопросах европейской политики, совместные мероприятия в области «антибольшевистской борьбы», а также выход Италии (по примеру Германии) из Лиги Наций, который последует в конце 1937 г. Италия в 1937 г. присоединилась к германо-японскому «антикоминтерновскому пакту». Ее отношения с Францией вновь ухудшились: не успела Франция признать завоевание Италией Эфиопии, как ей были предъявлены итальянские притязания на Корсику, Тунис и Джибути. В апреле 1939 г. Италия оккупировала и аннексировала Албанию.

Прогерманская ориентация внешней политики итальянского фашизма способствовала усилению ее агрессивности, но в системе отношений с Германией Италия не была равноправным партнером. Гитлер все чаще действовал без ведома Муссолини, ставя его перед свершившимися фактами, а реальных возможностей противодейст-

Встреча двух диктаторов.
Берлин, сентябрь 1937 г.

водить этому фашистский режим не имел. Так, если в 1934 г. Муссолини предпринял военную демонстрацию на границе с целью помешать аншлюсу Австрии, то в 1938 г. без малейшего протеста согласился с ним. К заключению с Германией военного союза («Стальной пакт», май 1939 г.) Италия пришла в условиях, когда ей уже не раз дали почувствовать ее подчиненное положение.

Итальянский фашизм — тоталитарная диктатура

В 30-е годы окончательно сложился характерный облик итальянского фашизма как тоталитарной системы.

Принятие чрезвычайных законов 1926 г. покончило с легальной политической оппозицией. В борьбе с противниками режима открытый террор, практиковавшийся в первые годы фашизма, сменился широким использованием иных методов государственного принуждения. Малейшие проявления оппозиционных фашизму настроений фиксировались раскинутой по всей стране сетью агентов тайной полиции. «Неблагонадежные» обезвреживались с помощью административной высылки и других превентивных мер. Все это сочеталось с принудительной массовой организацией населения и всепроникающим идеологическим воздействием в духе отказа от гуманистических ценностей, культа крайнего шовинизма, насилия и войны.

Выборная палата парламента после реформы 1928 г. влачила призрачное существование (ее переизбрание в 1934 г., как и выборы 1929 г., больше напоминало плебисцит в пользу режима), а в 1939 г. была вообще ликвидирована. Вместо нее создавалась так называемая Палата фаши и корпораций, куда входили никем не выбираемые члены Национального совета фашистской партии и Национального совета корпораций, которые в случае лишения своих постов в этих органах теряли и «депутатское» кресло.

Сама фашистская партия, в которой, по данным на 1937 г., состояло 2152 тыс. членов, стала чисто иерархической организацией, отказавшейся от всяких выборных начал. В механизме фашистского режима она не подменяла собой государство, но выполняла важнейшую организационную и идеологическую функцию. Согласно принятому в 1932 г. уставу партия определялась как «гражданская боевая организация,

действующая по приказу вождя и находящаяся на службе фашистского государства»¹.

Сильно изменился состав фашистской партии. С конца 20-х годов из ее рядов в массовом порядке изгонялись «фашисты первого часа» — люди, которые присоединились к фашистскому движению на раннем этапе, привлеченные его бунтарским, «революционным» духом, но оказались не к месту в условиях, когда фашизм пришел к власти и стал действовать как сила «порядка». Новое же пополнение составляли не только фанатичные приверженцы режима, но и те, кто относился к членству в фашистской партии чисто прагматически — как к средству занять более высокое положение в обществе, продвигнуться в профессиональной карьере, а иногда и как к способу сохранить возможность заниматься делом своей жизни.

Фашистские профсоюзы остались единственными в Италии профессиональными организациями рабочих и с созданием корпоративной системы стали той ее составной частью, которая играла по преимуществу демагогическую, показную роль. Их высший персонал назначался и сменялся правительством по указаниям руководства фашистской партии. Правительство распределяло среди них средства, поступавшие в казну в виде специального профсоюзного налога, контролировало всю их деятельность, а через них — деятельность переданных в их ведение бирж труда, касс взаимопомощи и т. п. Была фашизирована и фактически огосударствлена система кооперативов. Подростающее поколение охватывалось детскими и юношескими фашистскими организациями различных ступеней. Весь ритуал и деятельность этих организаций имели подчеркнуто военизированный характер. В 1937 г. все они вошли в объединение под названием «Итальянская ликторская молодежь», возглавленное секретарем фашистской партии. Студенты были организованы в рамках Университетских фашистских групп. Спорт, поощряемый с откровенно милитаристскими целями, был отдан на откуп фашистским спортивным обществам, в частности организации «Дополаворо» («Послетрудовой досуг»). В какое-либо из объединений, контролировавшихся фашистской партией, входил почти каждый второй итальянец независимо от пола и возраста.

Средства массовой информации и все виды культурной деятельности находились под контролем Министерства по делам

¹ Цит. по кн.: Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. С. 141.

печати и пропаганды, а с 1937 г. — Министерства народной культуры. В университетах для профессоров была введена присяга на верность режиму (ее отказались принести лишь 13 профессоров из общего числа свыше тысячи), а затем и обязательное членство в фашистской партии. Принесение присяги (а для вновь принимаемых на должность — членство в фашистской партии) требовалось и от школьных учителей, которые в начальных классах должны были также возглавлять детские фашистские организации. Вся деятельность школы была переориентирована на воспитание «гражданина-фашиста». Этому служило содержание единых учебников, изданных в начале 30-х годов и действовавших до конца существования фашизма, введение новых предметов («Корпоративный закон», «Фашистская культура», с 1935 г. — военная подготовка в объеме 20 часов в месяц), ритуализация на фашистский лад внутришкольного распорядка и т. д.

Доходило до гротескных форм обожествление Муссолини. Генеральный прокурор Италии предложил в 1932 г. украсить изображением дуче (т. е. вождя фашизма) — «наряду со статуями всех великих законодателей Древнего Рима»¹ — здание Дворца правосудия, ибо тот своей внешностью напоминает о величии Римской империи. Редакторов газет особыми секретными циркулярами наставляли: «Подтверждается распоряжение, содержащее в себе абсолютный запрет упоминать чьи-нибудь другие имена в возгласах приветствия по адресу Дуче»; «всегда напоминать, что все происходящее в настоящее время в Италии — подъем промышленного производства, военная подготовка, спиритуалистическое воспитание и т. д. — все исходит от Дуче и несет на себе его неизгладимую печать»². Как-то ретивые газетчики прогневали Муссолини, с умилением поведав о том, что он посетил психиатрическую больницу и был восторженно встречен пациентами.

Структура фашистской тоталитарной системы власти представляла собой некое подобие пирамиды, вершиной которой была наделенная сверхчеловеческими чертами фигура харизматического вождя — дуче, а основанием — массы населения, лишенные какой-либо самостоятельности, инициативы, возможности идейного и политического выбора и превращенные в объект манипулирования, «мобилизации сверху». Диа-

¹ Цит. по кн.: *История Италии*: В 3 т. М., 1970—1971. Т. 3. С. 100.

² Кин Ц. И. Миф, реальность, литература. С. 114—115.

лог между вождем и массами в такой системе осуществлялся как бы напрямую, без посредников — в виде речей Муссолини перед тысячами слушателей, приводимых в неистовый восторг его ораторскими и актерскими приемами; прославляемого газетами и кинохроникой личного участия дуче в сельскохозяйственных работах или спортивных и других мероприятиях по насаждению «фашистского стиля жизни»; через плебисцитарные формы массовой поддержки режима и т. д.

«С массой, — заявил Муссолини в 1932 г. немецкому писателю Э. Людвигу, — надо говорить повелительно: она, как женщина, любит только сильных, которые внушают ей не только любовь, но и страх... Масса для меня — не что иное, как стадо овец, пока она не организована. Я вовсе не против нее. Я только отрицаю, что она может собою управлять»¹. Особо приближенным лицам дуче, не церемонясь, говорил о своей массовой аудитории: «моя толпа». А вот портрет его самого во время выступления, нарисованный очевидцем — Ц. И. Кин, впоследствии автором широко известных историко-публицистических эссе, в 30-е годы находившейся в Италии вместе с мужем — советским журналистом:

«Мне случалось много раз слышать его — он выступал с балкона Палаццо Венеция темпераментно, несколько высокопарно, с приемами опытного оратора, он умел быть торжественным, но умел быть и “простонародным” — вдруг какой-нибудь довольно вульгарный жест или словечко, оживляющее речь. На Цезаря он никак не походил, в нем чувствовалось что-то неистребимо провинциальное; маленькие глаза и выступающая вперед нижняя челюсть придавали лицу выражение скорее упрямства, чем силы; перстни на

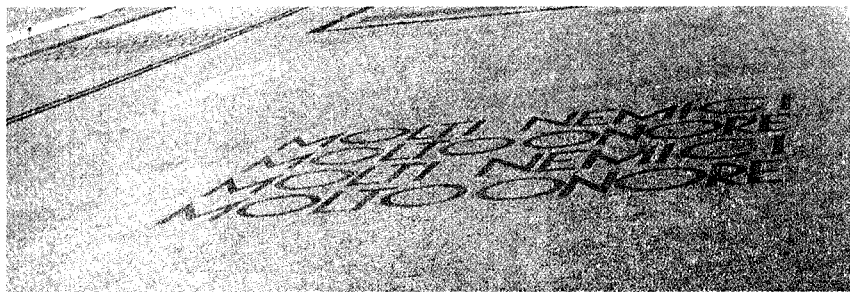
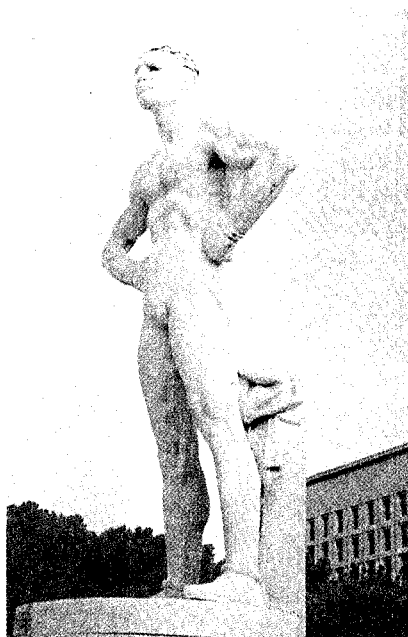
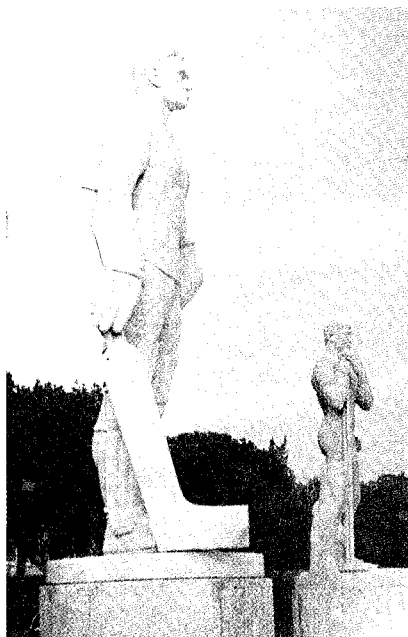

Дуче ораторствует

¹ Цит. по кн.: *История Италии*: В 3 т. Т. 3. С. 100.

пальцах выдавали в нем мелкого буржуа — он всегда позировал»¹.

В Риме и сейчас можно видеть расположенный на берегу Тибра комплекс сооружений под названием *Foro Italico* (Италийский форум), который раньше именовался «Форум Муссолини». Он предназначался и для занятий спортом (в не-

«Форум Муссолини». Детали оформления

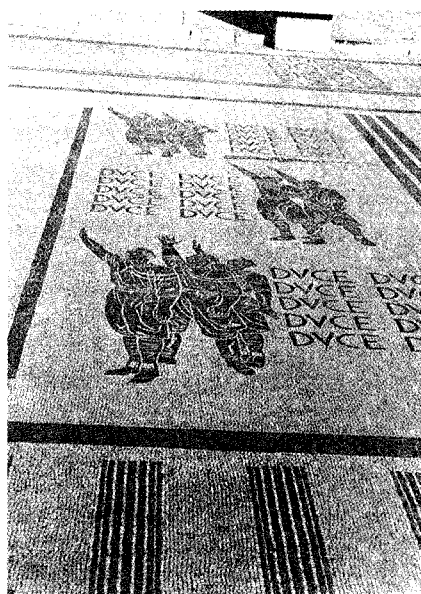
¹ Кин Ц. Миф, реальность, литература. С. 152.

го входят, в частности, стадион, спортивные залы и плавательный бассейн), но прежде всего — для прославления деяний фашизма и лично дуче.

Стадион окружен мраморными фигурами атлетов, воплощающими отнюдь не физическую красоту и гармонию человеческого тела — у них гипертрофированно развитые мускулы и тупые, злобные лица. Примыкающая к стадиону площадка уставлена памятными знаками в честь различных событий «фашистской эры»¹ и вымощена мозаикой, бесконечно повторяющей слово «дуче», а перед всем комплексом возвышается стела с латинской надписью: *Mussolini dux*.

Пропагандистским целям были подчинены и другие градостроительные начинания времен фашизма. В архитектуре поощрялись грандиозность, тяжеловесность форм (характерный пример — железнодорожный вокзал в Милане), следование национальным традициям. Но не возбранялось — особенно при сооружении «престижных» для режима объектов — и использование новейшего архитектурного опыта с его стремлением к рациональной простоте и функциональности. В связи с «универсалистскими» поползновениями фашизма важнейшее значение придавалось намеченному на 1942 г. проведению в Риме всемирной выставки, для чего было начато строительство комплекса ЭУР (*EUR — Esposizione Universale Roma*).

Упрочению общественного согласия с режимом должна была служить проводившаяся им соци-

«Форум Муссолини».
Деталь оформления

¹ В 1927 г. понятие «фашистская эра» было официально введено в летосчисление. В календаре рядом с общепринятыми датами должны были указываться годы от ее начала (приход фашизма к власти).

альная политика. Существовавшая в дофашистской Италии система социального страхования и пенсионного обеспечения была расширена и дополнена введением страхования по болезни, инвалидности и безработице, законодательной охраны материнства, пособий, стимулировавших увеличение рождаемости, и т. д. Все это до известной степени способствовало если не активной поддержке фашизма со стороны большинства населения, то отсутствию направленных против него значительных проявлений недовольства.

Особые расчеты фашистский режим возлагал на соглашение с католической церковью, достигнутое в 1929 г. В честь этого события в Риме была даже проложена новая улица — *Via della Conciliazione* (улица Примирения), по которой прошла символическая граница между Италией и Ватиканом. Но вне выстроенной фашизмом системы организаций продолжало существовать светское католическое движение в виде так называемого Католического действия, созданного в 1922 г. и включавшего в себя множество различных ассоциаций. Через него церковь надеялась сохранить известное влияние прежде всего в молодежной среде, что шло вразрез с притязаниями фашизма на безраздельный контроль над обществом.

В 1931 г. было распущено около 10 тыс. входивших в Католическое действие молодежных и университетских кружков. Протест со стороны Ватикана вынудил фашистское правительство пойти на переговоры с церковью. В результате светские католические организации не лишились права на существование, но сфера их деятельности была резко ограничена — им запрещалось создавать профессиональные секции, вести воспитательную работу в школах и т. д. Новый кризис в отношениях церкви с фашистским режимом последовал в конце 30-х годов и был связан не только с дальнейшими атаками на Католическое действие и наступлением на частные конфессиональные школы, но и с тем, что Ватикан, критически относившийся к церковной политике нацизма, не одобрял все более явной пронацистской ориентации Муссолини.

Консервативные военные и политические круги, традиционно связанные с институтом монархии и поначалу с недовěřием относившиеся к «выскочке» Муссолини и его окружению, в 30-е годы более или менее ассимилировались с фашизмом. Агрессия против Эфиопии была совершена при активной и демонстративной поддержке короля Виктора Эммануила III,

который по окончании войны наградил Муссолини высшим военным орденом.

После захвата Эфиопии Италия была провозглашена империей, которую фашистская пропаганда изображала как возрожденную Римскую империю. Вдоль одной из столичных улиц, ведущей от Капитолийского холма к Колизею (*Via dei Fori Imperiali* — улица Императорских форумов), были размещены для всеобщего обозрения большие географические карты, напоминавшие о том, как расширял свои владения античный Рим. Новоявленная империя обставляла себя псевдоримским декорумом повсюду — в фашистской символике, в терминологии, в официально декретируемых правилах поведения.

Излюбленным пропагандистским приемом стало при фашизме проведение шумных массовых кампаний, которые для усиления их мобилизационного эффекта уподоблялись «битвам» («битва за зерно» — расширение посевных площадей для самообеспечения Италии хлебом; «битва за всеобщую мелиорацию», частью которой было осушение Понтийских болот под Римом; «битва за высокую рождаемость» и т. д.). Во время войны с Эфиопией было организовано массовое пожертвование золота и металлических изделий на военные нужды. В театрально обставленной церемонии сдачи обручальных колец на Римской площади Венеции (под окнами дворца, с балкона которого обычно выступал Муссолини) первыми приняли участие королева и жена дуче, а сам он распорядился пожертвовать металлические предметы из своего дома, общим весом свыше двух тонн, в том числе собственные бюсты.

Вслед за нацистской Германией в Италии стал пропагандироваться расизм. Итальянцы были объявлены одной из «арийских» рас, «чистота» которой должна всемерно оберегаться. В 1938 г. была принята серия расовых законов, открывших кампанию дискриминации и преследования лиц «неарийского», и прежде всего еврейского происхождения. Им запрещалось вступать в браки с гражданами «чистой итальянской расы», преподавать и занимать научные посты, служить в государственных и полугосударственных учреждениях. Они не подлежали призыву в армию и были стеснены в праве на недвижимую собственность, их дети должны были обучаться отдельно от прочих учеников, в особых классах.

Итальянский фашизм не дошел до гитлеровской системы массового уничтожения политических противников или расо-

вого геноцида. Но так было не потому, что фашистский режим в Италии имел принципиально отличную от нацизма природу. Различаются лишь формы и методы фашизма, который принаравливается к особенностям каждой страны, спекулирует на ее прошлом, использует в собственных целях черты массовой психологии данного национального образца.

Италия на протяжении столетий неоднократно подвергалась иностранным завоеваниям, она не прошла через Реформацию, которая в других европейских странах в той или иной степени ослабила непререкаемую власть над умами католических догм. В подобных условиях в массовом сознании глубоко укоренился конформизм, т. е. готовность к чисто внешнему, формальному восприятию определенной идеологии или стандартов поведения. Фашистскому режиму это облегчало достижение видимого, а до известной степени и реального согласия (консенсуса) между властью и обществом, позволяло искоренять инакомыслие не фронтальной террористической атакой, а более изощренными методами.

Однако фашизм так и не смог глубоко внедрить в сознание итальянцев то, что было абсолютно чуждо историческим традициям страны, — например, отравить его ядом антисемитизма и расизма или перестроить на милитаристский лад.

Противостояние фашизму

Оппозиционные фашизму силы в 30-е годы были загнаны в подполье или действовали в эмиграции. Политические эмигранты обосновались главным образом во Франции, частично — в Бельгии и США. Многие из коммунистов эмигрировали также в Советский Союз.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., глубоко затронувший Италию, породил в среде антифашистской эмиграции надежды на близкий крах фашизма. Исходя из этого прогноза, различные антифашистские течения в годы кризиса активизировали свою борьбу с фашизмом, однако результаты, стоившие тяжелых потерь, оказывались совершенно несоизмерны ожиданиям.

В 1930 г. руководство КПИ приняло решение перебросить на нелегальную работу внутри страны большую часть партийных кадров и воссоздать внутренний центр партии в дополнение к Заграничному центру. Этот курс диктовался тогдашними директивами Коминтерна и основывался на представлении

не только о скором падении фашизма в Италии, но и о близости социалистической революции. Он был рецидивом сектантских тенденций, проявившихся также в резко негативном отношении к социалистам, которые рассматривались не как союзники коммунистов против фашизма, а как пособники последнего. Подобные установки были подтверждены и на IV съезде КПИ, состоявшемся в 1931 г. в Германии.

Обе социалистические партии (максималистская и реформистская) в конце 20-х годов совершили определенную эволюцию влево и подвергли критическому пересмотру всю свою прежнюю тактику борьбы с фашизмом. На этой почве они вновь сблизились между собой и в 1930 г. провели в Париже объединительный съезд. Объединенная партия приняла сохраненное максималистами прежнее название — ИСП. Как и коммунисты, социалисты полагали, что фашизм близок к краху, но ни о каких совместных с КПИ действиях не помышляли, будучи не в состоянии отрешиться от своих давних антикоммунистических предубеждений. Враждебная отчужденность между партиями была взаимной, имела истоки с обеих сторон.

В 1929 г. в Париже возникла новая итальянская антифашистская организация «Справедливость и свобода». Ее основателем был Карло Росселли (1899—1937). Он начал свою политическую деятельность как социалист-реформист, вместе с Сальвемини издавал подпольную «Нон молларе!», участвовал в издании журнала «Куарто стато» («Четвертое сословие»), выходившего в Милане в 1925—1926 гг. За содействие нелегальному выезду Филиппо Турати из Италии Росселли был арестован и сослан на о. Липари, откуда ему удалось бежать во Францию. В ссылке Росселли написал работу «Либеральный социализм», где отстаивал идею синтеза либеральных и социалистических принципов, а по существу, изложил программу будущей организации «Справедливость и свобода». Эта организация стояла на

Карло Росселли

республиканской платформе и признавала, что для свержения фашизма необходимы активные действия вплоть до восстания.

Движение «Справедливость и свобода» создавало свои подпольные группы в Италии, распространяло антифашистские листовки, его приверженцы совершили ряд актов индивидуального террора. В 1930 г. член «Справедливости и свободы» Джованни Бассанези (1908—1948) взлетел на небольшом самолете с аэродрома в Швейцарии и взял курс на Милан. Разбросав над городом листовки, он благополучно вернулся обратно.

Фашистской тайной полиции удалось, заслав в руководство «Справедливости и свободы» провокатора, выследить и арестовать большинство активистов этого движения в Италии. В 1931 г. «Справедливость и свобода» до известной степени сблизилась с социалистической партией и присоединилась к Антифашистской концентрации, но ее сотрудничество с социалистами вскоре сменилось отношениями конкуренции и острой полемикой, что способствовало распаду Концентрации (апрель 1934 г.).

Эмигранты-католики в период создания Концентрации оказались в стороне от нее. Это объяснялось не только их политической пассивностью, но и тем, что входившие в Концентрацию партии, которые традиционно исповедовали антиклерикализм, считали католические силы опорой фашистского режима. Некоторые деятели Народной партии (Л. Стурцо, Ф.-Л. Феррари, Дж. Донати) попытались в 1927 г. восстановить за границей ее организацию, однако дело не пошло дальше совещания с участием около 100 бывших членов партии и создания в Брюсселе секретариата во главе с Феррари.

Франческо Луиджи Феррари (1889—1933) и Джузеппе Донати (1889—1931) были представителями левого крыла католиков и раньше многих других осознали необходимость взаимодействия с антифашистами других направлений. Они подвергли критике позицию и деятельность Народной партии в первые годы фашизма, пришли к выводу, что путь к его свержению лежит через революцию. В спорах среди антифашистов о том, как возникновение фашизма соотносится с предшествующей историей Италии, левые католики расходились с Кроче, рассматривавшим фашизм как перерыв в нормальном развитии итальянского общества, и были ближе к критической точке зрения Гобетти (у Гобетти фашизм пред-

ставал как «автобиография нации», а у Донати — как «хроническая болезнь истории и характера итальянцев»).

Внутри Италии католики не проявляли открыто нелояльности к режиму, но как бы отгораживались от его идеологического напора благодаря сохранению в рамках Католического действия собственных организаций, автономных по отношению к фашистским структурам. Эти организации сами по себе не были носителями антифашистских настроений, но оставались чужеродным тоталитарной системе явлением — и именно поэтому Муссолини неоднократно пытался их уничтожить. Однако внутри организаций Католического действия в начале 30-х годов стали складываться подпольные антифашистские группы.

Одной из таких групп был Национальный союз, основанный Лауро Де Бозисом (1901—1931) — поэтом, переводчиком, несколько лет жившим в США и вернувшимся в Италию летом 1930 г. Де Бозис стремился привлечь к совместной антифашистской деятельности либералов, католиков, республиканцев, социалистов. Из возможных участников борьбы с фашизмом он не исключал и сторонников монархии, а принципиальный антимонархизм и антиклерикализм Антифашистской концентрации считал ошибкой, которую следует преодолеть. Более того, Де Бозис видел желательных союзников и в самих институтах монархии и церкви, полагая, что без их поддержки антифашистское движение станет монополией коммунистов.

Деятельность Национального союза выражалась в распространении листовок (их рассылали по почте). Уже осенью 1930 г. последовали аресты лиц, входивших в эту подпольную организацию (в Вероне, Анконе, области Лигурия). Сам Де Бозис в 1931 г. по примеру Бассанези совершил полет над Римом и разбросал 400 тыс. листовок, но из полета не вернулся — по-видимому, его самолет упал в море.

Основной слабостью итальянского антифашистского движения оставались разобщенность, соперничество и недоверие между разными его течениями. С середины же 30-х годов оно вступило в такую фазу своего развития, которая будет отмечена как первыми попытками освоения новых политических подходов, так и большими трудностями, потерями и неудачами.

С одной стороны, приход нацистов к власти в Германии еще раз подтвердил, что отсутствие единства среди антифа-

шистов разных направлений ведет к их общему поражению. С другой стороны, во Франции в феврале 1934 г. впервые удалось преградить фашизму путь к власти благодаря тому, что здесь антифашистские силы выступили единым фронтом.

В августе 1934 г. КПИ и ИСП заключили соглашение о единстве действий. В октябре 1935 г. по их инициативе в Брюсселе был созван конгресс итальянцев-антифашистов под лозунгом борьбы против агрессии в Эфиопии. Из эмигрантских организаций в конгрессе не участвовала только «Справедливость и свобода»: с точки зрения Росселли, борьба против войны (в частности, поддержка санкций, объявленных Лигой Наций) могла бы повредить подготовке антифашистского восстания, которое война сделает возможным.

Особенно важное значение для всех итальянских антифашистов имело их участие в защите Испанской республики от франкистского мятежа, получившего массированную военную поддержку режима Муссолини. В интернациональных бригадах и в составе испанской республиканской армии насчитывалось, по различным сведениям, от 3 до 5 тыс. итальянских добровольцев — коммунистов, социалистов, приверженцев «Справедливости и свободы», республиканцев, анархистов, беспартийных. Они сражались плечом к плечу под лозунгом, выдвинутым Росселли: «Сегодня — в Испании, завтра — в Италии».

Военные авантюры фашизма ускорили расшатывание идеологических стереотипов режима в сознании части молодежи. Это было поколение, выросшее при фашизме, ничего не знавшее об антифашистских партиях, которые действовали в подполье или в эмиграции. Оппозиционные настроения в молодежной среде проявлялись преимущественно внутри созданных режимом массовых организаций, но иногда выливались и в попытки создания нелегальных антифашистских групп. Даже в самой фашистской партии вызывало недовольство то, что Италия постепенно превращалась в послушного исполнителя предписаний своего старшего партнера — Германии.

Однако происходившие в Италии сдвиги в общественных настроениях были неоднозначными. Развернутая в связи с войной в Эфиопии и провозглашением империи великодержавная шовинистическая пропаганда не осталась без результатов. От пассивного согласия с режимом часть общества пере-

шла к его активной поддержке. В этих условиях нелегальная антифашистская деятельность внутри Италии, и раньше сопряженная с большими потерями, все более затруднялась.

Коммунистическая партия, активно стремившаяся поддерживать свою подпольную сеть в Италии, во второй половине 30-х годов в значительной мере утратила ее. Возникавшие вновь нелегальные группы коммунистов зачастую не имели никаких связей с Заграничным центром.

В апреле 1937 г. скончался крупнейший политический деятель КПИ Антонио Грамши. Фашистский режим расправился с ним, умертвив долголетним тюремным заключением (Грамши был тяжело болен и знал, что не выйдет на свободу). Вскоре во Франции по заданию итальянских спецслужб были убиты недавно вернувшиеся из Испании братья Карло и Нелло Росселли — лидеры движения «Справедливость и свобода».

В фашистской тюрьме создавался главный теоретический труд Грамши «Тюремные тетради», который станет известен лишь после Второй мировой войны. Обходя с помощью особого условного языка контроль тюремной цензуры над своими записями, Грамши подверг в них анализу широкий круг философских, исторических, политических проблем. В частности, он одним из первых среди марксистов обратил внимание на начавшийся процесс трансформации капитализма (отвечающий «имманентной необходимости» переход «от старого экономического индивидуализма к планомерно организованной экономике»¹), а также отметил определенный модернизаторский потенциал экономической политики, проводимой итальянским фашизмом. Представления Грамши о природе фашизма и перспективах антифашистской борьбы во многом опережали теоретическую разработку этих проблем в международном коммунистическом движении.

После VII конгресса Коминтерна КПИ попыталась дать собственное, максимально широкое истолкование лозунга Народного фронта. Стремясь вовлечь в борьбу с режимом оппозиционно настроенных фашистов («братьев в черных рубашках»), она выступила в августе 1936 г. с призывом к примирению всех итальянцев без различия политических убеждений ради освобождения страны из-под власти паразитической

¹ Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. A cura di V. Gerratana. Torino, 1975. P. 2139.

верхушки имущих классов, присвоившей созданные народом богатства, и служащих ее интересам фашистских иерархов. Но эта инициатива дезориентировала многих коммунистов (в частности, сражавшихся в Испании) и навлекла на КПИ жесткую критику руководства Коминтерна.

В связи с политическими процессами 1936—1938 гг. в Советском Союзе над деятелями большевистской партии, объявленными «врагами народа», Коминтерн выдвинул против КПИ обвинения в недостатке бдительности и отсутствии должной активности в борьбе с троцкизмом. Вмешательством Коминтерна Заграничный центр КПИ был распущен и затем сформирован в новом составе. Начиная с 1937 г. сталинские репрессии обрушились и на живших в СССР итальянских эмигрантов (точное число жертв этих репрессий неизвестно, но счет идет на сотни).

Однако, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, осложнявшие деятельность и взаимоотношения антифашистских сил, вторая половина 30-х годов не стала для последних потерянными временами. В июле 1937 г. было подписано новое соглашение о единстве действий КПИ и ИСП, где была зафиксирована общность их не только тактических, но и стратегических установок.

Стратегия двух рабочих партий, обогащенная опытом гражданской войны в Испании, теперь исходила из представления о том, что революция, которая свергнет фашизм в Италии, не начнется сразу как социалистическая, а пройдет через особый демократический этап. Но этот этап мыслился не в виде простого возврата к либерально-парламентской демократии дофашистского образца: его содержанием должна была стать борьба за новую, прогрессивную демократию при ведущей роли рабочего класса в блоке антифашистских сил. Активизировались оппозиционные фашизму настроения в католических организациях. Начиная с 1936 г. обозначился поворот в отношении коммунистов к католикам. В 1938 г. КПИ в «Открытом письме итальянским католикам» предложила им совместно бороться против фашизма в защиту свободы, демократии, цивилизации.

Готовясь к мировой войне, фашистский режим усилил преследование своих политических противников. В 1937—1938 гг. состоялись многочисленные судебные процессы над антифашистами. Возникли и новые глубокие расхождения

между антифашистскими партиями, связанные с отношением к советско-германскому пакту о ненападении (август 1939 г.). КПИ, безоговорочно поддерживавшая внешнеполитические акции СССР, одобрила его; социалистическая же партия, осудив пакт, разорвала соглашение о единстве действий с КПИ. От сотрудничества с коммунистами отказались и другие антифашистские течения. Поэтому к началу Второй мировой войны итальянское антифашистское движение не завершило выработку общей политической платформы. Но важные предпосылки будущих совместных действий всех антифашистских партий были уже заложены.

Глава 6

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КОНЕЦ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Италия — «невоюющая сторона»

Когда Германия, напав 1 сентября 1939 г. на Польшу, развязала Вторую мировую войну, Италия в соответствии с условиями «Стального пакта» должна была бы немедленно выступить на стороне Германии и оказать ей вооруженную поддержку. Но фашистское правительство уклонилось от выполнения этого союзнического обязательства. Признав действия Германии обоснованными, оно тем не менее заявило, что Италия остается нейтральной и по собственной инициативе не начнет военных операций.

Напрашивается аналогия с начальным периодом Первой мировой войны, когда Италия вместо присоединения к странам-союзницам объявила о своем нейтралитете. В обоих случаях важнейшую роль сыграло то, что к немедленному участию в войне Италия не была готова. Однако если за итальянским нейтралитетом августа 1914 — мая 1915 г. скрывались еще и колебания между двумя военными блоками, то теперь дело обстояло иначе. Пока в Италии существовал фашистский режим, она могла в подходящий для себя момент отказаться от нейтралитета, вступив в войну лишь как союзница нацизма.

Казалось бы, политика итальянского фашизма в 30-е годы была нацелена на подготовку не только отдельных актов агрессии, но и участия в будущей «большой» войне. И тем не менее военная мощь, которой бахвалился Муссолини, оказалась, мягко говоря, сильно преувеличенной. Она была поставлена под сомнение уже во время интервенции в поддержку Франко в Испании, где итальянские регулярные части, переброшенные из только что покоренной Эфиопии, потерпели в марте 1937 г. при Гвадалахаре серьезное поражение от войск

республиканского правительства и добровольцев-антифашистов. Опыт войны в Испании никак не был учтен итальянским командованием, вооруженные силы и в техническом, и в оперативно-тактическом отношении накануне мировой войны находились на том же уровне, что и во время войны с практически безоружной Эфиопией. Производство новейших образцов вооружения не было освоено, крайне недостаточными были запасы стратегического сырья. Политика автаркии дала лишь незначительные результаты, а с началом войны следовало ожидать резкого сокращения подвоза извне из-за морской блокады со стороны Англии и Франции, имевших гарантийные обязательства перед Польшей на случай германской агрессии.

О том, что Италия рассматривает совместную с Германией войну против «плутократических консервативных наций» как неизбежную, но будет готова к ней как минимум через три года, Муссолини сообщил Гитлеру в специальном меморандуме еще в начале июня 1939 г., т. е. сразу же после заключения «Стального пакта». Гитлер ответил вручившему меморандум посланцу Муссолини довольно туманно, «в основном» согласившись с изложенным и высказав пожелание насчет личной встречи с дуче¹. Но от этой встречи он сам же вскоре отказался, предложив вместо нее переговоры на уровне министров иностранных дел.

Муссолини, осенью 1938 г. небезуспешно разыгравший роль одного из творцов Мюнхенского соглашения, которое «умиротворило» Германию санкцией на отторжение от Чехословакии Судетской области, попытался было предложить созыв подобной международной конференции для обсуждения территориальных претензий Германии к Польше (проблема Данцига и Данцигского коридора). Собственно, эта идея не была его изобретением — еще весной 1939 г. она выдвигалась Ватиканом, но тогда никто из потенциальных участников «второго Мюнхена» не поддержал ее. Теперь же Гитлеру тем более не требовалось прикрывать свои агрессивные замыслы в отношении Польши «урегулированием» на мюнхенский лад. Гораздо важнее для него было обезопасить себя от перспективы войны на два фронта — не только на Западе (со стороны Англии и Франции, обязанных поддержать Польшу), но и на Востоке (со стороны СССР). Когда 11 августа министр

¹ См.: *История Италии*: В 3 т. Т. 3. С. 145, 148.

иностранных дел Италии Галеаццо Чиано (зять Муссолини) прибыл в Берлин для встречи с Риббентропом, до подписания советско-германского пакта о ненападении и секретного протокола к нему оставалось меньше двух недель, дипломатическая подготовка к этому шла полным ходом.

Убедившись, что Гитлер непреклонен в намерении безотлагательно начать войну, Муссолини на какое-то время усомнился, не окажется ли для Италии опасным воздержание от немедленного вступления в нее, и 25 августа стал готовить объявление всеобщей мобилизации. Но Гитлер в тот же день уведомил его, что в своих планах нападения на Польшу рассчитывает на «понимание с итальянской стороны», а это не означало прямого требования открыть военные действия. Дуче понял, что у него есть путь к отступлению, и сделал беспроигрышный ход: он предъявил Гитлеру заведомо невыполнимую программу требований относительно поставок из Германии военных материалов, необходимых Италии для вступления в войну. В ответ Гитлер высказал лишь просьбу не объявлять до начала войны об итальянском нейтралитете и в целях дезинформации продолжать военные приготовления.

Период, когда Италия в составе гитлеровского блока оставалась на позиции «невоюющей стороны» (*non belligeranza*), продолжался сравнительно недолго. По времени он совпал со «странной войной» на Западном фронте. Италия поддерживала торговлю с Францией и Англией и даже продавала им военные материалы, хотя их остро не хватало ей самой. Но как только германские войска (уже оккупировавшие Данию, Норвегию, Бельгию, Люксембург и Голландию) вторглись во Францию и стали продвигаться к Парижу, Муссолини поспешил отказаться от нейтралитета, чтобы уже мерещившаяся ему победа не досталась одному Гитлеру. 10 июня 1940 г. Италия объявила войну Франции и Англии.

Война на стороне Германии

Вступив в войну, когда Франция уже была накануне капитуляции, Италия воевала с ней в течение всего двух недель. Но и за время этой короткой войны выявились такие сбои в функционировании фашистской военной машины, которые будут сопутствовать всем последующим кампаниям Италии в составе гитлеровского блока. Муссолини единолично принимал решения о военных операциях, руководствуясь сугубо по-

литическими соображениями, не считаясь с тем, насколько диктуемые им действия войск подготовлены в тактическом отношении и обеспечены с материально-технической стороны. Войскам не хватало самого необходимого, их личный состав не был полностью укомплектован, силы противника недооценивались — при одновременном преувеличении возможностей итальянской стороны. Планы менялись на ходу: от первоначально задуманного Муссолини наступления по трем направлениям на фронте, проходящем в Альпах от границы со Швейцарией до средиземноморского побережья, пришлось сразу же отказаться, ограничившись только южным, приморским направлением. Здесь была поставлена амбициозная цель дойти до Марселя, но до перемирия итальянцы успели занять лишь небольшой приграничный город Ментону, который оставили отступившие без боя французы.

При всех скромных масштабах участия Италии в войне против Франции ее потери составили около 5 тыс. солдат и офицеров, в том числе 600 убитых, 2500 раненых и 2115 обмороженных (в высокогорных альпийских районах с их вечными снегами у солдат не было защищающей от холода обуви). Муссолини сперва намеревался потребовать от Франции огромных уступок (передача части флота, Ницца, Корсика, Французское Сомали, Тунис, военные базы в Алжире и Марокко). Но Гитлер во время переговоров с ним по поводу условий перемирия с Францией не поддержал своего союзника. Готовясь нанести решительный удар по Англии, он не собирался в тот момент ни оккупировать всю Францию, ни поделить с Италией французский флот, как предлагал ему Муссолини. Италии пришлось довольствоваться лишь обещанием, что ее требования будут учтены при заключении мирного договора.

Еще менее похожей на легкую вооруженную прогулку оказалась для Италии война с Англией, с самого начала требовавшая напряженных усилий. Она развернулась на Средиземном море и на африканских фронтах, где Италии, надевавшейся расширить свои колониальные владения, пришлось отстаивать их в борьбе с мощным противником и в конце концов их лишиться.

Летом 1940 г. Муссолини задумал предпринять крупное наступление с территории Ливии на Египет. Предполагалось, что наступательные операции будут осуществляться в несколько этапов. Первая из них, начавшаяся 14 сентября, за-

вершилась для итальянцев успешно: не встретив сопротивления англичан, они углубились на территорию Египта и заняли город Сиди-эль-Баррани в 150 км от границы. Но продолжить наступление итальянские войска не смогли из-за отсутствия обеспечения с тыла.

Другим театром англо-итальянских военных действий стала Восточная Африка. Здесь итальянские войска, сосредоточенные в Эфиопии, имели огромное численное превосходство над английскими, располагавшимися в Сомали, Кении и Судане. Осенью 1940 г. территория Британского Сомали была занята итальянцами. В Судане же англичанам после переброски подкреплений в Кению удалось остановить начавшееся итальянское наступление.

В военных планах Муссолини важная роль отводилась флоту и его операциям на Средиземном море. Оно находилось под контролем Англии, владевшей такими ключевыми стратегическими позициями, как Гибралтар, Мальта, Александрия. Объявление войны Англии фашистское правительство официально мотивировало именно тем, что Италия больше не может оставаться «запертой» в Средиземном море и должна обеспечить себе свободный выход в океаны.

После капитуляции Франции ее флот был нейтрализован, а противостоявшие друг другу силы относительно боеспособного итальянского флота и английской средиземноморской эскадры были примерно равны. Действия обеих сторон были направлены прежде всего на обеспечение бесперебойности собственных морских перевозок (от которых во многом зависела судьба войны в колониях) и соответственно — на нарушение коммуникаций противника. Военно-морская база англичан на о. Мальта держала под постоянной угрозой подвоз из Италии в Африку, но разрабатывавшиеся итальянским генштабом планы захвата этой базы так и остались неосуществленными. В ноябре 1940 г. английская авиация совершила налет на основную базу итальянского флота в Таранто и вывела из строя три линкора, после чего соотношение сил на Средиземном море изменилось в пользу Англии.

9 декабря английские войска перешли в контрнаступление в Египте. Они быстро отеснили итальянцев с египетской территории в Ливию и овладели Киренаикой (восточная часть Ливии). Итальянская армия, действовавшая в Киренаике, была разгромлена: в плен сдалось, по разным оценкам,

от 150 до 200 тыс. военнослужащих и лишь 10 тыс. смогли отступить в Триполитанию.

Все эти военные операции считались частью «параллельной войны», которую вела фашистская Италия (термин был изобретен Муссолини, чтобы подчеркнуть самостоятельный по отношению к Германии характер своих действий). В июле — августе 1940 г. была начата подготовка к нападению на Югославию и Грецию (Италия помышляла о захвате Хорватии, Далмации, а из греческих территорий — Северного Эпира и о. Корфу), но Гитлер счел момент несвоевременным и вновь одернул своего союзника. Германия воспрепятствовала и попыткам улучшить итало-советские отношения, предпринимавшимся в расчете на то, что СССР поддержит Италию в ее балканских планах, которые шли вразрез с планами нацистского рейха.

В октябре 1940 г. Гитлер нанес очередной удар по самолюбию итальянского диктатора, введя без предварительной консультации с ним войска в Румынию — под предлогом защиты «по просьбе румынского правительства» ее нефтепромыслов. Разъяренный Муссолини решил в ответ тоже поставить партнера перед свершившимся фактом: захватить Грецию. Вторжение итальянских войск в Грецию началось в конце октября с территории аннексированной Албании. Но плохо организованное наступление натолкнулось на сопротивление греческой армии и скоро выдохлось, а затем войскам агрессора пришлось отойти назад в Албанию. Справиться с Грецией собственными силами Италия так и не смогла. Лишь в марте 1941 г., когда после захвата нацистами Югославии Греция также стала жертвой германской агрессии, там началось новое итальянское наступление. 24 апреля Греция капитулировала.

За участие итальянского корпуса в военных действиях на территории Югославии Германия согласилась передать Италии далматинское побережье и часть Словении. В Хорватии же создавалось марионеточное королевство под итальянским протекторатом (королем был провозглашен герцог Сполетский — представитель младшей ветви правившей в Италии Савойской династии). Греция была оккупирована немецкими и итальянскими войсками. Но в целом ситуацию на Балканах контролировала Германия; то, что Италия получила здесь, не соответствовало аппетитам фашистского режима и было добыто лишь в союзе с более сильным хищником.

Не полагаясь на своего союзника, Германия сочла необходимым вмешаться и в ход войны в Северной Африке. Туда был направлен корпус под командованием генерала Э. Роммеля, который в апреле 1941 г. предпринял наступление в Ливии и за две недели вытеснил англичан из Киренаики. В тылу немецких и двинувшихся под их прикрытием итальянских войск остался только г. Тобрук, который был осажден, но так и не сдался до начала нового наступления англичан в ноябре того же года.

К Роммелю перешло фактическое руководство военными силами обеих стран гитлеровского блока в Северной Африке. Положение здесь на протяжении 1942 г. менялось несколько раз в пользу то одной, то другой воюющей стороны, пока в октябре английская 8-я армия генерала Монтгомери не перешла в решающее наступление. К концу 1942 г. итальянские и немецкие войска, понеся большие потери, оставили Ливию и отошли на территорию Туниса.

В Восточной Африке война приняла катастрофический для фашистской Италии оборот еще раньше — в первой половине 1941 г. Английские войска продвигались, почти не встречая сопротивления, и 5 мая вошли в столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Герцог Аостский (еще один представитель младшей ветви королевского дома), являвшийся вице-королем Эфиопии и командующим итальянскими войсками в Восточной Африке, вскоре сдался англичанам и в 1942 г. умер в плену в Кении.

Таким образом, войну в Африке итальянский фашизм уже проиграл. Колониальная империя Италии перестала существовать. Но к этому времени фашистский режим вовлек страну в новое и самое тяжелое военное испытание, став соучастником гитлеровской агрессии против Советского Союза.

Нападение на СССР Гитлер предпринял опять-таки без предварительной консультации с Муссолини, но тот сразу же поддержал его и выразил готовность послать на Восточный фронт итальянский экспедиционный корпус. Три итальянские дивизии были отправлены на Украину. В августе 1941 г. они промаршировали на параде в Умани перед Гитлером и самим дуче, но вид солдат показался высокому начальству недостаточно воинственным, а немцы прямо выражали сомнения в их способности сражаться.

В дальнейшем число итальянских дивизий на советско-германском фронте было доведено до десяти, а экспедици-

онный корпус преобразован в так называемую Итальянскую армию в России (АРМИР). Входящие в нее силы были сведены в два армейских корпуса общей численностью 220 тыс. человек, она располагала 74 танками, 380 противотанковыми орудиями, автотранспортом. По профилю войск состав АРМИР был разнородным — от специализированных горнострелковых дивизий (Муссолини полагал, что они будут направлены на Кавказ) до кавалерии. Отношения руководства АРМИР с немецким командованием были напряженными. Осенью 1942 г. семь дивизий АРМИР вместе с румынскими и венгерскими частями заняли предназначенный им сектор фронта на Дону, к югу от Воронежа. Они должны были прикрывать с фланга немецкие войска, продвигавшиеся к Сталинграду, остальные же три предназначались для использования в боях за овладение самим городом.

Разгром вермахта под Сталинградом обернулся для АРМИР полной катастрофой. В середине декабря 1942 г. итальянские части оказались под ударом советских войск, противодействовавших попыткам немцев освободить из «котла» окруженную в Сталинграде армию Паулюса. Фронт в итальянском секторе на Дону был прорван и через несколько дней развалился. Немецкое командование отдало приказ об отступлении с опозданием и не оказало итальянским войскам никакой поддержки. Отступление, принявшее хаотический характер, происходило в непривычных для итальянцев суровых зимних условиях, часть итальянских подразделений попала в окружение. Месяц спустя танковые колонны войск Воронежского фронта нанесли по АРМИР новый удар, практически положив конец ее существованию. Остатки армии (потерявшей более половины своего состава) были отозваны с фронта и возвращены в Италию. Те, кто уцелел в трагедии АРМИР, проникались ненавистью к фашизму и нацизму; многие из них станут позднее бойцами Сопротивления.

Тем временем театр военных действий в Африке расширился с участием США (Германия и Италия объявили США войну еще 11 декабря 1941 г.). В ноябре 1942 г. Англия и США предприняли высадку крупного десанта в Марокко и Алжире, где французская колониальная администрация стала сотрудничать с ними. Исход Сталинградской битвы способствовал успешному развитию англо-американских наступательных операций в Западной и Северной Африке. Десантная группировка и армия Монтгомери должны были соеди-

ниться в Тунисе, откуда предполагалось перебросить военные силы двух стран антигитлеровской коалиции на Сицилию, т. е. уже на собственно итальянскую территорию.

Италия все чаще подвергалась бомбардировкам англо-американской авиации. Муссолини то пытался убедить Гитлера «закрыть русскую главу» войны, чтобы сосредоточить все силы на борьбе против Англии и США, то со своим обычным фанфаронством утверждал, что, если англичане и американцы попытаются высадиться на Сицилии, они будут «пригвождены к полосе прибоя»¹. Высадка началась в ночь на 9 июля 1943 г., а 10 июля пал Палермо — главный город Сицилии.

Поражения на всех фронтах Второй мировой войны и вассальная зависимость от гитлеровской Германии — таков был итог двадцатилетнего правления фашистов, усиленно раздувавших миф о национальном величии Италии и ожидающей ее военной славе. Фашистский режим агонизировал.

Война и антифашистские силы.

Переворот 25 июля 1943 г.

Близкий крах фашизма предвещали не только военные поражения. Происходило прогрессирующее ослабление его внутриполитических позиций: в Италии возрождались деятельность антифашистских партий, в высших кругах начались поиски альтернативы режиму Муссолини.

Но все эти изменения происходили постепенно. Начало Второй мировой войны застало итальянских антифашистов в состоянии разобщенности, обострившихся идейно-политических разногласий, отсутствия связей между эмигрантскими центрами и оппозиционными режиму группами внутри страны.

Пока Италия не участвовала в войне, каких-либо опасных для фашизма проявлений недовольства в обществе не было — решение о *non belligeranza* население восприняло с облегчением. В эмигрантской же среде события в Европе отзывались болезненно и неоднозначно.

Тяжелый кризис переживала КПИ, связанная дисциплиной Коминтерна и дезориентированная резкой сменой его идеологических установок после заключения советско-герман-

¹ Цит. по кн.: *История Италии*. Т. 3. С. 174—175.

ского пакта о ненападении. Из советской прессы, а соответственно и из публикаций Коминтерна исчезла критика сколоченного Германией блока агрессивных фашистских государств как главного виновника войны. Эта война стала рассматриваться как империалистическая с обеих сторон, причем ответственность за ее продолжение возлагалась прежде всего на Англию и Францию. Коммунистам всех воюющих стран предписывалось действовать так, как рекомендовал Ленин революционным социал-демократам во время Первой мировой войны — бороться за поражение своих империалистических правительств. Была признана ошибочной позиция французской компартии, в начале сентября 1939 г. взявшей курс на поддержку войны против нацистской Германии (голосование в парламенте за военные кредиты, явка в армию мобилизованных коммунистов, включая генерального секретаря партии М. Тореза).

Итальянским коммунистам-эмигрантам, в основном сосредоточенным во Франции, все это давало повод для недоуменных вопросов и мучительных раздумий. С другой стороны, на них, как и на КПФ, обрушилась волна антикоммунизма, поднявшаяся во Франции в ответ на советско-германский пакт. После 1 сентября 1939 г. в Париже и других городах последовали аресты, лишившие партию значительной части опытных и закаленных кадров (из арестованных многие прошли через фашистские тюрьмы или участвовали в гражданской войне в Испании).

Трудно проходил и процесс реорганизации заграничного руководства КПИ, начатый в 1938 г. Коминтерном. Конференция, состоявшаяся в Париже перед самой войной (в середине августа 1939 г.), не завершила его. Намеченная ею политическая позиция была перечеркнута заключением советско-германского пакта. П. Тольятти, прибывший нелегально в Париж для участия в конференции и еще остававшийся там, был 1 сентября арестован французской полицией, которая, однако, не смогла установить его личность и так и не узнала, что в ее руках оказался член секретариата Исполкома Коминтерна (Тольятти сразу же сам заявил о подложности имевшегося при нем паспорта, а о себе сообщил, что он — итальянский антифашист, находящийся во Франции проездом, и в результате попал на полгода в тюрьму лишь по обвинению в использовании фальшивых документов). Парижский партийный центр с началом войны уменьшился в своем составе —

не только из-за арестов, но и потому, что часть его членов по соображениям безопасности было решено отправить в США и СССР. Такое рассредоточение руководящего ядра КПИ еще больше затруднило его и без того слабые связи с Италией.

Отношения компартии с другими течениями антифашистской эмиграции начали ухудшаться еще раньше — после поражения Испанской республики, защита которой на какое-то время объединила их. Предполагавшееся создание их общей организации — Антифашистского альянса — не состоялось из-за противодействия республиканской партии участием в нем коммунистов. Движение «Справедливость и свобода», считавшее свою платформу социалистической, критиковало коммунистов и социалистов за то, что эти две партии заключили в 1937 г. соглашение о единстве действий только между собой, без него. Но после советско-германского пакта КПИ в антифашистской среде оказалась в полной изоляции. В социалистической партии сторонники сохранения единства действий с коммунистами остались в меньшинстве, и соглашение было расторгнуто.

В первые дни войны, когда еще не было ясно, что правительство Франции не собирается воевать с Гитлером всерьез, среди итальянских эмигрантов (имевших свою непартийную организацию — Народный союз численностью около 40 тыс. членов) были желающие сражаться против Германии в рядах французской армии. Но им было отказано в этом и предложено, если они хотят, записываться в Иностранный легион — формирование, обычно используемое в колониальных войнах.

События мая — июня 1940 г. (конец «странной войны», вступление в войну Италии, оккупация гитлеровцами Парижа, капитуляция Франции) лишили итальянских эмигрантов-антифашистов главного пристанища и разметали их по разным странам. Часть из них (в том числе основатель Народной партии Л. Стурцо, лидер республиканцев Р. Паччарди, министр иностранных дел в последнем правительстве Джолитти граф К. Сфорца) обосновались в США, некоторые — в Англии, еще кое-кто (главным образом коммунисты) — в Мексике. В Нью-Йорке было создано «Общество Мадзини», в котором предполагалось объединить всех политэмигрантов из Италии и действовать подобно «Свободной Франции», основанной Ш. де Голлем в Лондоне. Но в этой организации возобладали антикоммунистические тенденции, и коммунисты

оказались вне ее. Влиятельным политическим центром «Общество Мадзини» так и не стало.

Тем не менее Францию покинули не все итальянские антифашисты. Там остались в первую очередь представители левых течений — коммунисты, социалисты, приверженцы «Справедливости и свободы». Они сохранили возможность действовать преимущественно в более близкой к Италии южной части Франции, которая была подвластна правительству Виши и до конца 1942 г. свободна от нацистской оккупации. Часто они присоединялись к бойцам начинавшегося французского Сопротивления. Общее дело помогало им снова сблизиться. В сентябре 1941 г. в Тулузе совместными усилиями этих трех течений был создан Комитет действия по объединению итальянского народа, который обращался к антифашистским силам внутри Италии, стремясь активизировать и сплотить их.

В Италии ее вступление в войну не вызвало какой-либо спонтанной поддержки или прилива верноподданнических чувств по отношению к режиму. Немноголюдные шовинистические манифестации были инспирированы властью, в полицейских отчетах сообщалось о безучастности населения, о том, что люди подавлены и обеспокоены. Священникам было дано указание встретить известие о войне торжественным звоном церковных колоколов, но в ряде городов (включая Рим) колокола молчали, а в Виченце по распоряжению епископа вместо торжественного звона прозвучал погребальный.

По мере того как война набирала обороты, начались перебои в работе промышленности из-за нехватки сырья, стало ухудшаться продовольственное положение (с 1 октября 1940 г. было введено нормированное распределение жиров, муки, макаронных изделий, риса, а еще через год — карточки на хлеб), распространялись — несмотря на усилия цензуры и фашистского пропагандистского аппарата — неутешительные известия с фронтов. Разлаживался весь созданный режимом механизм «мобилизации сверху»: официальным сообщениям не верили, попытки призыва добровольцев в фашистскую милицию проваливались и даже в самой фашистской партии, специально форсировавшей свой численный рост, не менее половины состоявших в ней отказывались от дальнейшего членства. В мае 1942 г. из фашистской партии в результате чистки было исключено свыше 60 тыс. человек. Простых людей с их

заботами и тяготами возмущал привилегированный статус фашистских боссов разных рангов, широко распространенная в этой среде коррупция. Померк и харизматический ореол дуче: итальянцы теперь видели в нем главного виновника бед, обрушившихся на их страну.

На протяжении 1942 г. приобрели систематический характер бомбардировки итальянских городов англо-американской авиацией. В отсутствие эффективных средств противовоздушной обороны массы людей спасались от этих налетов бегством на ночлег в близлежащую сельскую местность, а утром в переполненном пригородном транспорте или пешком возвращались в свои жилища, если они уцелели. Начался вывоз квалифицированных итальянских рабочих в Германию, в Италии же расширялось нацистское военное присутствие. Солдаты и офицеры вермахта вели себя здесь почти как в покоренной стране, высокомерно третировали своих итальянских «коллег», откровенно насмехались над тем, как итальянцы воюют (например, как сообщал начальник римской полиции, немцы говорили, что «в 1950 г., когда они займут Америку, мы будем с успехом продолжать бомбардировку Мальты»¹). Растущее немецкое засилье порождало недовольство в самых разных слоях общества, в том числе среди кадровых военных, не исключая и генералитет.

Отказ в доверии режиму становился всеобщим и начинал претворяться в определенные действия. Введение системы централизованных закупок сельскохозяйственной продукции по твердым ценам натолкнулось на сопротивление крестьян. На промышленных предприятиях (в частности, работавших на военные нужды) множились факты экономического саботажа. Возникавшие еще в предвоенные годы очаги инакомыслия в университетах и других центрах интеллектуальной деятельности превращались в более оформленные идейные течения, которые тяготели иногда к традиционному либерализму, иногда — к либеральному социализму в духе Росселли, иногда — к марксизму и позициям исповедовавших его социалистов и коммунистов.

Об активизации противостояния режиму говорят данные о репрессиях: за три года после вступления Италии в войну число

¹ Цит. по кн.: Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. С. 321.

лиц, подвергшихся задержанию, административному надзору, высылке на поселение и осужденных Особым трибуналом, оказалось в несколько раз больше, чем за предшествовавшие пять лет. Не менее половины из них были в возрасте моложе 30 лет, а наиболее частыми обвинениями были такие, как организация антифашистских групп, распространение «подрывной» литературы, коммунистическая пропаганда и т. п.

На протяжении 1942 г. антифашистское движение внутри Италии стало конституироваться в партии. Этот процесс развивался медленно и еще не завершился к лету 1943 г., когда фашистский режим рухнул. Но подпольно действовавшие группы различной ориентации все чаще заявляли о себе документами с изложением своих платформ, вступали в контакты с единомышленниками за пределами своего первоначального ареала, создавали центры, выполнявшие определенные организаторские функции.

Осенью 1942 г. были сделаны первые шаги к образованию Партии действия. Именно тогда для будущей партии было избрано это название, а с начала 1943 г. стала подпольно издаваться ее газета. Партия действия не имела аналогов в партийно-политической структуре дофашистской Италии. Ее ядро сложилось из нескольких течений, в позициях которых существовали определенные различия, хотя все эти течения принадлежали к левому крылу антифашизма и сходились в приверженности республиканским принципам. Основу Партии действия заложили возникшие в разных городах Италии группы так называемых либерал-демократов и сторонников либерального социализма. В дальнейшем к ним присоединилось движение «Справедливость и свобода». Влияние Партии действия распространялось в основном на интеллигенцию. Среди ее основателей наиболее заметной фигурой стал **Ферруччо Парри** (1890—1981), проявивший себя как активный антифашист еще в 20-е годы.

Ферруччо Парри

В лагере католической оппозиции фашизму наиболее результативной оказалась инициатива сторонников возрождения Народной партии, которые теперь называли себя христианскими демократами.

Лидером христианских демократов был **Альчиде Де Гаспери** (1881—1954), в прошлом — депутат от Народной партии и председатель ее парламентской фракции. В 1926 г. он, как и все депутаты оппозиции, лишился парламентского мандата. Попытавшись тайно выехать из Италии, Де Гаспери был арестован и осужден на 4 года заключения, но подал прошение о помиловании и в 1928 г. вышел на свободу. Затем Де Гаспери поступил на службу в библиотеку Ватикана и старался не привлекать к себе внимания до начала 40-х годов, когда возглавил деятельность по воссозданию партии.

У либералов, в отличие от приверженцев Партии действия и христианских демократов, был свой легальный «плацдарм» в лице группы сенаторов (напомним, что сенаторы назначались королем и занимали свои места пожизненно). Из старых либеральных лидеров к ней принадлежали, в частности, Б. Кроче и бывший премьер В.-Э. Орландо. Ф.-С. Нитти после введения в стране фашистских чрезвычайных законов жил в эмиграции, но не занимался политической деятельностью. Восстановление либеральной партии по сравнению с другими партиями антифашистской оппозиции произойдет позднее. Ее возглавит Кроче. Социалистическая партия, в годы фашизма

продолжавшая существовать, хотя и действовавшая в основном в эмиграции, приступила к восстановлению своих организаций в Италии. Инициативу возрождения ИСП взяла на себя находившаяся в Риме группа во главе с **Джузеппе Ромитой** (1887—1958) и **Оресте Лиццадри** (1896—1976). В Милане **Лелио Бассо** (1903—1978) возглавил тех молодых социалистов, которые хотели не восстановить ИСП в ее прежнем виде, а создать принципиально новую партию. Сторонники Бассо объединились в организацию под названием Движение пролетарского единства.

Альчиде Де Гаспери

Компартия все еще была лишена многих своих активистов, находившихся в тюрьмах или в ссылке (к началу 1943 г. в Италии насчитывалось примерно 2000 политзаключенных и столько же политических ссыльных, в том числе коммунистов — около 1800 и 1500 соответственно). Но кризис, в который она была ввергнута подписанием советско-германского пакта и позицией Коминтерна в начальный период войны, постепенно преодолевался. В декларации КПИ по поводу вступления Италии в войну отмечалось, что фашистский режим избрал для этого момент, когда Франция доведена своими правителями до национальной катастрофы, а ее народ борется за свободу и независимость. Перед итальянским рабочим классом ставилась задача создать и возглавить общенациональный фронт борьбы против войны и фашизма. Отзвуки прежних оценок войны в декларации еще были, но на первый план выдвигалась программа антифашистских и демократических требований, которые могут быть поддержаны разными политическими силами. Этот курс получил дальнейшее развитие в документе под названием «Положить конец войне! Спасти Италию от катастрофы!» (май 1941 г.), где подчеркивалась кровная заинтересованность рабочего класса в судьбах нации.

Во второй половине 1941 г. в Италии был создан внутренний центр КПИ под руководством Умберто Массолы. Было налажено нелегальное радиовещание (радио «Милан-свобода»), передачи которого, пропагандировавшие курс компартии на широкое национальное единство, находили многочисленных слушателей. Кроме того, трижды в неделю по московскому радио П. Тольятти (под псевдонимом Марио Корренти) выступал с «Речами к итальянцам», обращенными к разнообразной аудитории. С середины 1942 г. в Италию начали возвращаться члены остававшегося в подполье во Франции заграничного бюро КПИ, с их участием внутренний центр Массолы был расширен и реорганизован. Нелегально печаталась и распространялась газета «Унитар» («Единство») — центральный орган компартии, основанный в 1924 г.

3 марта 1943 г. в Лионе было подписано соглашение о единстве действий между «партиями, стоящими на социалистической платформе» — КПИ, ИСП и движением «Справедливость и свобода» (на том, чтобы «Справедливость и свобода» тоже была признана таковой, настоял ее представитель Э. Люссу). Участники соглашения ставили своей целью сов-

местно со всеми национальными силами добиваться, опираясь на массовое движение, отстранения Муссолини от власти и заключения сепаратного мира, а в перспективе — осуществить глубокое демократическое переустройство итальянского общества и государства.

Зимой 1942/43 г. в Северной Италии стали возникать забастовки на промышленных предприятиях. Они оказались предвестниками мощного взлета забастовочного движения в Турине и других индустриальных центрах (март 1943 г.). Муссолини говорил о 100 тыс. участников мартовских забастовок и вряд ли преувеличивал. Предприниматели были вынуждены удовлетворить часть выдвигавшихся рабочими требований экономического характера, власти же после первоначального замешательства приступили к репрессивным мерам против забастовщиков (в Турине и Милане аресты исчислялись несколькими сотнями, ряд дел был передан в Особый трибунал). Главу полицейского ведомства К. Сенизе Муссолини обвинил в недостаточной твердости и отправил в отставку.

Впадали в немилость и другие приближенные дуче — начальник генерального штаба У. Каваллеро (смещен в январе), Г. Чиано и ряд других министров (уволены в апреле), секретарь фашистской партии А. Видуссони, которого сменил К. Скорца (четвертая за несколько лет замена на этом посту). В верхних эшелонах власти расширялся круг недовольных режимом, тех, кто опасался стать очередными «козлами отпущения».

В окружении короля, в военных сферах и даже в среде самих фашистских иерархов вызревало намерение пожертвовать фигурой снискавшего всеобщую ненависть Муссолини, чтобы достичь соглашения с правящими кругами Англии и США и выйти из войны на стороне Германии. Подобные планы поддерживались и Ватиканом: папа Пий XII, ставший главой католической церкви в феврале 1939 г., с самого начала войны осуждал ее с пацифистских позиций и выступал за ее скорейшее окончание. Король Виктор Эммануил III лично встречался с Пием XII и знал о его благожелательном отношении к возможному отстранению Муссолини.

Переворот готовился при участии как военных деятелей (маршал Бадольо, начальник генштаба генерал Амброзио), так и настроенных против продолжения войны представителей фашистской элиты (Г. Чиано, Дж. Боттаи, Д. Гранди). Пьетро Бадольо (1871—1956) рассматривался как наиболее вероятный кандидат на пост главы правительства после Муссолини.

Это был убежденный монархист, профессиональный военный, чьей главной заслугой перед фашистским режимом явилось завоевание Эфиопии (Бадольо стал ее первым вице-королем и тогда же получил как награду членский билет фашистской партии, в которой раньше не состоял). К началу Второй мировой войны он возглавлял генштаб, но в 1940 г. поплатился отставкой за плачевный исход затеянной Муссолини «параллельной войны» в Греции и с этого времени был в опале.

Отвернувшиеся от Муссолини фашистские иерархи в недавнем прошлом тоже играли весьма ответственные роли. Джузеппе Боттаи побывал министром корпораций, а в 1943 г. являлся министром национального воспитания. Дино Гранди — бывший министр иностранных дел — в дальнейшем стал послом в Англии. Галеаццо Чиано не только занимал до апреля 1943 г. пост министра иностранных дел, но и принадлежал к родственному кругу Муссолини — был женат на его дочери. Они (в особенности Чиано) были недовольны растущей зависимостью Италии от Германии, а также тем, что все важнейшие решения Муссолини принимал единолично, не считая нужным даже собирать Большой фашистский совет (БФС не созывался с декабря 1939 г.).

О намерениях военно-монархической и фашистской оппозиции было известно и антифашистским партиям. Они в своих политических планах шли гораздо дальше, но в отношении ближайших целей (отстранение Муссолини и прекращение войны) зондировали возможность совместных действий, считая в особенности желательным вмешательство короля: только в этом случае переворот мог бы найти поддержку в армии. Впрочем, такого мнения придерживались не все антифашисты. «Справедливость и свобода» и Движение пролетарского единства, декларируя свой непримиримый антимонархизм, выступали против любых соглашений с королем и его сторонниками. Король же вел себя крайне осторожно и хотел заручиться согласием на отставку

Пьетро Бадольо

Муссолини либо большинства сенаторов, либо Большого фашистского совета.

Дальнейшее развитие событий зависело от соотношения сил, отстаивавших разные варианты выхода из кризиса. Антифашистские партии, как уже упоминалось, к этому времени еще не завершили свою реорганизацию, а между ними существовали расхождения. К опоре на массовое движение стремились только левое крыло антифашистов, но при этом коммунисты не разделяли свойственной части социалистов и сторонников «Справедливости и свободы» предубеждения против сотрудничества с монархистами. Христианские демократы и либералы были за такое сотрудничество, но склонялись к позиции выжидания, тогда как коммунисты настаивали на необходимости действовать безотлагательно — прежде, чем Италию постигнет национальная катастрофа.

Выработать общую платформу всех антифашистских партий так и не удалось. В начале июля 1943 г. был лишь создан Комитет оппозиционных партий как орган для межпартийных контактов и консультаций. Все это означало, что достаточных условий для развертывания широкого антифашистского движения в Италии в тот момент не было. Инициатива оставалась за верхушечной оппозицией, которая хотела бы ограничиться отстранением Муссолини и крайне опасалась решительного разрыва с Германией.

Между тем Италия с июля 1943 г. стала театром военных действий. Англо-американские войска, заняв Сицилию, готовились к переправе на континент. Италия по-разному вписывалась в военно-стратегические и геополитические планы стран антигитлеровской коалиции. Англия и США медлили с открытием второго фронта во Франции, но высадку в Италии изображали как его замену (удар с юга в «мягкое подбрюшье Европы», как выразился У. Черчилль). В действительности же овладение Италией и Балканами позволило бы им преградить Красной армии путь в Западную Европу, чем в 1943 г. правящие круги этих стран были уже реально озабочены. В их интересы

Джузеппе Боттаи

входило устранить Муссолини и оторвать Италию от гитлеровского блока так, чтобы по возможности избежать активных и самостоятельных действий итальянских антифашистских сил. СССР, наоборот, был заинтересован в максимальной активизации борьбы с фашизмом. У сталинского руководства были свои геополитические расчеты, оно тоже действовало согласно логике раздела сфер влияния, но Италия по этой логике рассматривалась как сфера влияния западных союзников. Здесь наиболее желательной для СССР перспективой было создание широкого национального фронта, который внес бы собственный вклад в освобождение страны от фашизма. Осуществленный в мае 1943 г. роспуск Коминтерна не сводился, как это иногда изображают, к уступке И. Сталина нажиму союзников: он поощрял коммунистов отдельных стран (Италии в том числе) к расширению политических союзов в борьбе за общенациональные интересы.

Близилась развязка. 15 июля король принял Бадольо и сообщил о своем намерении поставить его во главе будущего правительства. На следующий день фашистские иерархи добились от Муссолини обещания провести 24 июля заседание Большого фашистского совета. Муссолини рассчитывал до этого встретиться с Гитлером и заручиться его поддержкой. Встреча состоялась 19 июля в Фельтре (Северная Италия, область Венето). Но Гитлеру было не до помощи незадачливому союзнику (его собственные войска терпели поражение на Курской дуге), и Муссолини вернулся ни с чем.

Галеаццо Чиано

Дино Гранди

Гранди составил проект резолюции БФС, вверявшей разрешение кризиса королю, т. е. санкционировавшей отставку Муссолини. Отправляясь на заседание, происходившее в ночь с 24 на 25 июля, Гранди на всякий случай исповедался и захватил с собой ручную гранату. Но большинство членов БФС заранее дало знать о своем согласии с его проектом, так что исход заседания был предreshен.

25 июля Муссолини был принят королем и официально уведомлен о своей отставке, а по выходе из королевской резиденции арестован. Формирование нового правительства король поручил Бадольо.

Муссолини отстранен — что дальше?

Поздно вечером 25 июля по радио были переданы два обращения (короля и Бадольо), оповестившие страну об отставке Муссолини. Реакция была моментальной: повсюду на улицы высыпали толпы охваченных ликованием людей, стихийно организовывались шествия, звучали проклятия фашизму и приветствия новому правительству, рядом с трехцветными кое-где появлялись красные флаги. Уход дуче воспринимался как конец фашистского режима, с ним связывались надежды на скорое окончание войны.

Между тем правительство Бадольо первыми же своими действиями охладило всеобщую эйфорию. В обращении от имени Бадольо было сказано о продолжении войны в союзе с Германией. С полудня 26 июля вводился режим осадного положения, запрещавший любые массовые мероприятия. Командирам воинских частей был направлен циркуляр за подписью генерала М. Роатты (при фашизме — командующего экспедиционным корпусом в Испании и начальника службы военной разведки), предписывавший рассеивать манифестации и митинги и действовать против «нарушителей общественного порядка» как против неприятеля, открывая без предупреждения огонь на поражение.

Антифашистские партии оказались в сложной ситуации. Становилось очевидным, что королевское окружение и правительство Бадольо постараются свести к минимуму перемены, связанные с отстранением Муссолини от власти, но идти на прямой конфликт с этими силами было бы крайне опасно. Единственно возможной в данных условиях линией поведения являлось продолжение контактов с ними и давление на

правительство с целью подтолкнуть его к более решительным действиям. Среди самих антифашистов по-прежнему не было единодушия. Находившийся в Милане Комитет оппозиционных партий выдвинул программу, требовавшую скорейшего начала переговоров о перемирии, роспуска фашистской партии, ликвидации Особого трибунала, фашистской милиции и других подобных институтов, освобождения политических заключенных, свободы печати и признания легальности анти-

Фашистского режима больше нет! Милан, 26 июля 1943 г.

фашистских партий. С ней согласились все входившие в Комитет партии. Однако предложение коммунистов и социалистов продолжать начавшуюся на Севере еще утром 26 июля всеобщую забастовку, пока эти требования не будут удовлетворены, не нашло поддержки остальных. Было решено ограничить продолжительность забастовки двумя днями. В Риме был создан аналогичный комитет, который принял на себя общенациональные функции, но в нем преобладали настроения в пользу того, чтобы дать правительству «передышку» до момента заключения перемирия.

Со стороны фашистов не последовало никаких попыток поддержать низвергнутого дуче. Они попрятались, отсиживались по домам, бывшие иерархи были озабочены лишь тем, чтобы добиться от правительства гарантий собственной безопасности. Но правительство боялось, что вмешательство в пользу возврата Муссолини к власти может быть предпринято Германией, продолжавшей наращивать свои военные силы на итальянской территории. К 25 июля в Италии находилось 8 немецких дивизий, а к началу сентября — уже 14, не считая размещенного в городах специализированного персонала различных служб¹. Гитлер не верил заявлениям со стороны Италии о нерушимости ее союза с Германией и подготавливал ее военную оккупацию. Когда в начале августа итальянские представители во время встречи с Й. Риббентропом и В. Кейтелем попытались добиться их согласия на возвращение в Италию ее оккупационных войск из Франции и балканских стран, эта просьба (мотивировавшаяся необходимостью усилить противодействие англо-американскому нажиму) была проигнорирована. Зато Италии обещали «помочь» присылкой новых немецких контингентов.

Правительство Бадольо действовало с постоянной оглядкой на исходящую от Германии угрозу, однако не принимало никаких мер к тому, чтобы подготовить страну к защите на случай, если эта угроза претворится в реальность. Оно старалось избежать всего, что могло бы «спровоцировать» нацистский режим на прямое вмешательство в ход событий в Италии. Демонтаж фашистских структур начался (были декретированы роспуск фашистской партии и Палаты фаши и корпораций, ликвидация Особого трибунала, отмена закона о Большом фашистском совете), но официальная легализация

¹ Можно встретить и другие цифры, например: 6 дивизий к 25 июля и 18 (из них по крайней мере 7 бронетанковых) — к началу сентября.

антифашистских партий и освобождение политических заключенных и ссыльных всячески оттягивались. Режим осадного положения применялся в полном соответствии с директивами циркуляра Роатты: за полтора месяца при разгоне народных манифестаций было убито 86, ранено 532 и арестовано 2114 человек.

С начала августа возобновились массированные налеты англо-американской авиации на итальянские города. Они сопровождались большими разрушениями и жертвами среди гражданского населения. Разрыв с Германией и прекращение Италией военных действий становились безотлагательной необходимостью. Как ни трудно было правительству решиться на этот шаг, в середине августа в Мадриде и Лиссабоне были начаты тайные переговоры с представителями Англии и США о перемирии. Надежды на то, что Италия, избавившись от Муссолини, сможет сложить оружие на более почетных условиях, оказались тщетными: от нее требовали безоговорочной капитуляции.

3 сентября 1943 г. Италия капитулировала, подписав так называемые краткие условия перемирия. Но правительство не отважилось сразу обнародовать факт капитуляции и объявило о ней лишь 8 сентября. Сразу же после этого король и правительство покинули Рим и бежали на Юг навстречу англо-американским войскам, 3 сентября переправившимся через Мессинский пролив в Калабрию. Так закончился первый пройденный Италией отрезок пути к освобождению от фашизма — «сорок пять дней Бадольо».

Антифашистское Сопротивление

Объявление о капитуляции ввергло страну в состояние невообразимого хаоса. Не стало никакой власти, местонахождение правительства было неизвестно, население и оставшиеся на местах должностные лица были дезориентированы отсутствием каких-либо официальных предписаний насчет того, как вести себя и что предпринять в сложившейся ситуации. К тому же случилось то, чего постоянно опасалось правительство Бадольо: германские войска в течение двух дней оккупировали всю территорию Италии севернее Неаполя.

Приказы, исходившие от командования итальянскими вооруженными силами, были двусмысленны и противоречивы. Солдаты и офицеры пребывали в растерянности. Что значит

капитуляция — война кончилась и «все по домам» (так позже будет назван итальянский фильм, воскрешающий события этих дней)? Как реагировать на немецкую оккупацию, как поступать, когда немцы начинают разоружать своих недавних союзников, — подчиняться и сдавать оружие или сопротивляться? Известно тем не менее множество эпизодов (в Италии и за ее пределами), когда отдельные части во главе со своими командирами отказывались разоружиться и вступали в бой с нацистскими силами. Так, в течение 9—10 сентября была предпринята попытка обороны столицы, брошенной на произвол судьбы (потом Рим был объявлен «открытым городом» — немцы вошли в него, пообещав сохранить его исторические памятники). На Балканах — в Албании, Греции, Югославии — остававшиеся здесь итальянские воинские части не только противились разоружению, но и нередко «поворачивали фронт» против частей вермахта, иногда вступая при этом в контакт с местными партизанскими формированиями. Тех, кого удавалось разоружить, нацисты рассматривали как военнопленных и отправляли в концентрационные лагеря (из 615 тыс. итальянцев, интернированных в Германии, большинство составили солдаты и офицеры, оказавшиеся в немецком плену после капитуляции Италии). Там же, где сопротивление сдаче оружия было особенно упорным, немецкое командование прибегало к массовым расстрелам — как на греческом острове Кефаллиния, где только за один день 22 сентября было расстреляно около 4500, а всего — 8400 итальянских военнослужащих.

Муссолини, после отставки содержавшийся под арестом в горной местности Гран Сассо (область Абруццо, Южная Италия), был 10 сентября извлечен оттуда эсэсовцами в результате специальной операции под началом Отто Скорцени и вывезен на Север. На оккупированной немцами территории Италии произошла реставрация фашистского режима, принявшего теперь республиканское обличье: 23 сентября было провозглашено создание Итальянской социальной республики, правительство которой возглавил Муссолини. Столицей этой марионеточной республики стал небольшой городок Салó на озере Гарда (Ломбардия), откуда ее неофициальное название — «р е с п у б л и к а С а л ó». Отметим, что 98,97% находившихся в Германии итальянских военнопленных отказались вернуться на родину ценой согласия вступить в «республиканскую» фашистскую армию.

В «республике Салó» была основана так называемая Фашистская республиканская партия, которая в ноябре 1943 г. провела в Вероне свой съезд и приняла на нем программу, насыщенную социальной демагогией («Веронскую хартию»). Были обещаны «социализация промышленности», организация рабочих советов для управления предприятиями, создание новой структуры итальянской экономики. Неофашистский режим не скупился и на обещания предоставить гражданам Италии широкие политические права. Реальными же его деяниями были введение всеобщей трудовой повинности, принудительный вывоз рабочих и специалистов на оборонные заводы в Германию, содействие нацистам в массовой депортации еврейского населения, обреченного на уничтожение в лагерях смерти. Не забыл Муссолини и о тех, кто подготовил его отстранение от власти. В начале 1944 г. состоялся судебный процесс над бывшими членами БФС, голосовавшими за его отставку. Пятеро из обвиняемых (включая Чиано) были приговорены к смертной казни и расстреляны.

Отпав от фашистского блока, Италия вновь — как в эпоху Рисорджименто — оказалась перед необходимостью отвоевать свою независимость. Гитлеровская Германия не только оккупировала бóльшую часть итальянской территории: лишь при ее поддержке смогла возродиться власть Муссолини, казавшаяся ушедшей в небытие. Окончательное освобождение страны от фашизма было, таким образом, неотделимо от борьбы против нацистской оккупации. Эта двуединая задача решалась в ходе развернувшегося в Италии движения *С о п р о т и в л е н и я*. В итальянской историографии в это понятие нередко включают и всю предшествующую историю антифашистского движения. Но в более узком и точном смысле Соппротивление — это вооруженная борьба, начавшаяся с осени 1943 г.

Антифашистские политические партии были единственной силой, которая в момент всеобщей растерянности после объявления о капитуляции взяла на себя ответственность за судьбу страны. 9 сентября римский Комитет оппозиционных партий был преобразован в Комитет национального освобождения (КНО), созданный — как говорилось в документе, объявившем об этом, — «для того, чтобы призвать итальянцев к борьбе и сопротивлению и вернуть Италии место, которое ей надлежит занимать в сообществе свободных наций»¹. Помимо

¹ Цит. по кн.: *Батталья Р.* История итальянского движения Соппротивления. М., 1954. С. 111.

партий, уже сложившихся или завершавших свое оформление (коммунисты, социалисты, Партия действия, христианские демократы, либералы), к КНО присоединилась лишь начавшая формироваться партия Демократии труда, наиболее известным лидером которой стал Иваноз Бономи — премьер одного из последних предфашистских правительств, в 20—30-е годы отошедший от политической деятельности и вернувшийся к ней незадолго до падения Муссолини. Бономи играл важную роль в контактах антифашистов с силами, подготовившими приход к власти правительства Бадольо, а затем — с самим этим правительством. Создаваемая им партия Демократии труда по своим политическим позициям была близка к либералам. С образованием КНО Бономи возглавил его.

Римский КНО стал центральным по отношению к аналогичным органам, которые на основе блока тех же партий начали организовываться и в других городах Италии. Внутри этого блока время от времени возникали расхождения, соотношение политических сил в разных местах складывалось по-разному (на Юге преобладало влияние умеренных, на Севере — левых партий). Но то, что такой блок был наконец создан, являлось важным завоеванием антифашистского движения и открывало перед ним благоприятные перспективы.

Достижению антифашистского единства на политическом уровне сопутствовал во многом спонтанный перелом в настрое-

Иваноз Бономи

ниях простых людей, в полной мере испытавших бедствия войны, на которую Италию обрек фашизм, и тем не менее начинавших осознавать, что до желанного мира еще далеко, его нужно завоевать и для этого от них потребуются новые усилия и жертвы. Примечательно, что — как уже упоминалось — часть солдат и офицеров без приказов свыше отказывалась отдать немецким оккупантам оружие и вступала в борьбу с ними, тогда как на фронтах фашистской войны итальянская армия отнюдь не проявляла высокого боевого

духа, терпела постоянные поражения, несла огромные потери за счет сдававшихся в плен. Самым же ярким эпизодом начального этапа Сопротивления стали «четыре дня Неаполя» (27—30 сентября 1943 г.) — восстание, вспыхнувшее в ответ на угрозу насильственной отправки молодежи в Германию, отмеченное массовым героизмом городского населения и вынудившее немецкий гарнизон уйти из Неаполя еще до подхода к нему англо-американских войск. Об этих событиях режиссером Н. Лоем в 1963 г. будет создан художественный фильм.

Уже в октябре стали создаваться вооруженные партизанские формирования — в виде небольших «групп патриотического действия», а затем и целых отрядов. В них вступали представители разных слоев гражданского населения, бывшие военнослужащие итальянской армии, военнопленные, которым удалось бежать из нацистской неволи. Партизанские отряды первоначально имели партийную окраску, каждая из антифашистских партий выбирала для них собственные наименования и символику: коммунисты дали своим отрядам имя Гарибальди, республиканцы — Мадзини, социалисты — Маттеотти, Партия действия — название «Справедливость и свобода», христианские демократы — «Зеленое пламя», либералы — «Автономные отряды». Партизанские базы обычно располагались в горах, а для боевых действий партизаны спускались на равнины или входили в города. Они совершали диверсионные акты, нападали на немецкие колонны, карали пособников оккупантов или тех, кто стал служить неофашистской «республике Салó». В Сопротивлении, таким образом, присутствовал и элемент гражданской войны, хотя он не имел самодовлеющего значения, а был частью борьбы за главные цели этого движения.

Начинавшаяся в Италии народная война против нацистской оккупации побудила и правительство Бадольо (обосновавшееся в

Кадр из фильма «Четыре дня Неаполя». Режиссер Н. Лой. 1963

Бари, область Апулия) сделать следующий после капитуляции перед Объединенными Нациями шаг: 13 октября 1943 г. оно объявило войну Германии. Страны антигитлеровской коалиции, в свою очередь, признали Италию «совместно воюющей стороной».

На конференции министров иностранных дел Англии, США и СССР, состоявшейся в конце октября 1943 г. в Москве, три страны-союзницы приняли важные согласованные решения, относившиеся к Италии. Был создан Консультативный совет по вопросам Италии, по рекомендациям которого правительство Бадольо вскоре приняло декреты о дефашизации и об отмене расовых законов. В «Декларации об Италии» был поставлен вопрос о реорганизации правительства путем включения в его состав представителей «тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма»¹.

Намечалась, таким образом, перспектива превращения правительства Бадольо в коалиционное правительство антифашистских партий. Но их взгляды на этот счет оказались глубоко различны. На конгрессе Комитетов национального освобождения в Бари (январь 1944 г.) представители социалистов и Партии действия заявили, что войдут в такое правительство лишь при условии немедленного отречения от престола короля, виновного в сотрудничестве с фашизмом. Умеренные же партии возражали против этого, полагая, что вопрос об ответственности короля и судьбе самого института монархии должен решаться лишь по окончании войны.

Антифашистское единство переживало кризис, возникла прямая угроза его раскола. Многое зависело от того, какую позицию займут коммунисты. Эта позиция определилась после возвращения в Италию П. Тольятти (март 1944 г.).

Тольятти был признанным лидером партии и после фашистских исключительных законов не мог находиться в Италии. Как один из руководителей Коминтерна он много лет провел в СССР, выезжал и в другие страны (в частности, возглавлял делегацию Коминтерна в Испании во время гражданской войны и посвятил испанской революции специальную работу). Распуск Коминтерна и выработка новых установок, ориентировавших коммунистов на то, чтобы добиваться в своих стра-

¹ Цит. по кн.: *Комолова Н. П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии: 1943—1947 гг. М., 1972. С. 80.

нах ведущей роли в решении общенациональных и демократических задач, происходили при активном участии Тольятти¹. Перед отъездом в Италию Тольятти был принят И. Сталиным и В. Молотовым. Сталин рекомендовал коммунистам не требовать немедленного отречения короля, избегать конфликта между антифашистскими партиями и правительственным лагерем, войти в правительство Бадольо и «концентрировать свои главные усилия на создании и укреплении единства в борьбе против немцев»². Разумеется, Сталин при этом учитывал, что в Италии действуют англо-американские войска и она входит в сферу влияния западных союзников. Но в данной ситуации такая линия поведения в наибольшей степени отвечала и интересам демократического развития Италии, и общим интересам антигитлеровской коалиции.

Советский Союз способствовал повышению авторитета правительства Бадольо, установив с ним (по его просьбе) непосредственные отношения. Это произошло 11 марта 1944 г. и вызвало неудовольствие в правящих кругах Англии и США: они настаивали на том, что итальянское правительство вправе вступать в сношения с правительствами других стран лишь через посредство действовавшей в Италии (пока еще в отсутствие советских представителей) Союзной контрольной комиссии. Но Бадольо ответил протестом, расценив предписания союзнической администрации в Италии как унижающую достоинство правительства попытку низвести его до «простого орудия» союзников.

В вопросе о демократизации правительства Бадольо позиции стран антигитлеровской коалиции не совпадали. СССР выступал за скорейшее ее осуществление, западные союзники предпочитали отложить ее, например до освобождения Рима (за это высказался, в частности, У. Черчилль).

30—31 марта 1944 г. в Неаполе состоялось заседание Национального совета ИКП, где были обсуждены и приняты предложения, которые внес Тольятти: отложить решение вопроса об отношении к монархии до окончания войны и полного

¹ Этим установкам соответствовало и новое название компартии — «Итальянская коммунистическая партия» (ИКП) вместо «Коммунистическая партия Италии» (КПИ).

² Цит. по кн.: *Тоталитаризм в Европе XX в.: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления*. М., 1996. С. 320.

освобождения национальной территории, когда свою волю сможет выразить население всей Италии; коммунистам войти в правительство Бадольо, реорганизованное с участием антифашистских партий. Позиция коммунистов склонила в эту сторону и другие левые партии.

Кризис в антифашистском движении был таким образом преодолен. Монархический лагерь со своей стороны способствовал достижению соглашения о будущем правительстве тем, что король дал обещание после освобождения Рима отречься от престола и передать его своему сыну в качестве наместника. Одновременно удалось сгладить расхождения между странами антигитлеровской коалиции, касавшиеся реорганизации итальянского правительства. 21 апреля 1944 г. правительство Бадольо было сформировано в новом составе, превратившись в правительство «национального единства». Впервые министерские посты заняли коммунисты, в том числе Тольятти. Среди представителей Партии действия были вернувшийся из эмиграции в США К. Сфорца, а также видный историк, ректор Неаполитанского университета А. Омодео. Стал министром и Кроче, представлявший в правительстве Либеральную партию. Декреты, принятые реорганизованным правительством, предусматривали дальнейшие меры по дефашизации (в частности, наказание фашистских преступников и чистку государственного аппарата), а также роспуск старой и создание новой итальянской армии.

Политическая борьба, сосредоточившаяся вокруг вопроса о правительстве, развертывалась на фоне нараставшей активности партизан и массовых выступлений в оккупированной части Италии. Здесь с конца 1943 г. по инициативе компартии и Комитета национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) шла подготовка к всеобщей политической забастовке. Забастовка на Севере и в Центре началась 1 марта 1944 г. и охватила свыше 1 млн участников — прежде всего рабочих, которых поддерживали и другие слои населения, а также партизаны. Политические требования бастующих были направлены против отправки рабочих в Германию и мобилизации в армию «республики Салó» (выдвигалось и экономическое требование повышения зарплаты). Но через неделю забастовку пришлось прекратить — нацисты и итальянские неофашисты использовали против нее военную силу, включая применение танков и бронемашин. Переходить же (как кое-где призывали

коммунисты) от забастовки к восстанию было тем более преждевременно.

Одна из самых смелых партизанских акций была проведена 28 марта 1944 г. в центре Рима — на улице Разелла. Группа патриотов совершила нападение на колонну эсэсовцев, которая понесла значительные потери (32 убитых и 38 раненых). Но успешно прошедшая операция обернулась трагическими последствиями — нацисты в ответ расстреляли в Ардеатинских каменоломнях под Римом 335 заложников. Приказ исходил от главнокомандующего немецкими войсками в Италии А. Кессельринга (впоследствии его будут судить как военного преступника).

12 мая 1944 г. англо-американские войска в Италии перешли в наступление и стали быстро продвигаться в центральную часть страны. Одновременно активизировались боевые действия партизан. 4 июня военные силы союзников и партизаны вошли в Рим, оставленный немцами без боя.

После освобождения Рима король Виктор Эммануил III в соответствии с ранее достигнутым соглашением отрекся от престола и вручил наследному принцу Умберто полномочия наместника. Умберто стал как бы «временно исполняющим обязанности» короля до окончательного решения вопроса о судьбе монархии.

Встал вопрос и о новой реорганизации правительства. Антифашистские партии стремились заменить П. Бадольо с его консервативно-монархическими взглядами другой политической фигурой, выдвинутой ими самими. Правительство теперь сформировал Бономи. Состав правительственной коалиции остался прежним — это были шесть партий, входивших в блок КНО.

На протяжении лета 1944 г. из-под немецкой оккупации и власти неофашистского режима была освобождена значительная часть итальянской территории. Между союзническими войсками и партизанами существовало взаимодействие, но их отношения складыва-

Виктор Эммануил III

лись непросто. Союзники помогали партизанам оружием и продовольствием, однако опасались, что партизанское движение в Италии может обрести слишком большую самостоятельность и выйти из-под их контроля.

Партизанское движение к этому времени стало внушительной силой. В июне 1944 г. формирования, созданные отдельными партиями, были сведены в единую партизанскую армию — Корпус добровольцев свободы — под общим коман-

Памятник борцам Сопротивления (общий вид и деталь).
Скульптор М. Мадзакурати. Парма

дованием в составе генерала Р. Кадорны, принадлежавшего к Либеральной партии, и двух его заместителей — Л. Лонго (ИКП) и Ф. Парри (Партия действия). Бойцы Сопротивления собственными силами освободили Флоренцию — на помощь начавшемуся в городе восстанию подошли из горных районов более 30 тыс. партизан. В тылу у немцев возникло до 15 «партизанских республик» — освобожденных от оккупации зон.

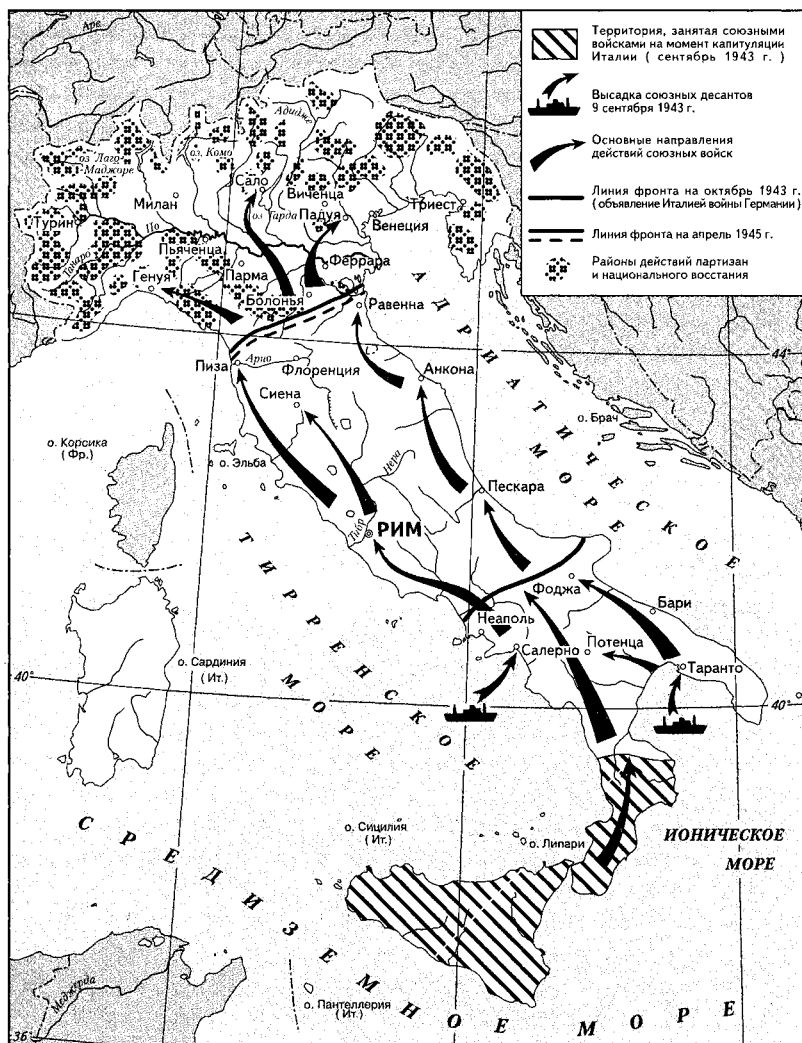
Однако осенью 1944 г. антифашистские силы Италии столкнулись с новыми серьезными трудностями. Наступление союзников приостановилось, нацисты усилили репрессии против партизан и помогавшего им населения (в одном лишь местечке Марцаботто провинции Болонья было убито свыше 1800 мирных жителей), смогли уничтожить «партизанские республики». Главнокомандующий союзными войсками Х. Александер 10 ноября выступил с призывом к партизанам прекратить на зимний период активные действия, что многими было понято как попытка добиться роспуска партизанской армии. Обращение Александра нашло поддержку со стороны умеренного крыла антифашистских партий, склонного к выжидательной тактике. Левые же выступили против приостановки партизанской борьбы и призвали население усилить помощь партизанам в тяжелых зимних условиях. Партизаны сумели сохранить свои базы в горах и продержаться на них в течение зимы. Но разногласия среди антифашистов вызвали правительственный кризис, разрешившийся тем, что Бономи сформировал новое правительство в составе уже не шести, а четырех партий (в него не вошли социалисты и представители Партии действия).

В декабре 1944 г. в Риме между союзническим командованием и силами Сопротивления в лице делегации КНОСИ было подписано соглашение, определившее их отношения ввиду близкой перспективы окончания войны (Римские протоколы). Союзники обязывались на заключительном этапе войны расширить военно-техническую помощь партизанскому движению, партизаны же — передавать власть в освобождаемых ими городах и районах союзнической администрации.

Руководители Сопротивления стремились к тому, чтобы КНОСИ был признан как представитель правительства на оккупированной территории Италии, а партизанские формирования, уже сведенные в бригады и дивизии, включены в состав вновь создаваемой итальянской армии. Но им удалось добиться признания за КНОСИ лишь военных, а не политиче-

ских функций. Судьба же партизанских вооруженных сил должна была решаться в соответствии с Римскими протоколами и предписаниями союзников.

Последние и важнейшие по значению события в истории Сопротивления развернулись в апреле 1945 г., когда войска союзников вновь перешли в наступление, а итальянские антифашисты подготовили и успешно осуществили национальное

Война на территории Италии в 1943—1945 гг.

Аппиева дорога в окрестностях Рима

Рим. Колизей

Рим. Алтарь Отечества
на площади Венеции
(воздвигнут к 50-летию
объединения Италии)

Церковь Тринита деи Монти
и лестница на площади
Испании в Риме

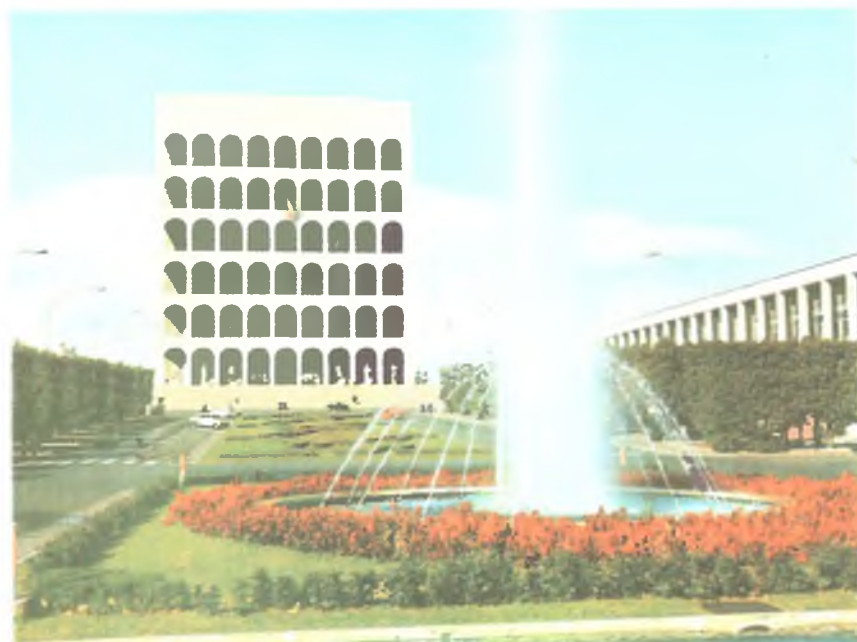
Ватикан. Паломники
на площади Св. Петра

Ватикан. Площадь Св. Петра и ведущая к ней
Виа делла Кончилиационе (улица Примирения)

Рим. Дворец Сенаторов на площади Капитолия

Дворец культуры труда на территории EUR в Риме

Стадионы, сооруженные в Риме к Олимпийским играм 1960 г.

Рим. Малый дворец спорта

Флоренция.
Дворец Синьории

Понте Веккьо
(Старый мост)
во Флоренции

Участники традиционного
народного праздника
во Флоренции
(в костюмах XVI в.)

Панорама Флоренции

Болонья. Здание
муниципалитета

Башни Азинелло и
Гаризенда в Болонье

Милан. Здание вокзала (справа) и небоскреб «Пирелли»

Миланский кафедральный собор

Панорама
Венеции

Мост Риальто

Венеция, Площадь Св. Марка (на заднем плане — собор Св. Марка и Дворец дожей, справа — Большой канал)

Временами на площадь Св. Марка наступает море

Лев св. Марка -- геральдический символ Венеции

Венеция. Мост Воздох

Панорама Турина

Турин. Виа Рома

Умберто Боччони.
Неповторимые формы
пространственной
непрерывности. 1913 г.

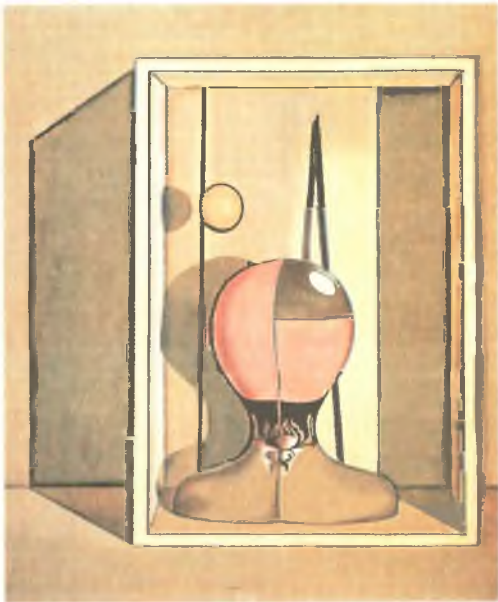
Марино Марини.
Всадник. 1947 г.

Джакомо Манцу.
Стул с виноградной
лозой и грушей. 1966 г.

Феличе Казорати.
Марионетки. 1914 г.

Джорджо Моранди.
Натюрморт с манекеном. 1918 г.

Джорджо де Кирико.
Тревожащие музы. 1918 г.

Ренато Гуттузо.
Автопортрет.
1936 г.

Ренато Гуттузо.
Натюрморт с красным
флагом.
1942 г.

Лучио Фонтана.
Ожидание.
Пространственный
концепт. 1960 г.

восстание на еще не освобожденной территории. Партизаны своими действиями отрезали нацистам пути к отступлению, не раз вынуждали сдаваться и брали в плен солдат и офицеров вермахта, спасали от уничтожения электростанции и промышленные предприятия. 24—25 апреля восстание победило в трех главных центрах индустриального Севера — Генуе, Милане и Турине. Недалеко от швейцарской границы партизаны захватили пытавшегося бежать Муссолини, переодетого в немецкую форму, и еще нескольких фашистских иерархов. По приговору, вынесенному партизанским командованием, бывший диктатор и его приближенные были расстреляны. Участь Муссолини добровольно разделила его любовница — Кларетта Петаччи, не пожелавшая расстаться с ним даже в момент казни. Трупы всех казненных доставили в Милан и повесили вниз головой на площади Лорето, где фашисты в 1944 г. расстреляли пятнадцать партизан.

Освобождение Севера было результатом самостоятельных действий итальянских патриотов. В течение примерно недели до подхода союзнических войск власть здесь осуществляли Комитеты национального освобождения во главе с КНОСИ.

Партизаны на площади Св. Марка после освобождения Венеции

Общая численность участников партизанского движения в Италии составляла около 224 тыс.; 62 тыс. партизан пали в боях. В партизанских отрядах вместе с итальянцами сражались люди разных национальностей, бежавшие из нацистского плена или с принудительных работ по строительству оборонительных сооружений, в том числе около 5 тыс. советских граждан. Легендарную известность в Италии получил погибший близ Генуи партизан Федор, посмертно удостоенный высшей в этой стране награды за воинскую доблесть — Золотой медали. Среди награжденных этой медалью 387 участников Сопротивления он был единственным иностранцем. Лишь полтора десятилетия спустя благодаря изысканиям писателя С. С. Смирнова стало известно точное и полное имя этого героя итальянского Сопротивления — Федор Андрианович Полетаев. Его Золотая медаль была вручена приехавшим в Италию родным, а в СССР ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сопротивление явилось вкладом итальянского народа в общую победу стран антигитлеровской коалиции и всех антифашистских сил, одержанную во Второй мировой войне. С освобождением от фашизма перед Италией открывалась новая страница ее истории.

Глава 7

ПЕРЕХОД ИТАЛИИ К ДЕМОКРАТИИ

Навстречу Учредительному собранию

Соппротивление было не просто вооруженной борьбой против немецких оккупантов и итальянских фашистских формирований. Чтобы покончить с фашизмом и закрыть возможность его возрождения в будущем, необходимо было уничтожить его социальные корни, т. е. экономическое господство промышленных и финансовых монополий и крупной земельной собственности. В той или иной степени это осознавали почти все антифашистские партии, предусматривавшие в своих программах на послевоенный период различные варианты демократических антимонополистических преобразований, аграрной реформы и т. д. Осуществление подобных мер было неотделимо от глубокого обновления политической системы страны. Италия жила ожиданием перемен, начало которым должен был положить созыв Учредительного собрания.

На политической сцене доминировали партии, входившие в блок КНО. Особенно усилилось влияние двух рабочих партий, ставших с победой Соппротивления массовыми: коммунистической и социалистической.

Компартия при выходе из подполья после падения режима Муссолини насчитывала 5 тыс., а к концу 1945 г. — более 1700 тыс. членов, обогнав по численности все другие политические партии страны. За этим стояло не только признание значимости вклада, внесенного коммунистами в вооруженную борьбу (на долю созданных ими отрядов пришлось более половины участников партизанского движения, а среди погибших партизан — почти две трети). Существенную роль сыграло то, что начиная с 1944 г. по инициативе Тольятти был взят курс на строительство «новой партии», открывшей доступ в свои

ряды всем, кто был согласен с ее политической программой, без какой-либо дискриминации по социальному происхождению, отношению к религии и т. д. Проявленная ИКП в ходе Сопrotивления гибкость во взаимоотношениях с другими антифашистскими партиями также способствовала росту авторитета коммунистов.

Влияние социалистической партии (численность к концу 1945 г. — около 700 тыс. членов) опиралось на более чем полувековой опыт ее существования, оставивший значительный след в сознании итальянских рабочих, особенно старшего поколения. В августе 1943 г. в нее влилось Движение пролетарского единства и некоторые другие группы левых социалистов, после чего она приняла новое название — Итальянская социалистическая партия пролетарского единства (ИСППЕ). Лидером социалистической партии стал к этому времени **Пьетро Ненни** (1891—1980). В его политической биографии было участие в событиях «Красной недели» 1914 г. (Ненни тогда принадлежал к Республиканской партии), а после прихода в ИСП (1921) — видная роль в максималистском течении на разных этапах его взаимоотношений с коммунистами — с одной стороны, реформистами — с другой. После «чрезвычайных законов» 1926 г. Ненни эмигрировал во Францию, с середины 30-х годов убежденно выступал за единство действий с коммунистами, во время гражданской войны в Испании сражался в защиту республики. С началом Сопrotивления он активно включился в совместную деятельность антифашистских партий. При этом Ненни не разделял свойственного пришедшим в ИСППЕ левым социалистам негативного отношения к широкому антифашистскому единству и стремления направить освободительную борьбу не к общедемократическим, а к социалистическим целям.

В отличие от социалистов, Партия действия, возникшая, напомним, лишь в 1942 г., не имела за собой давней традиции. Она очень активно проявила себя в партизанской борьбе (не случайно ее лидер Ф. Парри вошел в главное командование Корпуса добровольцев свободы), но не раз осложняла политические взаимоотношения с другими антифашистскими силами, становясь на сектантские, не отвечавшие требованиям момента позиции. В своей платформе эта относительно небольшая по численности партия (на февраль 1946 г. — 267 тыс. членов) стремилась соединить идеи либерализма, демократии и немарксистского социализма. Существовавшие

в ней различные течения сочетали эти компоненты по-разному, но немалая часть ее приверженцев склонялась, подобно левым социалистам, к представлению о том, что в ходе Соппротивления могут и должны решаться задачи социалистического переустройства. После окончания освободительной войны внутренние разногласия в Партии действия становились все более острыми.

На правом фланге блока КНО находились либералы и партия Демократии труда, а роль центра принадлежала Христианско-демократической партии (ХДП), возглавляемой А. Де Гаспери. Эта партия имела массовый характер, уступая по численности только коммунистам (на конец 1945 г. — около 1 млн членов). Считая себя партией всех католиков, ХДП пользовалась поддержкой Ватикана и церковного аппарата и стала центром притяжения для различных католических организаций, частично сохранившихся под патронатом церкви со времен фашизма, частично создаваемых вновь. Все это способствовало выдвижению ХДП на первый план в новой партийно-политической системе, складывавшейся в Италии.

В период Соппротивления в Италии возродились уничтоженные при фашизме свободные профсоюзы. В 1944 г. была создана Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ), впервые в истории итальянского профдвижения объединившая в своих рядах все его течения, в том числе профсоюзы, руководимые коммунистами, социалистами, католиками. В уставе ВИКТ был зафиксирован принцип независимости профсоюзов от всех политических партий и государства, но одновременно подчеркивалось, что это не означает их безразличия по отношению к коренным политическим вопросам общедемократического характера, интересующим не какую-либо одну партию, а большинство трудящихся. Мощное единое профдвижение (к началу 1947 г. ВИКТ насчитывала 7 млн членов) стало весомой силой в общественной жизни страны.

По окончании Второй мировой войны, которая вскоре сменится «холодной войной» между СССР и его недавними союзниками по антигитлеровской коалиции, Италия оказалась как бы прифронтовой зоной в этом новом противостоянии. Сталин не собирался нарушать договоренностей военного времени относительно раздела сфер влияния в Европе, согласно которому Италия, где действовали войска Англии и США, входила в сферу их влияния. Но существование в Италии сильной компартии рассматривалось правящими кругами

этих стран как брешь, через которую идет вмешательство Москвы в итальянские дела. Поэтому их усилия неизменно направлялись на подрыв позиций ИКП и поддержку антикоммунистических тенденций.

На переходе от войны к мирной жизни острой политической проблемой стала судьба партизанской армии и рожденных Соппротивлением временных институтов власти (органов местного самоуправления, народных трибуналов, чрезвычайных комиссаров КНО на брошенных хозяевами предприятиях и т. д.). Союзническая военная администрация сразу же после передачи под ее контроль Севера, освобожденного национальным восстанием, приступила к ликвидации этих структур. Партизаны по условиям Римских протоколов 1944 г. должны были сдать оружие, а их отряды подлежали расформированию. Но если главное командование Корпуса добровольцев свободы во исполнение своих обязательств распустило его, то на местах партизаны, еще не остывшие от горячки и ожесточения недавних боев, разоружались далеко не везде, а кое-где даже создавали тайные склады оружия.

20 июня 1945 г. было сформировано новое коалиционное правительство. В него вошли все партии блока КНО, но распределение постов отражало усиление политического влияния левого крыла антифашистов: премьер-министром стал Ф. Парри, вице-премьером и министром по созыву Учредительного собрания — П. Ненни, коммунисты получили портфели министров юстиции (П. Тольятти), финансов (М. Скоччмарро), сельского хозяйства (Ф. Гулло).

Первостепенное внимание правительство Парри уделяло подготовке к созыву Учредительного собрания. Предстояло определить круг его полномочий, сроки проведения выборов, выработать новый избирательный закон. 25 сентября началась работа Консультативной ассамблеи — временного совещательного органа при правительстве, куда вошли назначенные им представители антифашистских партий, а также все, кто оставался в живых из членов обеих палат парламента на момент фашистского переворота. На первых же заседаниях ассамблеи произошел примечательный спор о том, какой должна быть итальянская демократия. Парри в речи на церемонии открытия ассамблеи призвал не ориентироваться лишь на восстановление дофашистского либерально-парламентского режима, но идти дальше. «Не забывайте, — говорил он, — что

демократия у нас только рождается. Я не уверен и не думаю, что можно называть демократическими те режимы, которые существовали у нас до фашизма»¹. Несогласие с Парри выразилось неоднократными репликами справа, а на следующий день ему ответил от имени либералов Кроче, заявив, что Италия в период от Объединения до установления фашизма «была одной из самых демократических стран мира, а ее развитие представляло собой непрерывное и, как правило, быстрое продвижение по пути демократии, демократии несомненно “либеральной”, как всякая истинная демократия»².

В отношении срока выборов в Учредительное собрание левые партии выступали за то, чтобы провести их как можно скорее. Христианские демократы и либералы добивались, чтобы выборы в Учредительное собрание прошли только после муниципальных выборов, с которыми эти партии связывали надежды на изменения в соотношении политических сил. Левые в конце концов пошли на уступку в вопросе о муниципальных выборах, но при условии, что они не подменят собой выборы в Учредительное собрание и будут точно определены сроки тех и других. В последних числах октября было объявлено, что муниципальные выборы пройдут до конца 1945 г., а выборы в Учредительное собрание — не позднее апреля 1946 г. (в дальнейшем эти сроки несколько сдвинутся).

Обсуждение в Консультативной ассамблее вопроса о функциях Учредительного собрания также выявило серьезные расхождения и осложнилось прямым давлением со стороны США в поддержку позиции умеренных партий. Эта позиция заключалась в том, что Учредительному собранию надлежит ограничиться лишь выработкой новой конституции и ратификацией будущего мирного договора. Левые же настаивали на том, что оно должно иметь также и законодательные полномочия, позволяющие осуществить социальную программу Сопротивления, но были вынуждены уступить и в этом пункте.

Одной из самых трудных для правительства Парри проблем стало дальнейшее проведение дефашизации. Юридические основы политики в этой области были разработаны еще при первых коалиционных правительствах. Предусматрива-

¹ Цит. по кн.: Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии: 1943—1947 гг. С. 295.

² Там же.

лось наказание по суду (вплоть до применения смертной казни) лиц, обвиняемых в преступлениях, совершенных при фашистском режиме, или в сотрудничестве с нацистами в период «республики Салó». Создавался Верховный комиссариат по санкциям против фашизма в составе четырех комиссий, одна из которых ведала чисткой государственного аппарата. Эти нормы до освобождения всей Италии действовали на ее территории, подконтрольной правительству и союзникам. На Севере дефашизация осуществлялась на основании директив КНОСИ подпольными комиссиями по чистке и чрезвычайными судами. С победой национального восстания здесь начали в массовом порядке судить фашистов, заключать их в тюрьмы, а то и просто расправляться с ними — также и после прихода союзнических войск. Союзники утверждали, что в результате подобных акций в Северной Италии к началу июля 1945 г. было убито до 20 тыс. чел. Эта цифра, вероятно, преувеличена, но стихийно прорывавшаяся ненависть к фашизму подчас действительно проявлялась в неоправданной жестокости, что настраивало определенную часть общества против политики дефашизации и осложняло положение правительства Парри.

По состоянию на октябрь 1945 г. в тюрьмах отбывали наказание за фашистские преступления 40 тыс. заключенных, судами было вынесено 220 смертных приговоров обвиняемым в особо тяжких деяниях. Некоторым видным фашистам удалось скрыться, и их судили заочно. Комиссия по чистке за период правления кабинета Парри рассмотрела дела 394 тыс. государственных служащих, представив к увольнению 1580 из них (в том числе 728 чиновников шести высших рангов). Но дефашизация встречала все более упорное противодействие со стороны влиятельных предпринимательских кругов, Ватикана, умеренно настроенных политиков. Наметиалась тенденция к ее свертыванию, что вызвало ответную реакцию в виде новой волны самочинного террора против бывших фашистов — прежде всего, в Эмилии, где при нацистской оккупации и «республике Салó» творились особенно жестокие расправы над партизанами и населением. В самом правительстве по вопросам дефашизации возникли разногласия, в конце ноября подали в отставку министры-либералы, а 10 декабря 1945 г. последовала отставка всего кабинета.

Новое правительство возглавил лидер ХДП Де Гаспери. Оно также опиралось на коалицию антифашистских партий; в основном прежним осталось и распределение между ними

министерских постов. И все же налицо был сдвиг в пользу более умеренного политического курса. Уже существовавшие органы прямой демократии на предприятиях — советы управления — так и не получили законодательного признания, которого добивались КНО. Верховный комиссариат по санкциям против фашизма был ликвидирован (март 1946 г.), чистка государственного аппарата прекратилась.

Консультативная ассамблея тем временем закончила разработку избирательного закона, значительно более демократичного по сравнению с действовавшим до фашизма. Главное новшество заключалось в предоставлении права голоса женщинам. Возрастной ценз для избирателей обоего пола устанавливался в 21 год. Предусматривалось голосование по партийным спискам и строго пропорциональный принцип распределения мандатов. Но участие в выборах было обязательным (этого добивались консервативные силы, рассчитывавшие на голоса законопослушных, но политически неопытных избирателей).

Первой после освобождения Италии от фашизма избирательной кампанией должны были стать муниципальные выборы. Их окончательный срок был теперь определен с разбивкой на два тура: первый тур (две трети всех итальянских коммун) — в марте — апреле, второй — в ноябре 1946 г. В первом туре три левые партии получили в совокупности около 50% голосов, ХДП — примерно 40%, а остальное пришлось на долю либералов и организаций собственно правого толка, из которых следует упомянуть Фронт рядового человека, ставший предшественником вскоре оформившегося неофашистского движения. Низовые КНО передали свои функции вновь избранным местным административным органам и перестали существовать.

Выборы в Учредительное собрание были в конце концов назначены на 2 июня 1946 г. Вопрос о форме государственного устройства Италии (монархия или республика) был изъят из его компетенции и передавался на референдум, проводимый одновременно с выборами. В преддверии референдума все основные политические партии провели свои съезды, определившие их позиции по вынесенному на референдум вопросу. Однозначно высказались за республику коммунисты, социалисты и Партия действия, а также участвовавшая в Сопротивлении, но не входившая в блок КНО Республиканская партия. На съезде ХДП резолюцию в пользу республики поддер-

жали 73% делегатов, 17% проголосовали за монархию, 10% не заняли определенной позиции. За сторонниками партии было признано право голосовать на референдуме по собственному усмотрению. Съезд либералов дал перевес приверженцам монархии (412 голосов против 261 голоса за республику). Партии Демократии труда к этому времени уже не было — она растворилась в основанном И. Бономи вместе с некоторыми либералами Национальном демократическом союзе.

Готовилась к референдуму и Савойская династия. В мае 1946 г. бывший король Виктор Эммануил III подтвердил свое отречение от престола в пользу наследного принца Умберто, а тот стал именоваться уже не наместником, а королем Умберто II. Монархисты муссировали идею «обновленной монархии», устраивали митинги, кое-где (к примеру, в Неаполе) переходившие в уличные беспорядки, требовали отсрочки референдума и отставки правительства. Сторонники республики отвечали мощной массовой кампанией. На их митинги и демонстрации собирались сотни тысяч людей.

Двойное голосование 2 июня 1946 г. должно было стать «моментом истины» и показать, какой политический выбор сделает страна.

Итоги выборов и референдума 2 июня 1946 г. От Альбертинского статута к новой Конституции

Кандидатов в депутаты Учредительного собрания выдвинула 51 партия и организация. Большинство из них возникли в преддверии выборов и были мелкими, 36 — не набрали голосов, необходимых для избрания хотя бы одного депутата. Всего было подано около 23 млн голосов, из которых на долю основных участников борьбы за 556 депутатских мест пришлось: ХДП — 35,2% (207 депутатов); ИСППЕ — 20,7% (115 депутатов); ИКП — 19% (104 депутата); Национальный демократический союз и либералы — 6,8% (41 депутат); Фронт рядового человека — 5,3% (30 депутатов); Партия действия — 1,4% (7 депутатов).

Из этих цифр очевидно, что в Италии, пережившей фашизм и Сопротивление, уже не могло быть речи о возвращении к такой политической системе, где ведущая роль принадлежала либералам. Наибольшую поддержку избирателей получила ХДП, две рабочие партии порознь уступали ей, но в совокупности по результатам выборов превзошли ее.

Печальным оказался итог выборов для Партии действия, героически проявившей себя в Сопротивлении, но не снискавшей доверия избирателей своими во многом умозрительными проектами послевоенного переустройства. Вскоре после выборов она распалась, а ее приверженцы присоединились к другим партиям (преимущественно — социалистической и республиканской). Неожиданностью стала относительно большая доля голосов, поданных за Фронт рядового человека (на Юге она была значительно выше, чем по стране в целом). За эту крайне правую организацию, демагогически критиковавшую с позиций «рядового человека» партии Сопротивления, проголосовали многие из тех, кто сохранил симпатии к фашизму, но не мог открыто проявить их.

В ходе референдума большинство голосов (54,26%) было подано за республику. В абсолютном выражении перевес в пользу республики составил около 2 млн голосов. Победу республики обеспечило прежде всего голосование в Северной и Центральной Италии, на Юге в большинстве оказались сторонники монархии. Если сравнить результаты референдума и выборов в Учредительное собрание, то выявится огромное расхождение между числом избирателей, поддержавших на выборах либералов, собственно монархистов и Фронт рядового человека (в общей сложности примерно 3,5 млн голосов), и тех, кто отдал монархии предпочтение на референдуме (свыше 10 млн голосов). Оно в решающей мере объясняется тем, что среди избирателей ХДП (которых было более 8 млн) основная часть проголосовала за монархию.

Монархисты попытались оспорить результаты референдума, но 10 июня 1946 г. последние официально подтвердил касационный суд. Еще несколько дней демонстрации в поддержку республики (в Риме — с участием 200 тыс. человек) перемежались с протестами Умберто II и уличными акциями его приверженцев, но 13 июня «майскому королю», как его насмешливо прозвали, пришлось покинуть страну и отбыть на самолете в Испанию. 18 июня 1946 г. Италия была официально провозглашена республикой.

25 июня открылось Учредительное собрание. Временным главой государства стал либерал Энрико Де Никола. Было сформировано новое коалиционное правительство Де Гаспери, куда теперь вошли только представители партий, высказавшихся за республику (ХДП, ИСППЕ, ИКП, Республиканская партия). Собрание приступило к разработке новой Конституции Италии.

Прошло почти столетие с тех пор, как в начале революции 1848—1849 гг. в Сардинском королевстве был принят Альбертинский статут, который потом станет первой конституцией объединенной Италии. В нем закреплялось монархическое государственное устройство.

Теперь с монархией, на которой лежала тяжелая историческая ответственность за сообщничество с фашистским режимом, было покончено. Учредительному собранию предстояло окончательно оформить победу республики принятием ее основного закона.

Проект Конституции Итальянской республики вырабатывался в ходе острых дискуссий. Одним из наиболее спорных стал вопрос о том, признает ли республика статус взаимоотношений государства и церкви, закрепленный Латеранскими соглашениями 1929 г. Напомним, что эти соглашения подвели черту под продолжавшимся более полувека конфликтом между папским престолом и итальянским государством. Ватикан был заинтересован в том, чтобы сохранить их в полном объеме, и через ХДП добивался их безоговорочного подтверждения.

После победы республики: Умберто II покидает королевский дворец

Левые партии считали, что это было бы отступлением от светского характера государства и ограничением провозглашаемой в Конституции свободы совести (в Альбертинском статуте пункта о свободе совести не было). На такой позиции стояла и ИКП. Однако, чтобы избежать крайне опасной в условиях Италии конфронтации между республикой и церковью, коммунисты проявили готовность к компромиссу. В итоге в Конституции было записано (ст. 7): «Государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере. Их отношения определяются Латеранскими договорами. Изменения этих договоров, принятые обеими сторонами, не требуют пересмотра Конституции»¹.

Главой Итальянской республики, по Конституции, становился президент, избираемый сроком на 7 лет на совместном заседании палаты депутатов, сената и представителей автономных областей, которые должны были быть созданы. Признание принципа областной автономии было новшеством по сравнению с прежней монархической конституцией, так же как и выборность сената: обе палаты парламента теперь избирались всеми совершеннолетними гражданами. Было записано, что республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра. Запрещалось восстановление в любой форме фашистской партии. В числе основных принципов Конституции был отказ от войны как орудия посягательства на свободу других народов и способа разрешения международных споров.

Свойственный Конституции демократизм не исчерпывался, однако, лишь последовательным развитием принципов парламентского государственного устройства и закреплением вновь отвоеванных в борьбе с фашизмом традиционных гражданских прав и свобод. Многие ее положения были вообще необычны по меркам прежних либеральных конституций, а в сравнении с принимавшимися в это же время отличались большим радикализмом. Италия провозглашалась демократической республикой, основывающейся на труде (ст. 1). Эта республика брала на себя задачу «устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному

¹ Конституции буржуазных государств Европы. С. 542. Предусмотренная последним пунктом статьи 7 возможность пересмотра Латеранских договоров реализована в 1984 г., когда вступили в силу новые соглашения между итальянским государством и церковью.

развитию человеческой личности и действительно эффективному участию всех трудящихся в политической и социальной организации страны» (ст. 3)¹. Конституция не только признавала право на труд, но и декларировала, что республика «поощряет условия, которые делают это право реальным» (ст. 4)². В ней нашли отражение принципы законодательного ограничения рабочего дня и равной оплаты за равный труд, право трудящихся на еженедельный отдых, ежегодный оплачиваемый отпуск, социальное обеспечение, свобода профсоюзов, право стачек (в рамках регулирующих его законов). Свобода частной хозяйственной инициативы признавалась, но с оговоркой, что она не должна приходить в противоречие с общественной пользой. В соответствии с этим предусматривалось, что предприятия, составляющие «предмет важных общественных интересов», могут быть по закону отчуждены у владельцев на началах выкупа и переданы государству, общественным учреждениям или объединениям трудящихся. Имелось также в виду, что частная земельная собственность будет в законодательном порядке ограничена пределом, устанавливаемым с учетом различия областей и сельскохозяйственных зон.

Подписание Конституции

¹ Конституции буржуазных государств Европы. С. 541—542.

² Там же. С. 550.

Данные черты Конституции объяснялись тем, что она была рождена Соппротивлением и отражала вклад трудящихся масс Италии в победу над фашизмом. В ней были зафиксированы не только реальные завоевания, но и вдохновлявшие бойцов Соппротивления цели, которых еще предстояло достичь. Демократическим силам удалось добиться принятия такой Конституции, которая становилась легальной основой борьбы за глубокие антимонополистические преобразования, за коренную аграрную реформу, за полную реализацию социально-политической программы Соппротивления.

Конституция была утверждена Учредительным собранием 22 декабря 1947 г. Ее скрепили своими подписями Э. Де Никола, А. Де Гаспери и председатель Учредительного собрания, видный деятель ИКП У. Террачини. С 1 января 1948 г. она вступила в силу.

Но к этому времени политическая ситуация в Италии коренным образом изменилась.

Разрыв антифашистского единства и утверждение политического господства ХДП

Дебаты в Учредительном собрании вокруг проекта Конституции происходили в условиях, когда повседневная жизнь страны была отягощена множеством проблем переходного от войны к миру периода.

Война, в которую Италию вовлек фашистский режим, истощила экономику страны. Голодные нормы продовольственных пайков, расцвет черного рынка, разрушительные последствия англо-американских бомбардировок — все это итальянцы испытали еще до свержения Муссолини. При «республике Салó» приобрело широкие масштабы выкачивание наиболее ценных трудовых ресурсов для использования в Германии, усилилась дезорганизация хозяйственной жизни из-за раскола страны надвое (Юг — под властью правительства и контролем союзнической военной администрации, Север и Центр — под нацистской оккупацией). В общей сложности Италия в результате военных действий на ее территории и бомбардировок с воздуха утратила треть промышленных предприятий, четверть железных дорог, треть мостов. До 3 млн человек лишились крова. Многие предприятия бездействовали из-за отсутствия сырья и топлива, объем промышленного производства в 1945 г. был более чем вдвое меньше довоенного. К кон-

цу 1945 г. в Италии насчитывалось 2 млн безработных. Малообеспеченные слои населения страдали от неуклонного роста дороговизны. В бедственном состоянии находилось сельское хозяйство, потерявшее из-за войны много работников наиболее трудоспособного возраста. Неурожаи первых послевоенных лет заставляли опасаться голода.

Осенью 1946 г. объединенные в ВИКТ профсоюзы достигли соглашения с конфедерацией промышленников, по которому вводилась скользящая шкала заработной платы, т. е. практика ее автоматического повышения в зависимости от роста цен. При поддержке рабочих партий в правительстве этот принцип был узаконен. Профсоюзы, со своей стороны, обязались в течение семи месяцев соблюдать «перемирие» с предпринимателями и воздерживаться от забастовок. Но социальные конфликты прорывались в других формах — в виде выступлений безработных, требовавших пособий и организации общественных работ. Предложенная ВИКТ программа мер по борьбе с безработицей не была принята правительством, а демонстрация безработных в Бари разогнана с применением бронетехники (один ее участник был убит и 25 ранены).

Проблемы иного рода были связаны с послевоенным мирным урегулированием. Мирный договор между странами антигитлеровской коалиции и Италией как бывшей союзницей Германии был подписан 10 февраля 1947 г. По его условиям Италия отказывалась от своих колониальных владений в Африке, признавала восстановление независимости Эфиопии и Албании, соглашалась на передачу Додеканесского архипелага Греции, обязывалась выплатить репарации странам, пострадавшим от ее агрессии, и проводить миролюбивую внешнюю политику. При разработке проекта договора одним из спорных вопросов стала судьба Триеста. На этот важный адриатический порт претендовала Югославия, ее поддерживал Советский Союз. Италия не хотела отдавать Триест (почти единственное свое приобретение после Первой мировой войны), ссылаясь на то, что большинство его населения — итальянцы. Внутри страны идея итальянской идентичности (*italianità*) Триеста находила широкий отклик, ее разделяли даже коммунисты, а умеренные и правые партии использовали для нагнетания враждебности к СССР и Югославии. Западные союзники относились благожелательно к стремлению Италии сохранить Триест за собой, но на Парижской мирной

конференции было принято компромиссное решение: Триест объявлялся свободной территорией под управлением ООН.

Мирный договор был ратифицирован Учредительным собранием 15 сентября 1947 г. и с этого момента вступил в силу. Отсюда отсчитывался определенный договором конечный срок пребывания англо-американских войск на итальянской территории: последний их контингент должен был покинуть Италию не позднее чем через три месяца, т. е. 15 декабря. Но уйдут ли они действительно — на этот счет в итальянском обществе существовали большие сомнения. Ключевой политической фигурой в Италии стал к этому времени Де Гаспери, все более явно ориентировавшийся на поддержку со стороны США и Англии.

В январе 1947 г. Де Гаспери побывал в США, где на него было оказано давление с целью добиться устранения представителей левых партий из правительства. Начавшийся по возвращении Де Гаспери правительственный кризис закончился, однако, тем, что новое правительство было сформировано с участием коммунистов и социалистов.

Одновременно в социалистической партии стало усиливаться правое течение во главе с Джузеппе Сарагатом (1898—1988), выступавшее против единства действий с коммунистами. На съезде ИСППЕ в январе 1947 г. оно откололось от партии, принявшей после этого прежнее наименование — ИСП. Руководство ИСП подтвердило приверженность единству действий двух рабочих партий, являвшемуся важнейшей опорой всей антифашистской коалиции. Но эта опора дала первую трещину.

Сотрудничеству на правительственном уровне между ХДП и левыми партиями наступил конец в мае 1947 г. Новый правительственный кризис завершился созданием однопартийного кабинета Де Гаспери, за доверие которому проголосовало, помимо самих христианских демократов, все правое крыло Учредительного собрания, включая монархистов и фашиствующий Фронт рядового человека.

После принятия новой конституции в Италии должны были пройти выборы в первый республиканский парламент. Они намечались на 18 апреля 1948 г. Подготовка к выборам проходила в напряженной политической обстановке.

Правительственный лагерь стремился любой ценой не допустить победы созданного ИКП и ИСП блока под названием Народно-демократический фронт. В предвыборной пропаганде

этот блок изображался как воплощение нависшей над Италией «коммунистической угрозы», оплот безбожия и тоталитарных устремлений. Полиция часто разгоняла предвыборные митинги левых партий. В политическую борьбу активно вмешивалась церковь, призывая массы верующих отдать голоса за ХДП. Христианские демократы опирались на финансовую поддержку Конфедерации итальянских промышленников. Сильным пропагандистским козырем им служила экономическая помощь, которую обещали Италии Соединенные Штаты при условии, что в стране не произойдут нежелательные для американской администрации политические перемены. Правящие круги США, Англии и Франции изъявили готовность в случае победы ХДП на выборах добиваться передачи Италии Триеста¹. Вывод из Италии американских войск не был завершен в обусловленный мирным договором срок и отложен на неопределенное время, а в начале 1948 г. в итальянские порты начали прибывать военные корабли США.

На выборах, позднее названных самыми «грязными» из всех когда-либо происходивших в Италии, Народно-демократический фронт собрал 31,03% голосов избирателей. По сравнению с выборами в Учредительное собрание коммунисты и социалисты потеряли более 8,5% голосов. Частично эта потеря объяснялась расколом социалистической партии (за вышедших из нее сторонников Сарагата было подано 7,09% голосов), но прежде всего — общим изменением политической атмосферы в стране, поворотом к резкой конфронтации между силами, ранее сотрудничавшими в борьбе против фашизма. ХДП получила 48,48% голосов, завоевав господствующее положение среди представленных в парламенте политических партий.

В правительстве, сформированном Де Гаспери после выборов, ХДП принадлежало большинство министерских постов. В правительство вошли также представители Либеральной и Республиканской партий, располагавших вместе примерно 6,3% голосов, но общая направленность политического курса всецело зависела от ХДП.

Политическая напряженность не спадала и после выборов. Продолжалась ожесточенная антикоммунистическая кампания, одним из главных мотивов которой было обвинение ИКП

¹ Триест Италия получит в 1954 г. по соглашению с Югославией, подписанному при участии Англии, Франции и США.

в подготовке к вооруженному захвату власти. Среди коммунистов были люди, ориентировавшиеся на подобную перспективу, — достаточно напомнить о том, что часть бывших партизан так и не сдала оружия. Из руководителей ИКП в пользу повстанческих действий выступал один из двух заместителей Тольятти — П. Секкья, а при основании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Жоминформа) итальянцев активно склонял к этому представитель Югославии Э. Кардель, призывая их последовать примеру греческих коммунистов. Но ИКП как таковая не приняла курса на восстание и гражданскую войну, который неминуемо привел бы ее к потере завоеванных в Сопротивлении позиций и к поражению. На этом настоял Тольятти, считая, что опыт Греции как раз предупреждает против попыток его повторения (такое же было и мнение Сталина).

14 июля 1948 г. в Риме было совершено покушение на Тольятти. Он был тяжело ранен тремя выстрелами. Покушение совершил некий Антонио Палланте, фанатичный антикоммунист, зачитывавшийся писаниями Муссолини и Гитлера. Ответом на этот террористический акт стала начавшаяся стихийно, а затем санкционированная ВИКТ всеобщая политическая забастовка с участием около 7 млн чел. В парламенте и на народных митингах выдвигалось требование отставки правительства, на которое возлагалась моральная ответственность за случившееся. В ряде городов происходили столкновения манифестантов с полицией. Полиция пускала в ход огнестрельное оружие. 20 убитых, 600 раненых, 7 тыс. арестованных — таков был итог репрессивных акций против этого массового народного движения.

Взрыв возмущения трудящихся, вылившийся в забастовку и другие выступления, легко мог перерасти во фронтальное столкновение с властью, что подкрепило бы утверждения правительства о повстанческих планах коммунистов и дало бы повод поставить их вне закона. Учитывая такую опасность, ВИКТ и ИКП настаивали на том, что забастовка должна оставаться в рамках мирного политического протеста, и в целом сумели добиться этого. 16 июля забастовка по призыву ВИКТ была организованно прекращена.

Забастовка продемонстрировала массовость поддержки, которой пользовалась ИКП, престиж этой партии как политической силы общенационального значения. Однако начавшееся раньше (расколом в социалистической партии)

ослабление единства действий рабочего класса, достигнутого в борьбе с фашизмом, продолжалось. После забастовки 14—16 июля объявили о своем выходе из ВИКТ католические профсоюзы. Они еще раньше требовали полностью исключить ВИКТ из сферы политики, ограничив ее деятельность чисто профсоюзной борьбой, и использовали как повод для раскола политический характер этой забастовки. Порвав с ВИКТ, они создали собственный профцентр, который с 1950 г. принял название Итальянской конфедерации профсоюзов трудящихся (ИКПТ). Ее численность более чем втрое уступала численности ВИКТ, но все же составила на 1950 г. 1,6 млн членов.

Новый раскол пережила в 1950 г. социалистическая партия. Из нее вслед за сарагатовцами вышла еще одна правая группировка во главе с Дж. Ромитой. В дальнейшем обе эти группировки объединились, приняв название Итальянской социал-демократической партии (ИСДП). В отличие от ИСП, находившейся в оппозиции к правительству, социал-демократы с конца 1948 г. входили (хотя и с перерывами) в его состав. Руководимые ими профсоюзы отделились от ВИКТ и образовали в 1950 г. еще один профцентр — Итальянский союз труда (ИСТ), по численности уступавший как ВИКТ, так и ИКПТ.

Католические профсоюзы были важнейшим звеном целой системы массовых организаций, группировавшихся вокруг ХДП и служивших опорой ее политической власти. В эту систему помимо них входили Христианская ассоциация итальянских трудящихся (АКЛИ), Католическое действие, Национальная конфедерация крестьян и т. д. Точная общая численность этих организаций неизвестна, так как зачастую в них состояли одни и те же лица, но несомненно, что счет шел на миллионы. В конце 40-х — начале 50-х годов массовое католическое движение безоговорочно следовало в русле антикоммунистической политики ХДП и занимало резко враждебные позиции по отношению к профсоюзам и другим организациям, руководимым коммунистами и социалистами.

Политика ХДП после отказа от антифашистского единства. Центризм

Одним из последствий практически безраздельного сосредоточения правительственной власти в руках ХДП стало нарастание в конце 40-х — начале 50-х годов клерикальных и авторитарных тенденций в ее внутренней политике.

Во время аудиенции, которую папа Пий XII дал Де Гаспери в феврале 1949 г., политический курс ХДП получил официальное благословение Ватикана. Вскоре папа объявил об отлучении от церкви коммунистов, социалистов и всех, кто отдаст за них свой голос на выборах. Действуя при поддержке и под опекой высшей церковной иерархии, ХДП отступала от принципов республиканской конституции, утвердившей светский характер итальянского государства. Вмешательство церкви в политическую жизнь Италии осуществлялось постоянно и в различных формах — от повседневного воздействия приходских священников на массу верующих до прямых директив Ватикана лидерам ХДП.

Правительство, возглавляемое ХДП, взяло курс на подавление силой массовых выступлений трудящихся. Против них стали широко использоваться учрежденные перед выборами 1948 г. новые полицейские формирования — отряды моторизованной полиции. В атмосфере, созданной антинародными действиями официальных властей, безнаказанно осуществляли свой террор против трудящихся и их организаций мафия и неофашисты, еще в конце 1946 г. образовавшие собственную партию — Итальянское социальное движение (ИСД). Кровавые расправы 1949—1950 гг. унесли десятки жизней, свыше 3 тыс. чел. были ранены, свыше 92 тыс. задержаны полицией или арестованы. Удар направлялся прежде всего против коммунистов, на долю которых неизменно приходилось подавляющее большинство жертв.

Свою репрессивную политику ХДП вознамерилась подкрепить ограничением демократических свобод с помощью ряда чрезвычайных законов (о печати, о профсоюзах и т. д.), проекты которых были внесены в парламент на протяжении 1951—1953 гг. Но и в парламенте, и в стране они встретили сильную оппозицию. Против них выступила даже часть депутатов правительственного большинства. Закон о профсоюзах не прошел вообще. Принятый в 1951 г. закон о «гражданской обороне», сформулированный так, что под его положения о «подрывных элементах» можно было подвести и фашистов, но реально обращенный против левых сил, в результате противодействия общественности так и не получил практического применения.

Активная поддержка, которую оказали ХДП правящие круги США в борьбе за оттеснение левых партий и полновластное господство в стране, предопределила последующую ориентацию внешней политики Италии.

В июне 1948 г. США заключили с Италией соглашение сроком на два года о предоставлении ей экономической помощи по «плану Маршалла». Общий объем поставок по этому соглашению равнялся 1,5 млрд долларов. Первоначально в Италию ввозились преимущественно продукты питания, затем был начат импорт промышленного оборудования. США контролировали расходование средств, поступавших от продажи их товаров на внутреннем итальянском рынке — так называемого фонда лир. Американская экономическая помощь позволила Италии преодолеть наиболее тяжелые для населения последствия войны и тем самым способствовала известному смягчению социальной напряженности. Однако в результате действия «плана Маршалла» усилилось проникновение в итальянскую экономику американского капитала, а процесс послевоенной промышленной реконструкции пошел по пути, благоприятному для крупнейших компаний.

Правительство Де Гаспери добилось от США приглашения Италии в число стран, участвующих в создании НАТО (чему сначала противилась Англия), и еще до обнародования условий Североатлантического пакта потребовало от парламента одобрить присоединение к этому военно-политическому союзу. Голосами депутатов правительственного большинства это решение в марте 1949 г. было принято. Италия стала членом НАТО с момента ее основания.

В 1950 г. на территории Италии были размещены военные штабы и контингенты войск НАТО (в Неаполе, Вероне и некоторых других городах). С США было подписано двустороннее соглашение «о взаимной помощи в целях обороны». Оно предусматривало поставки в Италию американского вооружения и передачу в распоряжение США ряда итальянских портов, военно-морских баз и аэродромов.

Подобная направленность внешнеполитического курса ХДП вызывала резкое осуждение со стороны находившихся в оппозиции левых партий. В частности, они организовали широкое движение протеста против участия Италии в НАТО. Предварительному рассмотрению этого вопроса в парламенте предшествовало множество митингов, демонстраций, забастовок, а под обращением, требующим не ратифицировать уже подписанный правительством Североатлантический пакт, было собрано более 6 млн подписей.

Италия была в числе шести стран, заключивших в 1951 г. соглашение о создании Европейского объединения угля и ста-

ли, а в 1952 г. — договор о Европейском оборонительном сообществе (последний, однако, так и не вступил в действие, встретив сильную оппозицию во Франции).

В ситуации, сложившейся после выборов 1948 г., ХДП не спешила осуществлять социальные преобразования, необходимость которых признавалась ею в период Сопротивления. Но одно из них (аграрную реформу) правительству Де Гаспери все же пришлось провести — под воздействием крестьянских выступлений, которые приобрели в 1949—1950 гг. громадный размах.

Эти выступления охватили весь итальянский Юг — зону крупного помещичьего землевладения (латифундий). Крестьяне здесь были в подавляющей массе безземельными и на кабальных условиях арендовали землю у помещиков, а значительная часть помещичьих земель вообще не обрабатывалась. Захват крестьянами пустующих земель латифундистов был на Юге исстари известной формой классовой борьбы в деревне, но еще никогда не достигал таких масштабов, как в конце 40-х годов XX в. Начавшись стихийно, это крестьянское дви-

Занятие крестьянами пустующих земель на Сицилии

жение было поддержано и возглавлено ИКП. Крестьяне шли занимать помещичьи земли под красными флагами, часто подвергаясь нападениям полиции. Создавались крестьянские органы борьбы за аграрную реформу — земельные комитеты.

Опираясь на это массовое движение, ИКП начала разрабатывать проект общей аграрной реформы, который был одобрен крестьянским съездом в Риме и затем внесен коммунистами и социалистами в парламент. Проект предполагал установление предельного размера земельной собственности в 100 га, выкуп государством излишков сверх этого предела и их передачу на льготных условиях в пользование крестьянам. Парламент отклонил его, однако в 1950 г. одобрил два частных правительственных законопроекта. Один из них относился к той зоне Калабрии, где было особенно сильно крестьянское движение, сфера действия другого распространялась на ряд районов в разных областях Центральной и Южной Италии и Сардинию. Оба закона предусматривали принудительное (но за выкуп) изъятие излишков земли, в первом случае — у владельцев, имеющих более 300 га, во втором — у получающих с земли более 30 тыс. лир годового дохода. Отдельный местный закон был принят в Сицилии, являвшейся автономной областью с особым статутом.

Земли, отчуждаемые у собственников, поступали в распоряжение специальных государственных органов — комитетов по проведению реформы. Комитеты должны были финансировать работы по мелиорации и другим улучшениям на этих землях и передавать их в собственность безземельным и малоземельным крестьянам за выкуп с рассрочкой на 30 лет. На них же возлагалось оказание наделяемым землей крестьянам технической, экономической и финансовой помощи.

По всем районам, где проводилась реформа, подлежали отчуждению в общей сложности около 720 тыс. га. Предполагалось раздавать из этого фонда как наделы, которые могли бы стать основой самостоятельных семейных хозяйств (в количестве примерно 80 тыс.), так и более мелкие участки. Реально до конца 50-х годов по реформе было распределено 616 тыс. га земли.

При наличии в Италии приблизительно 1 млн нуждавшихся в земле крестьянских семей правительственная аграрная реформа удовлетворила их потребности далеко не в полной мере. Однако в сочетании с принятыми еще в 1948 г. законодательными мерами, облегчавшими крестьянам покупку зем-

ли (налоговые льготы, государственные кредиты желающим купить землю), реформа способствовала существенному изменению структуры земельной собственности. Тем или иным путем в руки крестьян перешло к 1959 г. около 1,5 млн га земли, а система помещичьих латифундий на Юге практически перестала существовать.

Сталкиваясь с постоянным противодействием сильной левой оппозиции в парламенте и оказавшись не в состоянии провести через него серию антидемократических законов чрезвычайного характера, ХДП ввиду предстоявших в 1953 г. выборов выдвинула проект избирательной реформы. Он предполагал переход от распределения мандатов пропорционально числу собранных каждой партией голосов к такой системе, при которой 50% голосов плюс хотя бы еще один голос давали собравшей их партии или блоку партий право на две трети парламентских мест.

Проект избирательного закона, окрещенного в Италии «мошенническим» и напоминавшего фашистский «закон Ачербо» (на это сходство не преминул указать и сам Ачербо), вызвал возмущение демократической общественности. В парламенте и вне его началась борьба за то, чтобы не дать пройти «мошенническому закону».

Несмотря на развернувшуюся в стране массовую кампанию протеста, ХДП удалось добиться одобрения «мошеннического закона» парламентом. Однако левые партии призывали продолжать борьбу против него: оставалась еще возможность помешать закону вступить в действие, если на выборах ХДП и ее союзники «не дотянут» до желанного процента голосов. И эта цель была достигнута — на выборах 7 июня 1953 г. за ХДП проголосовало чуть более 40%, а за весь правительственный блок (ХДП, либералы, республиканцы и социал-демократы) — 49,24% избирателей. В то время как ХДП и ее партнеры понесли чувствительные потери (в общей сложности более 12% голосов), ИКП и ИСП улучшили свои позиции: за них было подано соответственно 22,64 и 12,73% голосов, т. е. в совокупности на 4,34% больше, чем собрал Народно-демократический фронт в 1948 г.

Такой исход выборов означал не просто провал «мошеннического закона» и сохранение пропорциональной системы представительства в парламенте. Потеря ХДП и союзными с ней партиями абсолютного большинства голосов лишала прочной опоры правительственную коалицию, сложившуюся

после 1948 г. Это ставило ХДП перед необходимостью в чем-то менять и состав партнеров по коалиции, и свой политический курс вообще.

Выборы подвели неутешительный для ХДП итог всей политики, проводившейся после разрыва антифашистского единства влиятельнейшим лидером партии — А. Де Гаспери. Он не сразу признал свое поражение. Выдвинув после выборов лозунг «Ничего не переменилось», он попытался сформировать однопартийное правительство в расчете на поддержку монархистов и неофашистов. Но это правительство не получило доверия парламента. Де Гаспери оказался вынужден уйти с политической сцены и через год с небольшим умер.

В августе 1953 г. правительство (также однопартийное) сформировал Джузеппе Пелла — один из вдохновителей экономической политики Де Гаспери, в основе которой лежал курс на развитие чисто рыночной, не регулируемой государственным вмешательством экономики. Правительство Пеллы рассматривалось как переходное. Оно просуществовало до начала 1954 г.

С созданием в феврале 1954 г. правительства Марио Шельбы (при Де Гаспери он был министром внутренних дел и стяжал печальную известность жестокими силовыми мерами против массовых выступлений) образовалась коалиция ХДП с либералами и социал-демократами, получившая название центристской. Центризм в этом понимании означал отказ как от сотрудничества с крайне правыми партиями (монархистами и неофашистами), так и от дальнейшего расширения правительственного блока влево. На протяжении шести лет (до начала 1960 г.) у власти сменилось пять правительств, опиравшихся на центристский блок в парламенте. В двух из них участвовали все три партии этого блока, в одном — ХДП и ИСДП, два были однопартийными.

Центризм этого периода складывался как своего рода равнодействующая в борьбе левых и правых тенденций внутри самой ХДП. На ее съезде в 1954 г. утратило решающие позиции консервативное крыло, выступавшее за продолжение политики Де Гаспери. Активизировались левые, предлагавшие дифференцировать отношение к ИКП и ИСП и привлечь социалистов к участию в коалиции. Их лидер Джованни Гронки в 1955 г. был избран президентом республики, сменив на этом посту первого итальянского президента — известного экономиста Луиджи Эйнауди (1874—1961). Но ведущую роль

в ХДП стало играть стремившееся уравновесить обе эти крайности течение во главе с **Аминторе Фанфани** (1908—1999), который с 1954 по 1959 г. являлся политическим секретарем партии. Центризм и был линией компромисса между ними, но с преобладанием тенденции к сохранению политического статус-кво над пока еще робкими новыми веяниями.

В области внешней политики центристские правительства 50-х годов продолжали начатый еще при Де Гаспери курс на включение Италии в процесс европейской интеграции. Италия вошла в Западноевропейский союз, созданный в 1955 г. как региональная структура НАТО, заинтересованно отнеслась к выдвигавшимся, но тогда не реализованным проектам политического сообщества европейских стран. Именно по ее инициативе были предприняты первые шаги к созданию таможенного союза шести стран Западной Европы (Общего рынка), оформленному Римскими соглашениями 1957 г.

Освобождение Италии от фашизма и новые тенденции в итальянской культуре

Итальянская культура первого послевоенного десятилетия развивалась под мощным воздействием движения Сопротивления и начатого им процесса демократического переустройства.

Вместе с фашистским режимом рухнули прославлявшие его мифы и вся его система идеологической обработки массового сознания. Творцы «фашистской культуры» оказались не у дел. Самый известный из них — Дж. Джентиле, ставший при «республике Салó» президентом Итальянской академии, за сотрудничество с фашизмом расплатился жизнью: в 1944 г. он был убит во Флоренции. Скорее всего, Джентиле был самолично приговорен к казни партизанами (почти 70-летний философ вряд ли заслужил такую участь своим сугубо идеологическим участием в деяниях фашизма, но в накаленной обстановке вооруженной борьбы ему этого не простили). Иначе сложилась судьба другого видного проводника фашистской политики в области культуры — Дж. Вольпе. Во время Второй мировой войны он начал пересматривать свое отношение к фашизму и сближаться с монархической оппозицией режиму Муссолини. После Освобождения к Вольпе в процессе дефашизации была применена довольно мягкая, хотя и оставшаяся единственной в академической среде санкция — он был отстранен от преподавания.

Авторитет Б. Кроче как крупнейшего деятеля итальянской культуры подкреплялся в послевоенной Италии тем, что в период «черного двадцатилетия» он был противником фашизма. Кроче — как явствует из его полемики с Парри в Консультативной ассамблее — считал образцом для возрождаемой итальянской демократии дофашистское либеральное государство. Будучи либералом, он не приветствовал широкое празднование 100-летия революции 1848—1849 гг., поднимавшее на щит революционную традицию итальянского национального движения XIX в., созвучную романтике Сопротивления. Но хотя Кроче до самой своей смерти (1952) оставался признанным «мэтром» философии и исторического знания, его влияние на интеллектуальную жизнь страны стало уменьшаться. Молодое поколение интеллигенции, в массовом порядке участвовавшее в Сопротивлении, уже не удовлетворялось ни философско-историческими идеями Кроче, ни его политической программой и выбирало новые ориентиры.

Значительным был приток интеллигентов в левые партии — особенно в ИКП, отводившую проблемам культурной жизни важное место в своей политике. В среде интеллигенции получил широкое распространение интерес к марксизму, чему способствовала публикация «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши, осуществленная в конце 40-х — начале 50-х годов. «Тюремные тетради» поражали глубиной и богатством содержания (философия, история, политика, литература и искусство, лингвистика и т. д.), находили отклик в печати самых разных направлений. В этом издании заметки Грамши были скомпонованы по тематическому принципу в шесть томов. Один из томов целиком состоял из записей, собранных под заголовком «Интеллигенция и организация культуры».

Характерным для настроения итальянской интеллигенции в этот период стало представление о том, что сфера культуры не должна превращаться в некую «башню из слоновой кости», где творец интеллектуальных ценностей ищет убежища от волнующих общество проблем своего времени. Те, кто стоял на подобной точке зрения, рассматривали деятельность в области культуры как своего рода общественный долг, обязанность, служение (*impegno*), исповедовали лозунг *cultura impegnata*.

В литературе и искусстве появились новые имена, новые темы. Среди этих тем особое место заняло Сопротивление. На авансцену вышел ряд писателей, для которых участие в под-

польной антифашистской борьбе и партизанском движении было важнейшим этапом их собственной биографии — таких, как **Элио Витторини** (1908—1966), **Васко Пратолини** (1913—1991), **Чезаре Павезе** (1908—1950), **Итало Кальвино** (1923—1985) и др. Творческий путь Витторини начался еще в 30-е годы, и уже тогда в его произведениях («Красная гвоздика» и «Сицилианские беседы») ощущалось неприятие фашизма. О Сопротивлении Витторини написал одним из первых, опубликовав в 1945 г. роман «Люди и нелюди», действие которого происходит в оккупированном нацистами Милане. В том же году вышло в свет другое произведение, написанное в 1943 г. — «Квартал» Пратолини. Место действия — рабочий квартал Флоренции, время — предвоенное десятилетие. Героям повествования (постепенно взрослеющим подросткам из рабочих семей) жизнь преподносит суровые уроки, подводящие их к выбору дальнейшего пути: один узнает от матери, что арестованный на его глазах отец прятал подпольные антифашистские материалы, и получает наказ сохранить их, другой проникается антифашистскими настроениями, побывав на войне в Эфиопии.

О том, как становятся активными участниками Сопротивления, как приходят к коммунистам люди, раньше очень далекие от них, рассказал Павезе в своем романе «Товарищ» (1947). Во время Сопротивления он сам вступил в компартию, антифашистом же был еще с начала 30-х годов, пережив арест и ссылку. Кальвино — младший по возрасту из названных здесь писателей (по его собственным словам, он и его сверстники «едва успели стать партизанами»), и его литературным дебютом стал именно роман о партизанах, опубликованный в 1947 г. — «Тропинка паучьих гнезд». Италия хотела говорить и читать о Сопротивлении: это подтверждалось публикацией множества самых различных свидетельств, исходивших от его участников.

Р. Гуттузо. Девушка,
поющая Интернационал. 1951

Вновь пробудился интерес к социальной проблематике и «маленькому человеку», в итальянской культуре связанный с веристской традицией, но теперь окрашенный надеждами и ожиданиями страны, освободившейся от фашизма. Появилось понятие «неореализм», которым обозначали направление, властно заявившее о себе в литературе, изобразительном искусстве (назовем прежде всего имя Ренато Гуттузо, 1912—1987) и особенно в кинематографе.

Именно неореалистические фильмы послевоенных лет впервые принесли итальянскому кино мировую известность. При фашизме оно было сугубо провинциальным явлением, в нем господствовали напыщенная риторика, ложный пафос. Теперь на экран вырвалась будничная, обыденная жизнь простых людей, полная тягот, забот, страданий, — и открылось, что этим людям свойственны глубинное, неистребимое представление о справедливости, чувство собственного достоинства, способность к взаимопониманию и солидарности. Создатели неореалистических фильмов стремились максимально приблизить их к документальной достоверности, широко привлекая помимо профессиональных актеров таких исполнителей, которые в сущности играли самих себя.

Этому новому этапу в истории итальянского кино положил начало фильм о Соппротивлении — «Рим — открытый город», поставленный Роберто Росселлини (1906—1977) и снимавшийся в 1944—1945 гг., когда освободительная война еще продолжалась. Своего рода теоретиком неореализма в кинематографии стал Чезаре Дзаваттини (1902—1989). По предло-

женным им сюжетам и созданным с его участием сценариям был снят целый ряд неореалистических фильмов конца 40-х — начала 50-х годов — таких, как «Похитители велосипедов» и «Умберто Д.» Витторио Де Сика (1901—1974), «Рим, 11 часов» и «Дайте мужа Анне Дзаккео» Джузеппе Де Сантиса (1917—1997).

Не все фильмы неореалистического направления стали художественным открытием и оставили заметный след в истории кино. Но в совокупности они были знамени-

Витторио Де Сика

ем своего времени, а с фильмов «Маменькины сынки» и «Дорога» началось восхождение к вершинам славы режиссера **Федерико Феллини** (1920—1993). Через неореалистический этап прошел творческий путь и еще одного будущего корифея итальянского кино — **Лукино Висконти** (1906—1976), выступившего в 1948 г. с фильмом «Земля дрожит».

С неореалистическим искусством тесно связана судьба **Эдуардо Де Филиппо** (1900—1984) — драматурга, режиссера, актера. Он принадлежал к целой семье актеров неаполитанского диалектального театра и кино. Пьесы Де Филиппо писал на неаполитанском диалекте, по некоторым из них («Филумена Мартурано», «Неаполь — город миллионеров») в начале 50-х годов создал фильмы и сам сыграл в них. Уже в 50-е годы творчество Де Филиппо стало известно в СССР — не только по фильмам, но и по воплощению на московской театральной сцене («Филумена Мартурано» в Театре им. Евг. Вахтангова, «Де Преторе Винченцо» в «Современнике»).

В первые послевоенные годы началась деятельность выдающегося театрального режиссера **Джорджо Стрелера** (1921—1977) — основателя открывшегося в 1947 г. миланского «Пикколо Театро». Итальянское театральное искусство издавна развивалось по двум различным, не связанным между собой руслам — народного театра (комедия масок, а позднее диалектальный театр) и высокой культуры, тяготевшей по преимуществу к жанру трагедии и достигшей своих вершин во второй половине XIX в. Стрелеру впервые удалось осуществить синтез этих двух

Федерико Феллини

Эдуардо Де Филиппо

начал: вернуть итальянский театр к его народным истокам, придав театральному зрелищу искрометную веселость и раскованность старинных уличных представлений, и в то же время взять на вооружение не только итальянский, но и мировой опыт профессионального театра. Свои возможности в новаторском освоении репертуара разного плана миланский «Пикколо» продемонстрировал уже в двух спектаклях, подготовленных к его открытию, — «Слуга двух господ» К. Гольдони и «На дне» Максима Горького. В дальнейшем гастролы «Пикколо» станут событием в театральной жизни многих стран — в том числе и нашей.

Однако постепенно общественный подъем, в атмосфере которого произошло оживление всей культурной жизни, сформировался неореализм и сложилось понимание творческой деятельности в духе *cultura impegnata*, стал сменяться в среде интеллигенции настроениями иного рода.

Джорджо Стрелер

Италия после Освобождения оказалась не той, о какой мечтали борцы Сопротивления. Иллюзии развеивались, наступало разочарование, особенно сильное у тех, кто видел в Сопротивлении не просто «второе Рисорджименто» (как часто говорили тогда), но революцию с социалистической тенденцией. Исход Сопротивления они расценивали как поражение, испытывали растерянность, не видели сколько-нибудь обнадеживающих перспектив.

Такой перепад в настроениях затронул помимо интеллигенции и более широкие слои общества. Менялось не только общественное сознание: на протяжении 50-х годов изменился весь привычный облик Италии.

Глава 8

НЕОКАПИТАЛИЗМ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Итальянское «экономическое чудо»

С начала 50-х годов Италия вступила в период исключительно быстрого индустриального развития, обгоняя по темпам среднегодового прироста промышленной продукции все западноевропейские страны, а в мировом масштабе уступая лишь Японии. За 1950—1963 гг. общий объем промышленного производства Италии вырос втрое. Особенно высокими темпами развивались некоторые специализированные отрасли химической промышленности (переработка нефти и газа и производство синтетического волокна за 1953—1962 гг. дали прирост продукции в 28 раз, производство пластмасс — в 10 раз) и точное машиностроение. Менее чем за полтора десятилетия Италия из страны среднего уровня промышленного развития превратилась в высокоразвитую промышленную страну.

Этот рывок был совершен благодаря крупным капиталовложениям в ключевые отрасли производства, позволившим коренным образом обновить их. Капиталовложения такого масштаба оказались под силу прежде всего наиболее мощным, занимавшим командные позиции в соответствующих отраслях компаниям, которые осуществляли их как за счет собственных средств, так и с помощью доставшихся преимущественно им кредитов по «плану Маршалла» (35% этих кредитов получил автомобильный концерн «ФИАТ», 40% — несколько корпораций, господствовавших в электроэнергетике, и т. д.). Тому, что ведущие промышленные круги выступили застрельщиками широкой модернизации производства, способствовала уверенность в будущем буржуазного строя в Италии, вернувшаяся к «капитанам индустрии» после разрыва антифашистского единства.

Для перевооружения промышленности активно использовались и рычаги государственного вмешательства в экономику. Сохранился и продолжал играть важную роль в долгосрочном кредитовании промышленности созданный при фашизме государственный Институт промышленной реконструкции. С открытием в Италии запасов нефти была учреждена государственная компания «ЭНИ» (Национальное управление жидкого топлива), целиком взявшая в свои руки новую отрасль промышленности — нефтехимическую. Государственные капиталовложения составили в 1952—1953 гг. 41% всех народнохозяйственных инвестиций, а в 1959 г. только на долю Института промышленной реконструкции и «ЭНИ» приходилось 30% их общей массы.

Промышленный прогресс в Италии стимулировался ее участием в экономической интеграции стран Западной Европы. Став членом ЕЭС, Италия должна была подтягиваться к уровню своих более сильных партнеров, иначе ей грозило поражение в конкурентной борьбе с ними на Общем рынке.

Интенсивное развитие промышленности вызвало массовую миграцию в город сельского населения, особенно из южных областей. Правительственная аграрная реформа не привела к созданию на Юге сколько-нибудь значительного слоя жизнеспособных крестьянских хозяйств, хотя в 50-е годы именно на эти цели шла львиная доля государственных ассигнований по линии специально учрежденной Кассы Юга. Большинство распределенных по реформе наделов были мелкими (2—4 га), а их владельцы оказались под бременем тяжелых выкупных платежей и задолженности комитетам по проведению реформы. Немало крестьян, недавно получивших землю, забрасывали свои наделы и переселялись в город. Всего на протяжении 1950—1960 гг. из деревни ушло 1,8 млн человек. Доля занятых в сельском хозяйстве, составлявшая в 1952 г. 39,6% самодеятельного населения, спустя десять лет снизилась до 26,2%. Но далеко не всем, кто покинул деревню, удавалось найти работу в городе. Постоянно располагая огромным резервом рабочих рук, итальянские предприниматели имели возможность удерживать заработную плату в промышленности на уровне более низком, чем в других странах ЕЭС, и за счет этого сокращать издержки производства и усиливать конкурентоспособность своих товаров.

Сделав за годы «экономического чуда» рывок вперед в своем хозяйственном развитии, Италия по-прежнему оставалась страной острых социальных проблем. Усиление промышлен-

ного потенциала Севера происходило при продолжающемся отставании аграрного Юга. На Юге в этот период возникали лишь отдельные островки металлургической, химической, нефтеперерабатывающей промышленности. Предприятия этих отраслей никак не были связаны с местной хозяйственной средой (их образно уподобляли «небоскрегам в пустыне»), их размещение отвечало не потребностям самой южноитальянской экономики, а интересам промышленных гигантов Севера, чьими филиалами они являлись. Доля Юга в создании национального дохода сократилась с 23,5% в 1951 г. до 20,3% в 1962 г. В индустриальных районах Севера массовый приток переселенцев с Юга приводил к бурному и беспорядочному разрастанию городов и их предместий, порождал острую нужду в жилье при наличии множества пустующих квартир за недоступную трудящимся плату. В 1951—1961 гг. в условиях благоприятной экономической конъюнктуры средний почасовой заработок промышленных рабочих вырос на 20%, но такой рост зарплаты далеко не соответствовал увеличению затрат их физической и нервной энергии в результате широкого внедрения поточно-конвейерного производства.

Преобразованную «экономическим чудом» Италию стали называть страной «неокапитализма». Но неотъемлемыми аспектами «неокапиталистической» действительности были и традиционно свойственные Италии региональные диспропорции, и глубокие социальные противоречия.

Политические партии в поисках новой стратегии

На протяжении 50-х годов Италия существенно изменилась не только по сравнению с периодом Сопrotивления, но и с тем, какой она была к началу этого десятилетия. Внутри господствующего класса на передний план выдвинулись наиболее динамичные предпринимательские круги, «оседлавшие» в своих интересах процесс технологической перестройки промышленности. По отношению к рабочему классу они делали ставку не на фронтальное столкновение, а на то, чтобы приобщить часть рабочих к выгодам капиталистической модернизации производства и таким образом ослабить их сопротивляемость хозяйскому диктату. Этим целям должна была служить проводимая крупными компаниями (особенно широко — «ФИАТ») политика так называемого патернализма — «отеческой заботы» о социальных нуждах рабочих своих

предприятий (строительство дешевого жилья, детских садов и т. д.) в обмен на лояльность с их стороны (устанавливались специальные премии рабочим за «сотрудничество» с фирмой, т. е. за неучастие в забастовках), при одновременном жестком контроле за их настроениями и систематическом удалении «неблагонадежных». На какое-то время (1954—1957) предпринимателям удалось таким образом ослабить волну забастовок и других массовых выступлений, хотя и тогда в них ежегодно участвовало более миллиона рабочих. Крестьяне все больше ощущали гнет мощных корпораций, контролировавших производство удобрений, сельскохозяйственной техники и т. д. Начавшийся в аграрной экономике технический переворот и участие Италии в ЕЭС привели к разрушительным для множества крестьянских хозяйств последствиям.

Немаловажные сдвиги произошли в общественных настроениях. «Экономическое чудо» позволило вновь упрочить в массовом сознании социальный престиж капитализма, серьезно подорванный в годы освободительной антифашистской борьбы. В то же время, как отмечалось в 1964 г. в ходе опроса, проведенного среди деятелей культуры журналом «Нуови аргументи» (один из редакторов — писатель Альберто Моравиа), стало «как-то не принято называть капитализм его собственным именем»¹: в ход пошли такие обозначения, как «экономика свободного рынка», «прогресс в свободе», «защита демократии», «свободный мир» и другие иносказания. Вступив в фазу зрелого индустриального общества, Италия столкнулась с такими характерными его порождениями, как проблема отчуждения (превращение человека в обезличенный винтик производственного механизма, прогрессирующее отторжение рядовых граждан от участия в принятии решений), выдвижение материального благосостояния во главу шкалы ценностей, нарастание бездуховности. Мотив отчуждения стал преобладающей темой в литературе. Неореализм как метод художественного творчества исчерпал себя. В кинематографе лучшие мастера (каковы бы ни были различия их идейно-эстетических позиций) констатировали, что наступившая благоустроенная жизнь не принесла их героям счастья, и искали объяснения этому. В среде творческой интеллигенции усиливалось стремление к отказу от принципа *cultura impegmata*.

¹ Цит. по кн.: Кин Ц. Миф, реальность, литература. С. 252.

В этих условиях три крупнейшие политические партии Италии (ХДП, ИКП, ИСП) оказались перед необходимостью переосмыслить свой предшествующий опыт и стратегический курс.

ИСП к середине 50-х годов претерпела значительную эволюцию вправо, фактически исключив из своего поля зрения социалистические цели, тогда как во время Соппротивления среди социалистов, наоборот, были сильны стремления к их скорейшей, немедленной реализации. Из «экономического чуда» руководство ИСП во главе с П. Ненни сделало вывод, что в данной ситуации единственно возможной для партии деятельностью является борьба за реформы в рамках капиталистического строя, желательно при доступе в «комнату с кнопками», т. е. при участии в правительстве. ИСП взяла, таким образом, курс на отказ от роли оппозиционной партии, каковой она была вместе с ИКП с весны 1947 г. Начало ослабевать и ее политическое сотрудничество с коммунистами, длившееся почти без перерыва с 1934 г. В 1956 г., после XX съезда КПСС, сказавшего страшную правду о преступлениях Сталина, руководство ИСП заявило о невозможности возобновить соглашение с ИКП о единстве действий.

XX съезд КПСС стал потрясением и для итальянских коммунистов. Часть из них (преимущественно из числа прошедших подполье ветеранов) не приняла разоблачений и продолжала верить в мифологизированный образ Сталина, другие пересматривали свое отношение к самим коммунистическим идеям. События октября — ноября 1956 г. в Венгрии (восстание против режима «народной демократии», тогда квалифицированное как контрреволюция и подавленное вооруженным вмешательством СССР) воздействовали в том же направлении. В результате численность ИКП впервые после Соппротивления уменьшилась примерно на 200 тыс. членов.

В то же время для ИКП было важно, что XX съезд КПСС признал принципиальную возможность различных путей к социализму в зависимости от условий отдельных стран. На этот вывод она могла дополнительно опереться в своих политико-стратегических разработках, учитывающих как давние исторические особенности Италии, так и изменения в итальянском обществе в послефашистский период.

Стратегия «итальянского пути к социализму», сформулированная VIII съездом ИКП (декабрь 1956 г.), предусматривала, что главный удар рабочего класса и его союзников должен

быть на данном этапе направлен против монополий, чьи интересы враждебны интересам громадного большинства народа. Республиканская конституция позволяла провести глубокие антимонополистические преобразования, именуемые структурными реформами (национализацию ключевых отраслей промышленности с передачей их под демократический общественный контроль, налоговую реформу в интересах основной массы населения и т. д.), с полным соблюдением законности. Но в документах ИКП подчеркивалось, что антимонополистические структурные реформы при всем их соответствии духу конституции могут быть лишь завоеванием массовой борьбы, а не благодеянием сверху. Для их осуществления считался необходимым союз рабочего класса со всеми социальными слоями, заинтересованными в подрыве экономического могущества монополий (крестьянством, интеллигенцией, городской мелкой и даже средней буржуазией). Предполагалось, что борьба за антимонополистические преобразования будет длительной и трудной, так как в послевоенные годы монополиям удалось не только оставить за собой прежние командные высоты в экономике, но и овладеть новыми. Она мыслилась в виде цепи отдельных битв, а не единовременной решающей схватки, но каждое завоевание, достигнутое в этой борьбе, должно было использоваться как плацдарм для дальнейшего продвижения вперед — в конечном счете к социализму.

Стратегический курс ИКП основывался на том, что борьба против монополий и борьба за социализм не тождественны друг другу, но и не являются двумя одновременными, четко разграниченными этапами, а теснейшим образом переплетаются между собой, так как одержать верх над монополиями — значит победить главного противника социализма. Коммунисты считали, что в интересах рабочего класса сохранить в борьбе за социализм поддержку возможно большей части своих союзников по антимонополистической борьбе. Это позволило бы создать на его стороне такой перевес сил, который воспрепятствует развязыванию гражданской войны и обеспечит наиболее благоприятный для трудящихся мирный путь к социализму.

Таким образом, ИКП, в отличие от ИСП, продолжала иметь в виду социалистическую перспективу, хотя отнюдь не считала ее близкой к осуществлению. С другой стороны, ИКП также и в борьбе за реформы, возможные в условиях «неокапитализма», делала упор на максимальную активизацию массовых действий.

Преемственная связь этой стратегии с той политической линией, которой коммунисты придерживались в период Сопротивления, была подчеркнута IX съездом ИКП (1960). В его документах Сопротивление рассматривалось как великая демократическая революция, какой Италия никогда не знала прежде, позволившая выиграть освободительную войну, ликвидировавшая фашизм, заложившая основы нового государства, но оставшаяся незавершенной: ее развитие было прервано в момент, когда она подошла к осуществлению антимонополистических структурных преобразований. Теперь речь шла о том, чтобы вернуться к этим задачам и отыскать отвечающие новым условиям способы их решения.

Главная буржуазная партия Италии — ХДП — вступила в период, озаглавленный для страны глубокими переменами, с тяжелым политическим поражением за плечами. Центристский курс, проводившийся ею с 1954 г. в сотрудничестве с социал-демократами и либералами, не означал каких-либо принципиальных, стратегических изменений в ее политике. В то же время центристская коалиция не была достаточно прочной и не обеспечивала желаемой политической стабильности.

Для наиболее дальновидных деятелей ХДП становилось очевидным, что нужно искать новых, нетрадиционных политических союзников и разрабатывать определенную программу, которая могла бы скрепить сотрудничество с ними на правительственном уровне. Такая программа должна была бы дать ответ с приемлемых для ХДП позиций на вопросы, связанные с социально-экономическими сдвигами 50-х годов.

Наиболее желанным для ХДП партнером была в этих условиях ИСП, разорвавшая сотрудничество с коммунистами и сама активно стремившаяся к участию в правительстве. Привлечение ее в правительство позволило бы усилить рознь между двумя массовыми рабочими партиями и, как надеялась ХДП, ослабить политические позиции ИКП. Именно участие социалистов должно было придать качественно новый характер коалиции, куда предполагалось включить также социал-демократов и республиканцев.

Маневр влево — в сторону ИСП — облегчался для ХДП новыми веяниями, обозначившимися с конца 50-х годов в политике Ватикана. В октябре 1958 г. умер папа Пий XII, при котором церковь открыто вмешивалась в политическую жизнь Италии, поддерживая ХДП как оплот социального консерватизма и противовес левым силам. Его преемник Иоанн XXIII

(годы понтификата 1958—1963) был деятелем совершенно иного склада, способным широко и трезво взглянуть на происшедшие в мире глубокие перемены и осознать, что попытки противодействовать им наносят ущерб интересам самой церкви. Он стал терпимо относиться к диалогу между верующими и неверующими и, не отменив формально провозглашенного Пием XII отлучения от церкви коммунистов, социалистов и голосующих за них избирателей, практически предал этот акт забвению. Новый папа отказался от роли политического наставника ХДП и дал понять, что не будет препятствовать ее сближению с социалистами.

Постепенно определялись контуры программы, на основе которой предполагалось объединить будущую коалицию. Чтобы сделать эту программу приемлемой для социалистов, ХДП пошла на включение в нее пунктов, отвечавших требованиям левых сил. Среди них были такие, как национализация (за выкуп) производства электроэнергии, программирование экономического развития, ликвидация системы испыльщины в деревне, градостроительная реформа, реформа системы образования, реформа пенсионного обеспечения, осуществление записанного в конституции принципа автономии исторически сложившихся областей¹. Сделав подобные требования частью правительственной программы, ХДП надеялась приглушить таким образом борьбу за их осуществление снизу. В то же время проведение таких мер не противоречило устремлениям предпринимательских кругов, ориентировавшихся на высоты технического прогресса и патерналистскую социальную политику. Они выиграли бы от выкупа государством электроэнергетической промышленности, который позволил бы снизить высокие тарифы на электроэнергию, продиктованные ведущими частными компаниями этой отрасли. «Капитаны промышленности» были заинтересованы в повышении уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочих и в инженерных кадрах новой формации, а следовательно, в массовом школьном обучении и пересмотре односторонней гуманитарной ориентации итальянских университетов.

¹ Этот общий, относящийся к территории всей страны конституционный принцип еще не был реализован. Автономию с особым статутом имели лишь острова Сицилия и Сардиния, франкоязычная область Валле д'Аоста и область с немецким национальным меньшинством Трентино-Альто-Адидже.

Их социальной стратегии отвечало как более сбалансированное, менее хаотичное развитие экономики в условиях программирования, так и ожидаемое в результате намеченных реформ общее ослабление остроты классовых конфликтов. Из 10 руководителей крупнейших промышленных объединений наиболее решительно в пользу предполагаемого политического поворота высказались представители «ФИАТ», «ЭНИ» и химического треста «Монтекати́ни».

Так вызревал политический курс, получивший в дальнейшем название *л е в о ц е н т р и з м а*, т. е. сотрудничества ХДП, занимавшей в итальянской партийной системе позицию центра между левыми и правыми, с партиями, стоявшими левее ее, включая ИСП. Левоцентризм был задуман как долгосрочная стратегия и являл собой отвечавший условиям «неокапиталистической» Италии вариант политики либерального реформизма.

Переход к левоцентризму.

Левоцентристская политика в действии

Внутри ХДП левоцентристские замыслы не встречали единой поддержки. Внутри партии продолжало существовать и не собиралось сдавать свои позиции правое, консервативное крыло, тяготевшее к клерикализму, отказу от реформ и авторитарным методам.

В феврале 1960 г. христианский демократ Ф. Тамброни сформировал правительство, получившее вотум доверия в парламенте при поддержке неофашистской партии ИСД. После этого правительство Тамброни стало открыто попустительствовать неофашистам и дало санкцию на проведение съезда ИСД в Генуе — городе-герое итальянского Сопротивления.

Демократическая общественность восприняла действия неофашистов и правительства как наглый вызов. 30 июня по всей стране прокатилась мощная волна антифашистских митингов, забастовок, манифестаций. Кое-где возникли организации, подобные Комитетам национального освобождения. Неофашистский съезд был сорван.

Против массового антифашистского движения правительство бросило моторизованную и конную полицию. Полиция нападала внезапно, пуская в ход огнестрельное оружие. В разных городах Италии от полицейских пуль погибло около десятка манифестантов (в том числе пятеро — в Реджо-Эмилии),

среди пострадавших в Риме были депутаты и сенаторы от левых партий. 8 июля началась всеобщая политическая забастовка с требованием отставки правительства. Спустя десять дней правительство Тамброни пало.

Эти события показали, что для ХДП в данной ситуации исключено сотрудничество с правыми политическими силами. Влияние правых внутри ХДП ослабело, лагерь сторонников маневрирования влево укрепился. Состоявшийся в январе 1962 г. съезд ХДП высказался за проведение левоцентристской политики, а в феврале того же года было сформировано первое левоцентристское правительство во главе с А. Фанфани. В него вошли представители ХДП, республиканцы и социал-демократы. При голосовании по вопросу о доверии правительству социалисты воздержались. ИСП стала участвовать в левоцентристских правительствах лишь с конца 1963 г. С этого времени вплоть до 1968 г. во главе левоцентристских правительств стоял видный деятель ХДП Альдо Моро (1916—1978).

Создание новой коалиции, выдвинувшей программу относительно широких реформ, означало, что в Италии, в отличие от некоторых других стран Западной Европы, к началу 60-х годов произошел политический сдвиг влево. Однако практические результаты деятельности правительств левого центра, сменявших друг друга на протяжении этого десятилетия, оказались в явном несоответствии и с расчетами инициаторов левоцентристской политики, и с теми ожиданиями, которые с ней связывала немалая часть населения.

Альдо Моро (слева)

Придя к власти, левоцентристская коалиция стала затягивать проведение обещанных реформ или же осуществлять их в сильно урезанном виде. Электроэнергетическая промышленность была в конце 1962 г. национализирована, но на условиях, максимально выгодных для господствовавших в ней частных компаний. Именно они, а не держатели акций, получили выплаченный государством выкуп в размере 1500 млрд лир (2,5 млрд долларов), использовав

эти средства для инвестиций в другие отрасли производства. Реформа системы образования ограничилась тем, что обучение в неполной средней школе (детей в возрасте до 14 лет) стало бесплатным и обязательным. Экономическое программирование, введенное в 1965 г., имело обязательную силу лишь в пределах государственного сектора и мало что изменило в сфере частного предпринимательства. Закон об областном самоуправлении после рекордных по длительности дискуссий в парламенте был принят только в 1967 г., а первые выборы в областные представительные органы отложены до 1970 г. Вместо общей реформы пенсионного обеспечения до конца 60-х годов было осуществлено лишь некоторое повышение размеров существующих пенсий. Градостроительная реформа и упорядочение системы использования не были проведены вообще.

«Выцветанию» левоцентристского реформизма способствовало то, что условия, вызвавшие его к жизни, ко времени реализации этой политики уже перестали существовать. Начало левоцентризма совпало с закатом «экономического чуда»: после 1963 г. среднегодовые темпы экономического роста замедлились, а на 1964—1965 гг. пришелся кризисный спад промышленного производства. Уже с конца 50-х годов вновь пошло на подъем массовое движение трудящихся, сводя на нет упования предпринимателей на эффективность патерналистских методов в сфере социальных отношений. Активизировалась не только борьба за непосредственные экономические требования: в июльских событиях 1960 г. рабочий класс проявил себя как мощная, инициативная политическая сила, сыгравшая решающую роль в срыве планов клерикально-фашистской реакции.

Надежды либерально-реформистских кругов на левоцентризм как средство ослабления политических позиций ИКП также не оправдались. На парламентских выборах 1963 г. коммунисты получили свыше 25% голосов (примерно на 2,5% больше по сравнению с выборами 1958 г.), а на выборах 1968 г. — почти 27%.

Для ИСП вступление в правительственную коалицию оказалось сопряжено с острой внутренней борьбой. То, что эта партия не сразу пошла на прямое участие в правительстве, было связано с сильным противодействием политическому курсу П. Ненни со стороны ее левого крыла, не одобрявшего ни левоцентризм, ни отказ от сотрудничества с коммунистами. В начале 1964 г. это крыло откололось от ИСП и образова-

ло собственную партию численностью около 100 тыс. членов. Она взяла себе название, принадлежавшее социалистам в период Соппротивления: Итальянская социалистическая партия пролетарского единства (ИСППЕ)¹.

Участие в правительстве способствовало дальнейшей эволюции ИСП вправо и ускорило начавшийся еще в 1956 г. процесс ее сближения с социал-демократами, также входившими в левоцентристскую коалицию. В 1966 г. ИСП и ИСДП слились, образовав Объединенную социалистическую партию (ОСП). Однако эта партия потерпела на выборах 1968 г. сокрушительное поражение, недосчитавшись около 5,5% голосов по сравнению с тем, что собрали в сумме ИСП и ИСДП в 1963 г. Она расплатилась таким образом за то, что не сумела стать в правительстве самостоятельной силой и послушно следовала за политикой ХДП. В 1969 г. ОСП вновь распалась на две ранее существовавшие партии.

Политические потери, с которыми эти партии пришли к концу 60-х годов, были симптомом начинавшегося кризиса левоцентризма. О том же свидетельствовала обострившаяся борьба течений внутри ХДП, а на уровне массового католического движения — отказ Христианской ассоциации итальянских трудящихся от принципа политического единства всех католиков, т. е. от обязательной поддержки ХДП на выборах. Но главным проявлением несостоятельности левоцентризма как стратегии, нацеленной на смягчение социальной напряженности, стал беспрецедентный по масштабам взлет массового рабочего и демократического движения, увенчавшийся «жаркой осенью» 1969 г.

«Хотим, чтобы с нами считались!»

В 1967—1968 гг. Италию, как и другие страны Запада, потрясла волна студенческих выступлений. Протест учащейся молодежи был направлен против устаревшей, не соответствовавшей потребностям времени системы университетского образования, которая так и не подверглась каким-либо реформам, но нес в себе и сильный антикапиталистический заряд. Студенты остро реагировали на то, что преподавательский со-

¹ Эта партия просуществует до 1972 г., когда она разделится на три течения (одно присоединится к ИКП, второе еще некоторое время будет действовать под другим названием, третье вернется в ИСП).

став отгорожен от них как некая замкнутая каста, отказывались слушать лекции, профессоров нередко освистывали и прогоняли с кафедр. В аудиториях проходили бурные собрания, основным требованием которых было право студентов на участие в решении проблем университетской жизни. Вместе с тем молодые бунтари подчеркнуто отвергали жизненные стандарты «общества потребления», проявляли солидарность с борющимся Вьетнамом, их кумиром был Че Гевара. Начавшись в стенах университетов, движение выплеснулось и на улицы, где студенческие митинги и шествия подчас переходили в стычки с полицией.

Требование участия в принятии решений («Хотим, чтобы с нами считались!») было главным, что сближало студенчество с позициями рабочих организаций и питало в нем стремление к единству действий с рабочими. Это стремление нашло поддержку со стороны ИКП и профсоюзов. В профсоюзном движении к тому времени существенно изменился характер взаимоотношений между разными его течениями. Профсоюзы ВИКТ, ИКПТ и ИСТ в ходе массовых выступлений все чаще действовали совместно, внутри всех трех профцентров усиливались настроения в пользу полного единства профдвижения. Под знаком единства прошли крупнейшие общенациональные забастовки с требованием реформы пенсионного обеспечения (1968) и принятия неотложных мер по решению жилищной проблемы (1969), в которых участвовало 18—20 млн чел., т. е. практически все самодеятельное население страны. Именно они заставили левоцентристское правительство осуществить наконец серьезные реформы в области пенсионного обеспечения (с 1969 г. был повышен минимум уже выплачиваемых пенсий, а вновь назначаемые устанавливались в размере 76% зарплаты) и приступить к прямым переговорам с профсоюзами по жилищному вопросу.

Забастовки «жаркой осени» 1969 г. развернулись в связи с истечением срока коллективных трудовых соглашений в ряде отраслей и имели целью перезаключение этих соглашений на лучших для рабочих условиях. Но речь шла не только о прибавках к заработной плате и тому подобных требованиях. Важнейшее значение приобрел вопрос о расширении прав профсоюзов и других организаций рабочего класса.

Основные завоевания «жаркой осени» состояли в признании за профсоюзами права создавать свои организации внутри предприятий, в узаконении возникших на предприятиях ин-

ституты прямой рабочей демократии (рабочие ассамблеи, выборные делегаты цехов и поточных линий, фабрично-заводские советы) и их участия в решении вопросов технологии производства. В 1970 г. все это было зафиксировано в специальном законодательном акте — Статуте прав трудящихся. В соответствии с принципом равной оплаты за равный труд ликвидировались зональные различия в уровнях заработной платы. Новыми условиями коллективных договоров предусматривалось также повышение зарплаты рабочим ряда профессий (металлургам, химикам, строителям) и поэтапное введение 40-часовой рабочей недели в промышленности.

Классовые бои конца 60-х годов с их невиданной результативностью были наиболее впечатляющим итогом десятилетия, начавшегося в Италии поворотом в правящих кругах к левоцентристскому либеральному реформизму.

Глава 9

ИТАЛИЯ 70-Х ГОДОВ: ЗИГЗАГИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Закат левоцентризма. Республика в опасности

К началу 70-х годов левоцентристская политика исчерпала себя. Парламентские выборы, впервые за послевоенный период проходившие досрочно — в 1972 г., отразили противоречивые тенденции. Общее число голосов, полученных левоцентристскими партиями, увеличилось примерно на 0,5% по сравнению с выборами 1968 г., но исключительно за счет партнеров ХДП. Сама она понесла потери, хотя и небольшие. Произошло усиление крайне правых партий — монархистов и неофашистов. Выступив в блоке, они собрали 8,68% голосов, тогда как на выборах 1968 г. имели соответственно 1,36% и 4,46%. После выборов они слились в единую неофашистскую партию Итальянское социальное движение — Национальные правые силы. Монархо-фашистский блок усилился преимущественно за счет либералов, т. е. за счет перераспределения голосов внутри правой части избирательного корпуса. В то же время на левом фланге ИКП не только удержала, но и несколько улучшила свои позиции: за нее было подано 27,21% голосов против 26,96% в 1968 г.

Результаты выборов свидетельствовали о поляризации политических сил в стране и росте оппозиции справа левоцентристскому курсу. Последнее подтверждалось активностью неофашистов, возросшей на рубеже 60—70-х годов. Складывалась сеть подпольных террористических групп, примыкавших к неофашистской партии. Неофашисты пустили в ход так называемую «стратегию напряженности», стремясь с помощью устрашающих действий вроде взрыва в Миланском сельскохозяйственном банке (декабрь 1969 г.) склонить общественное настроение в пользу твердой власти,

способной обеспечить «порядок». С другой стороны, они демагогически разжигали недовольство населения на почве социальных проблем, не решенных левоцентристскими реформами. Так было, например, в некоторых городах Юга, где неофашисты организовали в конце 1970 г. мятежи под местническими лозунгами. На декабрь 1970 г. намечался и фашистский путч в Риме, но в последний момент заговорщикам пришлось отказаться от своих планов.

Прилив неофашистской волны был в конечном счете связан с реакцией на завоевания массового движения конца 60-х годов со стороны наиболее непримиримых группировок правящего класса. Они же подогревали и правые тенденции внутри левоцентристского блока, особенно проявлявшиеся в ХДП и социал-демократической партии. Все это в сочетании с очевидной неспособностью левоцентризма успешно противостоять массовой борьбе за подлинно глубокие реформы привело к отказу от левоцентристской политики после выборов 1972 г. Кабинеты, сменявшие друг друга в период до следующих выборов, уже не имели ни устойчивой по составу партийной «формулы», ни долгосрочной программы действий.

Несмотря на активизацию неофашистов и других правых сил, в общественных настроениях после окончания левоцентристского эксперимента возобладало движение влево. Первое крупное поражение правые потерпели в 1974 г., когда они попытались добиться с помощью референдума пересмотра закона о свободе развода¹: за сохранение закона в силе было подано свыше 59% голосов. Проходившие год спустя муниципальные и областные выборы принесли коммунистам около трети всех поданных голосов (33,5% — в областные представительные органы и 32,2% — в муниципалитеты), тогда как неофашисты после кратковременного взлета в начале 70-х годов вновь откатились назад (соответственно — 6,4 и 5,65%).

Этот сдвиг влево происходил на фоне растущей социальной нестабильности, связанной с кризисом 1974—1975 гг., который поразил Италию тяжелее, чем другие страны. Спад про-

¹ Вопрос о свободе развода приобрел в Италии большую общественную остроту, так как затрагивал прерогативы церкви (по Латеранскому конкордату 1929 г. полноправным признавался лишь церковный брак, который был практически нерасторжим). Под лозунгом пересмотра закона о разводе, принятого парламентом в 1970 г., объединились все правые политические силы, опиравшиеся на поддержку наиболее консервативных церковных кругов.

мышленного производства в низшей точке кризиса достиг 14,6%. Обострилась проблема занятости, особенно для молодежи. В 1975 г. число безработных приблизилось к 1,5 млн чел., из них $\frac{3}{4}$ составляли лица моложе 30 лет, примерно $\frac{2}{3}$ имели высшее или среднее образование. Безработица росла прежде всего за счет молодежи, впервые ищущей работу, так как, в отличие от других стран, организованное рабочее движение Италии смогло эффективно противостоять попыткам предпринимателей осуществить массовые увольнения.

Кризис способствовал резкому усилению инфляции, которая приобрела «галопирующий» характер. В 1974 г. она составила более 20% и оставалась примерно на том же уровне в последующие годы. По темпам роста стоимости жизни Италия оказалась впереди всех индустриально развитых стран.

Наиболее болезненно все это задевало те слои общества, которые были оттеснены «на обочину» производственной деятельности, распылены, слабо организованы: живущее случайными заработками население городских окраин, не находящую работы и не имеющую возможности учиться молодежь (в 1974 г. среди молодежи в возрасте 16—17 лет училось лишь 48%) и т. д. В этой среде находили отклик идеи расплывшихся во множестве экстремистских групп террористического характера, которые использовали ультралевую фразеологию, изображая себя поборниками «чистого коммунизма», «революции» в форме «городской герильи», «диктатуры пролетариата», но в действительности все больше смыкались с подпольем неонацистского толка. Италия приобрела печальную славу одной из самых «террористических» стран. К 1977 г. здесь насчитывалось около 150 террористических групп разной окраски, в большинстве считавшихся «левыми». Они совершали сотни актов насилия, преимущественно против должностных лиц судебного и полицейского ведомств, рассматривая подобные действия как объявление войны всей системе существующих политических институтов.

В сложной обстановке, когда политические симпатии значительной части населения смещались влево и в то же время возникла реальная угроза существованию республики, парламент вновь, как и в 1972 г., был распущен досрочно. Выборы, состоявшиеся 20 июня 1976 г., принесли небывалый успех коммунистам — за ИКП было подано 34,4% голосов, тогда как ХДП собрала 38,8%. Разрыв между двумя крупнейшими партиями сократился, таким образом, до минимума. В италья-

янской многопартийной системе они стали двумя полюсами, притягивающими к себе голоса почти три четверти избирателей. При прогрессирующем ослаблении позиций ХДП это ставило ее перед необходимостью пойти на определенное политическое сотрудничество с коммунистами.

Проблема «исторического компромисса» в стратегии ИКП

Итальянская компартия со своей стороны стремилась осмыслить происходившие сдвиги в партийно-политической структуре и в обществе, которые требовали от нее заново определить свою позицию по отношению к ХДП и к массовому католическому движению.

Вопрос о взаимоотношениях коммунистов и католиков имел в Италии совершенно особое значение по сравнению с любой другой католической страной в силу географического положения Ватикана и длительного нахождения у власти массовой и влиятельной католической партии. Как явствует из вышеизложенного, в 70-е годы этот вопрос встал перед ИКП отнюдь не впервые. Коммунисты и католики совместно участвовали в Соппротивлении, в 1944—1947 гг. ИКП и ХДП вместе с другими антифашистскими партиями сотрудничали на правительственном уровне. Но и после того как антифашистское единство перестало существовать, а ХДП повернула к откровенно антикоммунистической политике, ИКП настойчиво добивалась взаимопонимания и совместных действий с католиками. Устав компартии допускал членство в ней верующих, а среди ее избирателей верующие составляли весьма значительную часть. По данным 60-х годов, из голосовавших за ИКП 95% были крещены, 86% состоявших в браке венчались в церкви, 76% посылали детей на церемонию первого причастия. IX съезд ИКП, подчеркнувший непреходящее значение политического опыта периода Соппротивления, специально обратил внимание на необходимость «диалога с католиками». В ходе массовых выступлений 60-х годов такой диалог стал успешно налаживаться, особенно в профсоюзном движении. Также обнадеживал в этом отношении и сдвиг влево в массовых католических организациях в начале 70-х годов.

Исходя в своих стратегических установках из необходимости создания максимально широкого блока сил, заинтересованных в антимонополистических преобразованиях и

в борьбе за социализм, ИКП не мыслила себе такого блока без участия в нем католиков. Именно вопрос о взаимоотношениях с массой католиков оказался в центре внимания итальянских коммунистов при анализе опыта правительства Народного единства в Чили и тех уроков, которые они извлекли для себя из поражения чилийской революции.

На посту генерального секретаря ИКП с 1972 г. находился **Энрико Берлингуэр** (1922—1984) — один из наиболее выдающихся лидеров этой партии. Он вырос в семье с антифашистскими традициями (во время «кризиса Маттеотти» его отец участвовал в Авентинской оппозиции как депутат от группы Амендолы, а позднее стал социалистом), в компартию вступил в период Сопротивления, в конце 40-х — начале 50-х годов возглавлял молодежную коммунистическую организацию Италии, а также в течение трех лет был председателем Всемирной федерации демократической молодежи. До избрания на высший партийный пост Берлингуэра мало знали как оратора — он был по натуре сдержан и молчалив, предпочитая публичным выступлениям сосредоточенную работу мысли. С его именем связаны важные теоретические разработки и политические инициативы Итальянской коммунистической партии.

В серии статей Берлингуэра, опубликованных после свержения в Чили правительства С. Альенде, был сделан вывод, что в Италии подобное правительство могло бы быть прочным лишь при условии «исторического компромисса» между коммунистами и социалистами, с одной стороны, и католиками — с другой. Формула «исторического компромисса» подразумевала прежде всего взаимоотношения на низовом, массовом уровне, но не исключала и сотрудничества рабочих партий с ХДП. Реальное содержание «исторического компромисса» могло быть выявлено лишь практическим осуществлением этой политики.

Энрико Берлингуэр

Политика «национальной солидарности»

После выборов 1976 г. сама возможность сформировать новое правительство и обеспечить ему доверие парламента в решающей мере зависела от того, какую позицию займут коммунисты. При действующих правилах парламентской процедуры наиболее устойчивым было бы правительство из одних христианских демократов, за которое проголосуют парламентарии ХДП при воздержавшихся представителях всех других партий, стоящих на платформе республиканской конституции (ИКП, ИСП, ИСДП, республиканцы, либералы). ИКП согласилась на такой благожелательный по отношению к правительству нейтралитет, после чего было создано опиравшееся на «коалицию воздержавшихся» однопартийное правительство во главе с Дж. Андреотти.

Однако в тот момент ХДП не могла обойтись без сотрудничества с ИКП не только по соображениям парламентской арифметики. Требовались неотложные меры по преодолению экономического кризиса и борьбе с терроризмом, чтобы остановить подтачивание основ республиканского государства. Но этого уже нельзя было осуществить без участия такой крупнейшей политической силы, как ИКП, без поддержки ориентирующихся на нее масс, без принятия ею на себя определенной доли ответственности за правительственный курс.

Летом 1976 г. началось проведение политики «национальной солидарности». Год спустя между ХДП и

Э. Берлингуэр (справа) и А. Моро (слева) на встрече ХДП и ИКП в период «национальной солидарности». Май 1977 г.

партиями, вошедшими в «коалицию воздержавшихся», было заключено соглашение программного характера. Они обязались сотрудничать в борьбе против терроризма и в осуществлении реформ, направленных на стабилизацию экономического положения, смягчение молодежной безработицы, реорганизацию системы университетского образования, демократизацию армии, полиции, секретных служб и т. д. В марте 1978 г. был сделан следующий шаг: сотрудничавшие с ХДП партии перешли к участию в парламентском большинстве, поддерживающем правительство, но без вхождения в него.

16 марта 1978 г. — в день, когда в парламенте должен был обсуждаться вопрос о доверии правительству, опирающемуся на новое большинство, ультралевые террористы из так называемых «Красных бригад» похитили председателя ХДП А. Моро, а спустя несколько недель злодейски убили его. В своей партии Моро был одним из самых убежденных и лояльных сторонников сотрудничества с ИКП. Расправа с ним имела целью устрасить ХДП и заставить ее отказаться от этого сотрудничества. Однако террористам не удалось ни сорвать его, ни заставить правительство пойти на какие-либо сделки с экстремистскими организациями. Летом 1978 г. партии «национальной солидарности» совместно добились досрочной отставки президента республики Джованни Леоне, запятнавшего себя связями с американской компанией «Локхид», которая широко практиковала подкуп итальянских политических деятелей. Своим общим кандидатом в президенты эти партии выдвинули имевшего боевое антифашистское прошлое социалиста **Алессандро Пертини** (1896—1990). При фашизме он подвергался постоянным преследованиям, за ним числилось шесть приговоров и два побега. За семь лет пребывания на посту президента Пертини снискал большую популярность в стране.

В порядке осуществления совместной программы 1977 г. был принят специальный закон о трудоустройстве молодежи, расшире-

Алессандро Пертини

ны демократические права военнослужащих, проведены антикризисные меры, позволившие к концу 1978 г. улучшить экономическое положение, в частности снизить темпы роста инфляции. Но более значительных результатов политика «национальной солидарности» не дала. Реализация совместной программы в наиболее существенных пунктах (реформа секретных служб, университетская реформа) даже не была начата: этому всячески противились консервативные силы внутри ХДП. Да и новые законы часто сводились на нет аппаратом чиновников, сложившимся за три десятилетия полновластного господства ХДП, или же сами по себе не удовлетворяли те слои населения, чьи интересы затрагивали. ХДП чем дальше, тем больше стремилась извлечь из политического сотрудничества с коммунистами пользу лишь для себя, а на ИКП переложить моральные убытки от замораживания уровня зарплаты и других антикризисных мер, вызывавших недовольство трудящихся. ИКП, в свою очередь, не заняла внутри коалиции «национальной солидарности» твердой и самостоятельной позиции, в сущности, отказавшись от какой-либо критики ХДП. Коммунисты повели себя примерно так же, как социалисты в период левоцентризма, — и последствия оказались аналогичными.

В начале 1979 г. правительство без консультации с ИКП приняло важные политические решения (о вступлении Италии в европейскую валютную систему, о кандидатурах руководителей государственных компаний и т. д.). Это побудило ИКП отказаться от сотрудничества с правительством и вернуться в оппозицию. XV съезд ИКП, состоявшийся в марте 1979 г., высказался за то, чтобы впредь партия не поддерживала таких правительств, куда не входят ее представители, т. е. чтобы она либо добивалась участия в правительстве, либо оставалась в оппозиции.

Изменения в расстановке сил политических партий

Опыт периода «национальной солидарности» оказался для ИКП по преимуществу негативным. Сотрудничество с правительством способствовало известному ослаблению ее позиций в массах. Осложнились отношения ИКП с профсоюзами, поскольку во имя проведения антикризисных мер она в 1976—1978 гг. сдерживала забастовочное движение. Коммунисты стали утрачивать свое влияние на молодежь, особенно студен-

ческую. В университетах активно действовали левозэкстремистские группы, которые направили начавшуюся в 1977 г. новую волну студенческих выступлений в русло слепого анархического бунта, хулиганских погромных акций, враждебности всем политическим партиям, включая ИКП. Поддержавшая ее на выборах 1976 г. часть наиболее обездоленных слоев населения была разочарована в надеждах на быстрые и радикальные перемены к лучшему. Все это отразилось на результатах новых парламентских выборов, проходивших опять-таки досрочно, 3 июня 1979 г.: впервые за послевоенный период коммунисты не продвинулись вперед, а отступили, собрав 30,4% голосов, т. е. потеряв 4% по сравнению с 1976 г.

Но ХДП тоже понесла на выборах потери, хотя и незначительные (38,3% голосов вместо 38,8% в 1976 г.). Выборы отразили новую для Италии тенденцию к общему снижению политической активности населения. 10% избирателей (больше, чем когда-либо раньше) не приняли участия в голосовании или проголосовали недействительными бюллетенями.

Из существовавших в Италии партий на выборах укрепили свои позиции три: небольшая по численности Радикальная партия, которая выступала как ультралевая и отвоевала часть избирателей ИКП (3,4% голосов против 1,1% на выборах 1976 г.), ИСДП (3,8% — на 0,4% больше, чем в 1976 г.) и ИСП (9,8% вместо 9,6% в 1976 г.). Наиболее важным в этом ряду фактом было пока незначительное, но в дальнейшем продолжившееся усиление социалистической партии.

В итальянской партийно-политической системе, где к 70-м годам доминировали две партии (ХДП и ИКП), ИСП стояла на третьем месте, но с большим отрывом от них, как наиболее крупная среди малых партий. После выборов 1976 г. ее возглавил новый лидер — Беттино Кракси (1934—2000), который взял курс на то, чтобы превратить ИСП в одну из ведущих партий, способную заменить ХДП в руководстве правительственной коалицией. По его инициативе ИСП, долгое время не имевшая программного документа, в 1978 г. приняла программу под названием «Социалистический проект», выдержанную в духе идей западноевропейской социал-демократии. В ней целью ИСП признавался социализм, понимаемый как общество со смешанной экономикой, не носящей (в отличие от капитализма) чисто рыночного характера, но и не исключающей частнособственнических отношений, и с такой политической системой, где най-

дут полную реализацию и дальнейшее развитие либерально-демократические принципы в сочетании с новыми формами прямой массовой демократии. Переход к такому обществу мыслился как давно уже начавшийся и происходящий постепенно, в порядке реформ. Однако на деле речь шла о деятельности внутри и на почве существующего общества, в рамках которого ИСП стремилась стать партией, превосходящей ХДП динамизмом, способностью идти в ногу с прогрессом на начавшемся в 70-е годы новом этапе модернизации экономики и управлять страной в этих условиях.

Сделав заявку на роль альтернативной по отношению к ХДП силы, ИСП могла отвоевать себе необходимое для этого политическое пространство лишь за счет второй крупнейшей партии страны — ИКП. Новое руководство социалистов стало активно действовать в этом направлении. Участвуя совместно с ИКП в блоке «национальной солидарности», ИСП постоянно выдвигала в ее адрес безосновательные упреки в том, что она под флагом «исторического компромисса» стремится договориться с ХДП о дележе власти в ущерб всем остальным партиям. В 1978 г. в статье Кракси «Социалистическое евангелие» ИКП было предъявлено требование отказаться от идей Маркса, Ленина, Грамши, которые рассматривались как выражение «якобинской» традиции в социалистической мысли и обоснование социализма казарменного, тоталитарного образца. Кракси и его единомышленники давали понять, что лишь при этом условии ИСП может пойти на политическое сближение с ИКП.

Итальянская коммунистическая партия, подвергнув критическому анализу свою деятельность в период «национальной солидарности», пришла к выводу, что на данном этапе сотрудничество с ХДП в рамках подобной широкой коалиции невозможно. Вместо формулы «исторического компромисса», которая на практике оказалась синонимом такого сотрудничества, хотя по изначальному замыслу не должна была исчерпываться им, ИКП в 1980 г. выдвинула лозунг «демократической альтернативы». Он предполагал создание коалиции левых партий, которая будет добиваться правительственной власти не вместе с ХДП, а в противовес ей. Но ввиду антикоммунистической позиции ИСП реальных условий для этого не было, и предложенная коммунистами «демократическая альтернатива» осталась лозунгом по преимуществу пропагандистского характера.

Глава 10

НАВСТРЕЧУ ТРЕТЬЕМУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ

Экономические, социальные и социально-психологические сдвиги в Италии 70—80-х годов

В 70—80-е годы в Италии начался переход от индустриального общества к постиндустриальному. В широких масштабах происходило обновление технической базы и технологии промышленного производства: внедрялись компьютерные системы управления, робототехника, оборудование с использованием микроэлектроники и т. д., причем в авангард технического прогресса выдвигались мелкие предприятия, наиболее гибкие в освоении новшеств. Этот процесс охватил в особенности Центр и Северо-Восток, ранее не являвшиеся промышленно развитыми областями Италии. Здесь во множестве возникали так называемые «индустриальные округа» с целыми «созвездиями» небольших предприятий, связанных между собой отношениями кооперации и производивших высококачественную, конкурентоспособную на внешних рынках продукцию. Крупные же и крупнейшие предприятия с поточно-конвейерной организацией производства на новом витке модернизации уже не соответствовали требованиям времени и постепенно утрачивали лидирующую роль. Из старых индустриальных районов (Северо-Запад с треугольником Милан—Турин—Генуя) предприятия подобного типа стали в 70-е годы перемещаться на Юг, где строительство новых заводов (например, «ФИАТ» и «Альфа Ромео») поощрялось государством как способ хотя бы частично ликвидировать безработицу, которая на Юге намного превышала общенациональный уровень.

Происходили существенные изменения в социальной структуре общества. Все большее число занятых приходилось на долю быстро растущей сферы услуг: в 1986 г. она достигла 56,7% против 10,7% в сельском хозяйстве и 32,4% в промышленности, тогда как в 1960 г. занятое население распределя-

лось между этими тремя секторами экономики почти поровну. В составе наемных работников промышленного сектора снижался удельный вес рабочих и возрастала доля служащих (с 19,9 до 24,03% за 1972—1980 гг.), в совокупности же по всем сферам народного хозяйства она увеличилась еще больше (25% — в 1970 г., 34% — в начале 80-х годов).

Общее состояние занятости (прежде всего, в промышленности) в решающей мере определялось сокращением численности фабрично-заводских рабочих массовых профессий, превосходившим возможности трудоустройства на малых предприятиях «индустриальных округов» или на заводах, открываемых на Юге. Поэтому безработица продолжала расти и тогда, когда итальянская экономика вышла из кризиса 1974—1975 гг., который сначала казался главной причиной обострения проблемы занятости. Во второй половине 80-х годов число безработных достигло 11—12% всех трудовых ресурсов Италии. В то же время многие из тех, кто официально считался безработным, находили себе применение в сфере подпольной, «черной» экономики (наиболее распространенной на Юге), где предприниматели действовали в обход существующей системы коллективных трудовых договоров с профсоюзами и социального законодательства.

Несмотря на значительные изменения, происшедшие к концу 80-х годов в облике Юга (строительство новых промышленных предприятий, модернизация сельскохозяйственного производства при одновременном сокращении доли занятого в нем населения, развитие дорожной сети, успехи в распространении массового школьного обучения и т. д.), его отрыв от Севера остался непреодоленным. В начале этого десятилетия доля Севера в создании внутреннего валового продукта по отношению к численности населения была на 16% выше, а на Юге — на 30% ниже общенационального уровня; к середине 90-х годов доля обоих регионов сама по себе выросла, но по отношению к численности населения Север и Центр превысили средний по стране показатель на 20%, Юг же отстал от него на 35%. Экономический рост южных областей по-прежнему был результатом не самостоятельного развития, а воздействия правительственных мер, финансируемых через Кассу Юга¹.

¹ В 1986 г. Касса Юга была упразднена, а система государственной поддержки Юга реорганизована в сторону усиления в ней роли местных органов власти, однако продолжала существовать.

В условиях, когда крупное фабрично-заводское производство переставало быть стержнем итальянской промышленности, в сознании связанной с ним части трудящихся происходили глубокие, подчас весьма болезненные изменения. Утрачивалась вера в силу организации, коллективного действия, что наглядно подтверждалось снижением численности профсоюзов. Три итальянских профцентра, образовавшие в 1972 г. федерацию с общим руководством, в 1977 г. объединяли в совокупности около 7162 тыс. членов, а в 1982 г. — около 6877 тыс. Доля охваченного профсоюзами самостоятельного населения сократилась за это время с 49,2 до 46,47%.

Там, где утвердился новейший тип высокоорганизованных малых предприятий, социальные перегородки были менее жесткими, чем в сфере господства прежних индустриальных отношений. Но это не означало, что у рабочих здесь исчезло понимание собственных интересов и готовность отстаивать их перед предпринимателями. Возникавшие стачки отличались подчас большей продолжительностью, чем в традиционных промышленных районах, а уровень профессиональной организованности работающих по найму к началу 90-х годов был выше среднего по стране.

На почве структурно-технологических сдвигов в итальянском обществе, происходивших в 70—80-е годы, обострилось внимание к общечеловеческим проблемам «качества жизни», в первую очередь экологическим. Экологическое движение стало оформляться организационно, выступило инициатором таких начинаний, как референдумы по вопросу об отношении к атомным электростанциям, альтернативные планы развития энергетики, борьба за сохранение исторических центров городов, за прекращение вредных производств и т. д. Наиболее крупная среди ассоциаций экологистов Лига защиты окружающей среды, основанная в 1980 г., к концу десятилетия действовала по всей стране, насчитывая 600 местных отделений и около 50 тыс. членов. Политически экологи были представлены организациями «зеленых», которые в 1987 г. смогли провести своих депутатов в парламент.

По определенным направлениям экологи взаимодействовали с новыми пацифистскими, женскими, молодежными движениями. Все эти непартийные по характеру общественные движения сближало то, что они улавливали и выражали потребности, не находившие адекватного отклика со стороны традиционных политических партий и массовых организа-

ций. Растущая поддержка таких движений была связана не только с содержанием их требований, но и с тем, что в массовом сознании менялось отношение к партиям и ассоциировавшимся с ними формам участия в политике.

Социологические опросы констатировали нараставшее недоверие ко всем действовавшим в стране партиям и парламентской системе. В 1982 г. лишь 10% опрошиваемых видели в партиях и парламенте институты, «в наибольшей степени способствовавшие благоу страны»¹. Все шире распространялось нежелание участвовать в парламентских выборах. Число не голосовавших или подавших недействительные бюллетени увеличилось с 10% в 1979 г. до 15% в 1983 г.

Интеллектуальная атмосфера

Изменения в обществе затрагивали и сферу культуры, находя причудливое, подчас болезненное выражение в настроениях интеллигенции, в ее мировоззренческих позициях, в том, какие тенденции возобладали в художественном творчестве.

Постепенно менялся состав учащейся молодежи — «резервуара», откуда пополнялись кадры интеллигенции. Школа при всей ограниченности левоцентристской реформы 1962 г. стала более доступной для «низших классов», начала превращаться в массовую. Далеко не все учителя одобрили это новшество, особенно принцип одинакового образования для всех детей до 14 лет. Мотивы такого неприятия достаточно откровенно выражены в материалах одного из социологических опросов — это ссылки и на врожденное неравенство людей («Школа не может быть равной, если природа создала нас неравными»), и на то, что ребенок, познавший вкус учения, вряд ли захочет потом заниматься физическим трудом: «...таким образом не воспитываются будущие рабочие, а не все рождены для того, чтобы стать “доттори”², иначе не будет водопроводчиков или столяров»³. Отношение в учительской среде к школьной реформе (касавшейся, напомним, только базо-

¹ Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция социально-политического сознания трудящихся в 1945—1985 гг. М., 1989. С. 192.

² *Dottore*, или *laureato* — человек, имеющий диплом об окончании университета.

³ Цит. по кн.: Кувалдин В. Б. Интеллигенция в современной Италии. М., 1973. С. 219—220.

вого, т. е. неполного среднего образования) было особенно неблагоприятным сразу после ее проведения, но даже и спустя несколько лет ее оценивало положительно не более одной трети учителей¹.

Идея демократизации школы пробивала себе путь с трудом, наталкиваясь на устойчивые предрассудки тех, кто стремился сохранить элитарный характер образования и не хотел видеть в школе учеников «с улицы».

Полное среднее образование было платным, и только один его тип (лицей, т. е. старшие классы школы) открывал путь в университет; окончание техникума или педагогического училища такого права не давало. В университет поступали без вступительных экзаменов (их начнут вводить на некоторых факультетах лишь на пороге ХХI в. в связи с сокращением бюджетных ассигнований и вызванной этим необходимостью ограничить приток абитуриентов). Среди студентов по-прежнему преобладали выходцы из семей с достатком, позволяющим выдержать расходы на обучение.

Студенческое «поколение 1968 года» после спада движения пошло разными путями. Часть бывших бунтарей, окончив университет, нашли себе применение в качестве учителей, работников издательств и т. д. Не все из них стали конформистами. По относящемуся к 1971 г. свидетельству участницы движения, поступившей на службу в областное управление народного образования, при ней остались вынесенные из опыта студенческих битв «моральная твердость, неприятие денег в качестве универсального критерия оценки, достоинство, позволяющее делать только то, в чем ты убежден... Поскольку я не смогла сделать абсолютный выбор в виде полного неприятия системы, я сделала выбор относительный. Я работаю не на бизнес, а на общество и бракую те планы застройки, которые не оставляют достаточно простора для школ и детских садов»².

А вот иная психологическая ситуация, зафиксированная известнейшим современным итальянским писателем **Умберто Эко**. Герой его романа «Маятник Фуко» в конце 60-х годов учился в университете и общался с активными участниками студенческого движения, хотя сам не был в их числе. Вернувшись в Италию после нескольких лет, проведенных в Латин-

¹ Цит. по кн.: *Кувалдин В. Б.* Интеллигенция в современной Италии. С. 218.

² Там же. С. 214.

ской Америке, он встречается кое-кого из прежних знакомых и видит перед собой совсем других людей: они не только постарели внешне — в них не осталось и следа от прежнего максимализма. Кто-то служит в рекламном агентстве, кто-то — консультантом по налогообложению, кто-то занимается продажей книг в рассрочку (раньше он распространял написанное Че Геварой, а сейчас — литературу о лекарственных травах, буддизме, астрологии). «Что же ты к нам не заходишь?» — спрашивает один из них и на встречный вопрос: «А вы — это теперь кто?» отвечает, удивляясь неосведомленности собеседника: «Ну как же, управление по делам культуры»¹.

Но самым прискорбным было то, что после бурного всплеска студенческой активности, не приведшего к ощутимым результатам, итальянские университеты стали питательной средой для терроризма, захлестнувшего страну в 70-е годы. Пресловутые «Красные бригады» зародились на социологическом факультете университета в г. Тренто. Этот факультет был основан в 1964 г., и поначалу с ним связывались большие надежды на обновление всего университета, что привлекло в Тренто множество студентов из других городов. Там учились будущие вожаки «Красных бригад» — Ренато Курчо и его жена Мара Кагол (она впоследствии погибнет в перестрелке с полицией, а Курчо предстанет перед судом). Людей подобного склада уже не волновали собственно университетские проблемы, которые явились «пусковым механизмом» студенческого протеста конца 60-х годов. Они стремились подорвать и разрушить всю существующую систему политических институтов и социальных отношений и взяли курс на подготовку к «длительной гражданской войне» — как было сказано в программе, выработанной семинаром с участием около 100 студентов из Тренто, Милана, Рима, Турина (1969).

Такие настроения части студенчества в немалой степени питались ощущением бесперспективности собственного будущего в условиях массовой интеллектуальной безработицы: из 700 тыс. окончивших в 1972—1977 гг. итальянские университеты нашли работу немногим более 400 тыс. Когда в 1977 г. снова начались массовые студенческие выступления, их лозунги, по сравнению с лозунгами 60-х годов, имели уже совершенно иную идейно-эмоциональную окраску («У нас нет

¹ *Eco U. Il pendolo di Foucault. Milano. 1988. P. 178.*

прошлого, у нас нет будущего, история убивает нас», «Заберемен себе все», «Станем хулиганами», «Инфантильность — это прекрасно» и т. п.).

К терроризму оказались причастны и некоторые представители университетской профессуры. Профессор Генуэзского университета Энрико Фенци, специалист в области средневековой итальянской литературы, славился среди студентов либерализмом на экзаменах (никого не проваливал!) — и вдруг весной 1979 г. был арестован, так как у полиции появились сведения о его принадлежности к «Красным бригадам». До суда он находился в одной камере с Р. Курчо; был оправдан за недостаточностью улик, а в дальнейшем отошел от террористов. В отличие от Фенци, чья роль вдохновителя терроризма осуществлялась закулисно, профессор Антонио Негри (Падуа) свои ультралевые идеи, взятые на вооружение террористами из группы «Рабочая автономия», излагал публично в печатных работах. Весной 1979 г. последовал арест Негри, заподозренного в связях не только с «Рабочей автономией», но и с «Красными бригадами» (в частности, именно он пытался воздействовать на семью похищенного А. Моро, чтобы через нее предъявить ХДП ультиматум террористов). Однако часть итальянской интеллигенции вступилась за Негри и других арестованных «автономистских» лидеров. В печати появилось обращение за подписями 40 видных деятелей культуры (в их числе были писатели А. Моравиа и У. Эко, кинорежиссер Б. Бертолуччи, состоявшие в ИКП философ Ч. Лупорини и публицист М. Тронти), где утверждалось, что речь идет о преследовании интеллигентов, повинных лишь в том, что они пишут книги.

Падуа была одним из идеологических центров не только «красного», но и «черного» терроризма. Здесь преподавал в университете румынский язык так называемый «черный профессор» Клаудио Мутти — поклонник и пропагандист расистских идей Корнелиуса Кодряну, организовавшего в 30-е годы в Румынии «железную гвардию» (движение фашистского типа). Здесь же обосновался как книгоиздатель один из лидеров итальянских неофашистов Франко Фреда.

В 1972 г. при загадочных обстоятельствах погиб Джанджакомо Фельтринелли — основатель научного института с библиотекой и архивом, а также издательства в Милане. Он был промышленным магнатом и на свои средства создал весь этот комплекс, получивший международную известность как

центр исследований по истории рабочего и социалистического движения. В политическом отношении Фельтринелли придерживался левой (членство в ИКП с периода Сопротивления до 1956 г.), а позднее ультралевой ориентации. Его смерть выглядела как результат неудавшегося диверсионного акта на высоковольтной линии электропередачи — но действительно ли он сам собирался подорвать мачту, около которой нашли его тело и остатки взрывного устройства, или стал жертвой закамуфлированного таким образом убийства, осталось неизвестным.

Итальянское общество жило в постоянном психологическом напряжении. Непрерывной чередой следовали похищения, покушения, убийства. В 1981 г. на площади Св. Петра в Риме турецкий террорист поднял руку даже на папу Иоанна Павла II (годы понтификата 1978—2005). Листовки, «стратегические резолюции» и прочие подпольные издания террористов грозили все новыми кровавыми акциями. В 1979 г. около тысячи террористов находились в тюрьмах, но некоторые их лидеры, чьи имена были известны, оставались на свободе. В СМИ обсуждались выявленные в ходе судебных процессов данные о причастности спецслужб и военных высокого ранга к подготовившимся в 1964 и 1970 гг. попыткам государственного переворота. Было раскрыто существование тайного центра власти под сенью масонской ложи П-2. В связях с ней или с мафиозными кругами подозревали видных политиков. Появлялись книги в жанре журналистских расследований или слегка приправленной художественным вымыслом публицистики, в которых рисовалось запутанное переплетение самых различных заговорщических планов и начинаний.

В подобной атмосфере исчезала уверенность в чем-либо, утрачивались четкие ценностные ориентиры, среди интеллигенции (и шире — в обществе) распространялись представления о призрачности прогресса, насмешливый скепсис, увлечение мистикой, оккультными науками и т. д. (вспомним, на какие читательские вкусы ориентируется книгопродавец из бывших студентов-бунтарей, изображенный У. Эко). Строились всякого рода апокалиптические прогнозы ввиду приближения нового века и нового тысячелетия. Таким мироощущением проникнуто возобладавшее в художественной культуре Италии (как и ряда других стран) направление, которое называют *постмодернизмом*. Характернейший его представитель — именно У. Эко как писатель (одновременно он яв-

ляется автором философских работ, специалистом в области семиотики и в этом качестве — профессором Болонского университета).

В 60-е годы Эко участвовал в неоавангардистском движении «Группа 63», но в литературе утвердился после публикации романа «Имя розы» (1980), за которым последовали «Маятник Фуко» (1988), «Остров накануне» (1995) и «Баудолино» (2000). Романы Эко приобрели международную известность, переведены на многие языки и, в частности, доступны в прекрасном русском переводе. Первый из них, удостоенный престижной в Италии литературной премии, — это мастерски сделанная стилизация под средневековую хронику, где в повествование вплетается чисто детективный сюжет. Притом постоянно чувствуется, что автор глядит из XX века — пародирует ли он происхождения Шерлока Холмса (один из героев, просвещенный бенедиктинский монах, носит имя Вильгельм Баскервильский и использует дедуктивный метод) или описывает суд над еретиками так, что это вызывает ассоциации с политическими процессами в условиях тоталитаризма. Но особенно примечателен как знамение времени роман «Маятник Фуко».

Структура этого романа очень сложна — действие развевается по многим сюжетным линиям в разных временных пластах и географических ареалах. Все объединяется событиями, которые происходят с тремя главными героями: Касобоном, Бельбо и Диоталлеви. Они знакомятся, когда Касобон еще учится в университете (пишет дипломную работу о рыцарях-тамплиерах), а потом вместе работают в одном миланском издательстве. Три друга сначала в шутку затевают интеллектуальную игру — повсюду в прошлом отыскивают следы присутствия тамплиеров и тайного ордена розенкрейцеров, которым будто бы принадлежал некий План установления господства над вселенной. Поддавшись искушению заново переписать в этом ключе всемирную историю, они постепенно погружаются в мир потаенного, «герметического» знания, оккультизма, мистических обрядов и перевоплощений, перестают чувствовать грань между фантазией и реальностью и в конце концов обнаруживают, что секретом Плана (ими же самими придуманного!) стремятся овладеть действительно существующие дьявольские, потусторонние силы... Оказавшись во власти этих сил, все трое в финале романа погибают.

События, которыми заканчивается роман, отнесены к 1984 г. — а это едва ли не апогей развернувшегося в Италии в первой половине 80-х годов массированного натиска на умы и души всякого рода иррационализма: по телевидению (не только частному, но и государственному) выступают маги и астрологи, им создает рекламу пресса, объявляется об открытии в Риме специального учебного заведения с отделениями гадания на картах, хиромантии и оккультных наук. Подобные тенденции авторитетный итальянский социолог считал порождением таких постиндустриальных обществ, где очень высок уровень материального благосостояния, но утрачено многое из духовных ценностей.

Неоконсерватизм.

Пятипартийная коалиция у власти

К началу 80-х годов в Италии, как и в ряде других стран Запада, произошел переход к неоконсервативному политическому курсу. Либерально-реформистская стратегия (т. е. социальное маневрирование при активной роли государства) не дала здесь желаемого результата ни в период левоцентризма 60-х годов, ни в 1976—1979 гг., когда ХДП оказалась вынужденной искать политического сотрудничества с коммунистами. С другой стороны, весь опыт послевоенного политического развития Италии исключал возможность поворота вправо с опорой на неофашистские силы. Неоконсерватизм же был политикой, в максимальной степени «состыкованной» с процессами, развернувшимися в итальянском обществе в условиях научно-технической революции (переход к принципиально новым технологиям, глубокие сдвиги в социальной структуре, кризис традиционных форм массовой организации, переоценка ценностей в общественном сознании). Неоконсерваторы требовали вернуть предпринимателям полноту власти на производстве, обуздать профсоюзы, покончить с практикой коллективных трудовых соглашений, ослабить государственное вмешательство в экономику, сократить расходы государства на социальные нужды. Такую программу уже с конца 70-х годов выдвигала Конфедерация итальянских промышленников. Но в Италии не было какой-либо одной партии, которая, подобно республиканцам в США или консерваторам в Англии, стала бы специфическим выразителем этой программы на политическом уровне. ХДП не подходила для

этой роли не только потому, что внутри нее консервативные элементы никогда не господствовали безраздельно, но и в силу их слишком тесной связи с архаичными, косно настроенными слоями буржуазии. Республиканская и Либеральная партии, более близкие к неоконсервативной ориентации, были немногочисленны и не имели значительного влияния на избирателей. Реализацию неоконсервативной политики взяла на себя созданная в 1980 г. коалиция с участием пяти партий — ХДП, либералов, республиканцев, ИСДП и ИСП.

Итальянская социалистическая партия вошла в правительство после семилетнего перерыва. Именно она, традиционно считавшаяся левой, стала в составе пятипартийной коалиции наиболее последовательным проводником неоконсервативной политики. Отвергнув совместные с коммунистами действия во имя левой альтернативы политическому курсу ХДП, ИСП стремилась утвердить свою альтернативность по отношению к ней в борьбе за ведущую роль *внутри* неоконсервативного правительственного блока.

Пятипартийная коалиция пришла к власти в условиях нового экономического кризиса, охватившего Италию в 1980—1983 гг., и начала проводить антикризисные меры в духе требований неоконсервативных предпринимательских кругов. Почувствовав поддержку правительства и пользуясь ослаблением профсоюзного движения, предприниматели усилили натиск на социальные завоевания трудящихся и права профсоюзов. Они стали осуществлять массовые увольнения, разрывать коллективные трудовые соглашения и затягивать заключение новых. Однако всеобщая забастовка 1983 г. с участием 14,5 млн человек вынудила предпринимателей возобновить ряд отраслевых коллективных договоров.

Парламентские выборы, состоявшиеся в 1983 г., показали, что для ХДП поворот к неоконсервативной политике повлек за собой потерю части ее избирателей: по сравнению с 1979 г. она недосчиталась свыше 5% голосов. От нее отвернулись, в частности, средние слои Юга, державшиеся «на плаву» в значительной мере искусственно, за счет различных государственных ассигнований, и боявшиеся лишиться их при объявленном ХДП курсе на жесткую экономию. Но продолжала терять голоса и ИКП, не сумевшая выработать линию эффективного противодействия неоконсерватизму (29,9% против 30,4% в 1979 г.).

В совокупности партии правительственной коалиции сохранили за собой почти столько же голосов, что и раньше, но прежде всего за счет продвижения вперед ИСП (с 9,8% в 1979 г. до 11,4%). ХДП оказалась вынужденной уступить ей пост премьер-министра: с 1983 по 1987 г. этот пост занимал лидер ИСП Кракси. В ходе специального опроса, проведенного среди президентов и управляющих крупнейших фирм, 85% из них положительно оценили деятельность Кракси во главе правительства. В 1984 г. социалистический премьер провел ограничение действия подвижной шкалы заработной платы, отвечавшее требованиям предпринимателей. Это было сделано в срочном порядке, с помощью правительственного декрета, который лишь потом был одобрен парламентом и получил силу закона.

Вопрос о подвижной шкале стал предметом острых разногласий в профсоюзном движении. Правительственным партиям удалось склонить к поддержке декрета Кракси находившиеся в русле их влияния профсоюзы ИКПТ и ИСТ. Против декрета выступало большинство ВИКТ, руководимое коммунистами. В результате созданная в 1972 г. единая федерация профсоюзов раскололась и перестала существовать. В 1985 г. по инициативе ИКП был проведен референдум по поводу пересмотра подвижной шкалы, но большинство голосов (54,3%) было отдано за то, чтобы введенные ограничения остались в силе.

При правительстве Кракси была начата распродажа предприятий государственного сектора. Сокращались бюджетные расходы на социальные нужды, готовилась приватизация школы, пенсионного дела, государственной системы медицинского обслуживания, рассчитанной на малоимущие слои населения.

Пятипартийная коалиция не опиралась на какую-либо общую программу и за время своего существования не раз оказывалась под угрозой разрыва из-за разногласий между ее участниками, прежде всего ХДП и ИСП. Основой этих разногласий было в конечном счете то, что ИСП выступала за более «чистый» вариант неоконсерватизма, тогда как ХДП действовала с постоянной оглядкой на противившиеся его осуществлению экономически нежизнеспособные фракции буржуазии и средних слоев. Неоконсервативный курс пятипартийной коалиции складывался как равнодействующая этих противоречивых тенденций и не мог быть вполне последовательным.

С другой стороны, в Италии даже при неблагоприятных для левых сил изменениях общественно-политической ситуации неоконсерватизм гораздо больше, нежели в других странах, был ограничен в своих возможностях существованием мощного противовеса слева.

Кризис партийно-политической системы республики

В Италии 80-е годы были отмечены нарастанием политической нестабильности. За 1979—1988 гг. произошло свыше десятка правительственных кризисов, хотя иногда они завершались возвращением к власти кабинета в прежнем составе. На протяжении уже двух десятилетий все парламентские выборы (1972, 1976, 1979, 1983, 1987) проходили досрочно. С разных сторон все более настойчиво выдвигалось требование реформы политических институтов, внесения тех или иных изменений в конституцию. Правые силы вкладывали в это требование идею «порядка», сильной авторитарной власти. От ИСП исходили проекты приближения политического устройства Италии к типу президентской республики, предполагавшие избрание главы государства не парламентом с участием представителей областей, а прямым голосованием населения. Пропорциональная система представительства в парламенте стала вызывать в обществе раздражение как источник постоянных правительственных кризисов. Обсуждалась возможность поправок к ней, устанавливающих минимальную квоту голосов, которую необходимо набрать для участия в распределении депутатских мандатов¹. Подвергался критике и действовавший при пропорциональной системе принцип голосования по партийным спискам: в нем усматривалось орудие диктата партийных лидеров над волей избирателей. Политическим партиям предъявлялись обвинения в том, что они вообще стали играть непомерно большую роль, узурпировали право на управление страной и решают все важнейшие вопросы государственной жизни в порядке верхушечных соглашений между собой.

¹ Мелкие партии, собиравшие незначительный процент голосов, тем не менее влияли на общий расклад политических сил в таких ситуациях, когда устойчивость кабинета зависела от их парламентской поддержки. Это позволяло им вступать в сделки с правящим блоком, не останавливаясь перед нарушением своих предвыборных обязательств.

Применительно к сложившейся в Италии партийной системе с ее двумя полюсами (ХДП и ИКП) вошел в оборот термин «несовершенная двухпартийность» — несовершенная в том смысле, что здесь не действовал характерный для двухпартийной системы механизм чередования ведущих партий у власти. В условиях «холодной войны» он был как бы заклинен: правительственной партией неизменно оставалась ХДП как оплот «западной цивилизации» и антикоммунизма, тогда как для ИКП даже доступ в правительство в составе коалиции «национальной солидарности» оказался невозможен из-за противодействия США.

Роль второй по значению политической силы в стране ИКП завоевала всей своей предшествующей деятельностью. Однако с конца 70-х годов ее позиции начали слабеть: постепенно, но неуклонно уменьшалась численность партии и доля собранных ею голосов на парламентских выборах (1987 г. — 26,6% против 29,9% в 1983 г.). Становилось очевидным, что позиции ИКП по коренным проблемам итальянского общества в чем-то не были адекватны реальности.

Последствия структурно-технологических сдвигов в стране все больше осложняли для ИКП возможность наращивать свое влияние в тех общественных слоях, которые традиционно составляли ее массовую базу и вообще ориентировались на левую часть политического спектра. Идея «исторического компромисса», как показал опыт ее реализации в период «национальной солидарности», была нацелена на то, чтобы расширить это влияние в другом направлении — за счет умеренно настроенной части населения.

Но затруднения ИКП объяснялись не только менявшейся ситуацией внутри страны или собственными политическими просчетами партии. Ее престижу наносила ощутимый урон практика так называемого «реального социализма» в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которая дискредитировала в общественном мнении саму идею социализма, подрывала веру в его совместимость с демократическими ценностями. ИКП не скрывала своего критического отношения ни к советской модели «реального социализма», ни к таким одиозным внешнеполитическим акциям СССР, как насильственное пресечение демократического обновления в Чехословакии (1968) или введение войск в Афганистан (1979). Тем не менее политические противники постоянно предъявляли ей счет моральной ответственности за действия

компартий, стоявших у власти. С середины 70-х годов ИКП вместе с компартиями Франции и Испании выступала в поддержку идей «еврокоммунизма». Речь шла о перспективе социалистического переустройства в развитых капиталистических странах Западной Европы по пути, отличному от советского, и о том, что социализм неотделим от полного осуществления демократии. Все больше дистанцируясь таким образом от КПСС, итальянская компартия в начале 1982 г. фактически разорвала отношения с ней.

Изменилась позиция ИКП по вопросу о членстве Италии в НАТО. Уже в начале 70-х годов партия отказалась от своего прежнего требования выхода из НАТО и нейтралитета Италии, заявив, что это было бы односторонним нарушением сложившегося соотношения сил двух блоков и затруднило бы путь к их постепенной ликвидации.

Признав объективный характер процесса европейской интеграции, ИКП стала действовать в духе «европеизма». Она пришла к выводу, что социалистическое преобразование общества, предполагающее полное развитие демократии, плюрализма, гражданских свобод, может быть осуществлено не в национальных рамках, а в масштабе Европы и требует объединенных действий европейских левых сил. На этой основе партия начала развивать контакты и сотрудничество с социалистическими и социал-демократическими партиями ряда стран, обновлявшими свои программы в том же направлении. Формула «еврокоммунизм» вышла из употребления, уступив место самоидентификации ИКП (на XVII съезде в 1986 г.) как части «европейской левой» и «современной реформаторской партии». Все это, однако, мало влияло на ее политические взаимоотношения с итальянскими социалистами. ИСП по-прежнему видела в компартии соперника, и притом значительно более сильного, чем она сама.

В конце 1989 г. руководство ИКП предложило преобразовать ее в новую широкую партию левых сил, которая войдет в Социалистический интернационал. Предложение было выдвинуто в обстановке радикальных политических трансформаций в странах Восточной Европы, где скомпрометировавшие себя коммунистические партии утратили власть и перестали существовать на прежней основе и под старыми названиями.

Предложение руководства было поддержано примерно две трети членов ИКП, тогда как одна треть выступала за обнов-

ление партии при сохранении ею своего наследия и традиций. Процесс преобразования ИКП завершился в январе 1991 г. (ровно через 70 лет после ее основания) на последнем в ее истории XX съезде, где между двумя течениями произошел раскол. Представителями большинства этот съезд был продолжен уже как учредительный съезд Демократической партии левых сил (ДПЛС). Меньшинство образовало партию Коммунистического воссоздания (КВ).

Италия на исходе XX столетия

Лицо Италии менялось. Один за другим уходили из жизни политические деятели, чьи имена ассоциировались с борьбой против фашизма, Соппротивлением, закладкой фундамента республики: в 1964 г. — П. Тольятти, в 70—80-е годы — А. Моро, Л. Бассо, П. Ненни, Л. Лонго, Ф. Парри, Дж. Саратат. В 1984 г. вся Италия была потрясена внезапной смертью Э. Берлингуэра: завершая кампанию по выборам в Европейский парламент, он был сражен инсультом во время выступления на огромном предвыборном митинге. На смену этим людям, вдохновлявшимся — каждый по-своему — высокими целями, шли политики иного, сугубо прагматического склада.

В последнее десятилетие XX в. Италия вступила под знаком кризиса, затронувшего не только отдельные политические институты (парламент, партии), но самые основы ее государственного устройства, оформленного республиканской конституцией 1947 г. Стало распространяться утверждение о начавшемся переходе от Первой республики ко Второй.

В лице ИКП исчезла важная составная часть той системы политических партий, которая действовала в Италии на протяжении всего послефашистского периода. Но эта система стала рушиться и по другим направлениям. К началу 90-х годов роль ХДП как постоянного противовеса коммунистам оказалась исчерпанной — как потому, что ИКП в ее прежнем виде перестала существовать, так и в силу кардинальных изменений международной ситуации (распад СССР и конец «холодной войны»). В этих условиях ХДП лишилась защитного барьера, ограждавшего ее от расплаты за коррупцию, глубоко проникшую в государственный аппарат, злоупотребления должностных лиц, связи с преступным миром и другие последствия, по существу, монопольного распоряжения властью. Ее политическое господство зашаталось.

На протяжении 1991—1993 гг. в несколько приемов была осуществлена реформа избирательной системы, касавшаяся как парламентских, так и местных выборов. Пропорциональная система с голосованием по партийным спискам была сохранена лишь для избрания в парламент одной четверти членов палаты депутатов. Остальные депутаты и все сенаторы должны были избираться в одномандатных округах по мажоритарной системе.

Последние парламентские выборы по старой системе прошли в 1992 г. Расстановка сил оставалась в основном прежней: наиболее крупными партиями, боровшимися за голоса избирателей, были ХДП (29,7% голосов) и ДПЛС (16,1%). В сумме ДПЛС и КВ (5,6%) собрали почти на 5% голосов меньше, чем ИКП на выборах 1987 г. Этому способствовал сам факт раскола (часть бывших членов ИКП не вступила ни в ту, ни в другую из новых партий — по-видимому, нечто подобное произошло и с ее электоратом). Но сыграла свою роль и ожесточенная кампания политических противников, использовавших как повод для дискредитации экс-коммунистов документ П. Тольятти, обнаруженный в архиве Коминтерна, из которого явствовало, что в 1943 г. Тольятти отказался предпринять что-либо для облегчения участи итальянских военнопленных в СССР.

Тем временем под руководством миланского следователя Антонио Ди Пьетро началась так называемая операция «Чистые руки» — расследование, выявившее существование разветвленной системы коррупционных связей между политической элитой и крупным бизнесом. В результате было возбуждено свыше 3 тыс. уголовных дел, из подсудимых около 900 чел. привлекались к суду. Разоблачения затронули и ХДП, и союзные с ней партии — в первую очередь ИСП. Более двух десятков видных политиков и бизнесменов, которым грозил суд, покончили с собой. Лидер ИСП Кракси скрылся от судебного преследования в Тунисе, где и оставался до конца своей жизни (2000). Партии правительственного лагеря теряли почву под ногами, раскалывались на мелкие группы и исчезали с политической сцены.

Зато появились и стали набирать силу различные новообразования. Наиболее громко заявило о себе движение «Вперед, Италия!», созданное телемагнатом и владельцем футбольной команды «Милан» Сильвио Берлускони — деятелем ярко выраженного популистского типа, не скупившимся на разно-

образные обещания (1 млн новых рабочих мест, зарплата домохозяйкам и т. п.). Основу этого движения составили клубы футбольных фанатов, и само его название — по-итальянски «*Forza Italia!*» — звучит как вопль болельщиков на стадионе (*forza* — это что-то вроде «Давай!»). Несколько раньше стало оформляться движение, возглавляемое **Умберто Босси** и получившее название Лига Севера. Оно поднялось на волне наблюдавшихся в Ломбардии и других областях Северной Италии проявлений местнического традиционализма, враждебного отношения к южанам и иммигрантам из стран третьего мира, стремления отгородить богатый и преуспевающий Север от «паразитирующего» за его счет Юга. Лига выступала за разделение Италии на три самостоятельные части — «Паданию» (Север), «Этрурию» (Центр) и Юг с островами. В обновленном виде выступила партия, с конца 40-х годов представлявшая в Италии правых неонацистского толка: Итальянское социальное движение — Национальные правые силы. Под руководством нового лидера **Джанфранко Фини** она коренным образом реорганизовалась, взяла курс на отказ от преемственной связи с неонацизмом и постаралась придать себе респектабельный облик правой, но вполне конституционной партии под названием Национальный Альянс.

Все это существенным образом сказалось на результатах досрочных парламентских выборов, состоявшихся 27 марта 1994 г., где был впервые опробован механизм новой избирательной системы. Победителем оказался блок в составе движения «Вперед, Италия!» С. Берлускони, Лиги Севера У. Босси и Национального Альянса Дж. Фини. На выборах в формируемую по мажоритарному принципу часть нижней палаты за кандидатов от блока было подано почти 43% голосов, а в общей сложности им досталось 58% депутатских мест. Мелкие традиционные партии (республиканцы, либералы, социал-демократы) в парламент вообще не прошли, два «осколка» бывшей ХДП собрали при голосовании по партийным спискам (т. е. в «пропорциональную» часть палаты) соответственно 11,1 и 4,7% голосов. Позиции левых по сравнению с предыдущими выборами улучшились (ДПЛС — 20,4%, КВ — 6% голосов за партийные списки). Но главным итогом выборов было то, что впервые за время существования республики к власти пришла коалиция правых сил. Премьер-министром стал С. Берлускони.

Однако кабинет Берлускони оказался недолговечным. Никакие предвыборные обещания выполнены не были, попытка приступить к реформе пенсионной системы вызвала массовые протесты вплоть до всеобщей забастовки, а затем развалилась и сама правительственная коалиция — от участия в ней отказалась Лига Севера. В декабре 1994 г. правительство Берлускони ушло в отставку. Ламберто Дини, занимавший в нем пост министра иностранных дел, возглавил новое «техническое» правительство, составленное из беспартийных специалистов и остававшееся у власти до следующих, тоже досрочных выборов (23 апреля 1996 г.).

На этих выборах блок Берлускони — Фини и Лига Севера выступили порознь, а противостоящие им левые и левоцентристские силы (ДПЛС и левые католики во главе с Романо Проди) объединились в блок «Олива» и одержали победу (43,4% голосов против 42,1% за блок правых). В правительстве, сформированном Р. Проди, представители ДПЛС получили пост вице-премьера (его занял Вальтер Вельтрони) и шесть министерских портфелей из двадцати. Партия КВ, не входя в блок «Олива», поддерживала его кандидатов на выборах, а затем присоединилась к парламентскому большинству, на которое опирался кабинет Проди.

Таким образом, новая избирательная система открыла путь чередованию у власти различных политических блоков, которого при республике раньше не было. Но «несовершенная двухпартийность» ушла в прошлое не только и не главным образом потому, что изменился механизм выборов. Отпал фактор внешнего порядка, способствовавший ее длительному сохранению, — неизменное противодействие США допущению к власти коммунистов. ИКП уже не было, продолжать собственно коммунистическую традицию пыталась лишь небольшая по численности и влиянию партия КВ, тогда как ДПЛС довела до логического конца процесс перехода на социал-демократические позиции, начавшийся много раньше в ИКП. Она уже не признавала себя преемницей ИКП, вступила в Социалистический интернационал, а в 1998 г. приняла новое название — Левые демократы (ЛД), отражавшее смену организационных принципов: партия ЛД стремилась стать широким объединением различных групп и движений левой и левоцентристской ориентации, в ней допускалось и коллективное членство.

Переход правительственной власти к блоку «Олива» не означал поэтому принципиальных изменений во внутривнутриполитическом курсе — в частности, в сфере экономической и социальной политики. Присоединение Италии в 1993 г. к Маастрихтскому договору возлагало на нее ряд достаточно жестких обязательств (сокращение государственного регулирования экономики, снижение до определенных показателей государственного долга и бюджетного дефицита и т. д.), выполнением которых были озабочены все сменявшие друг друга правительства. Продолжались начатые при пятипартийной коалиции приватизация государственной собственности и уменьшение бюджетных ассигнований на социальные нужды. В 1992 г. было окончательно прекращено финансирование развития Юга за счет общегосударственных средств. Работодатели были освобождены от взносов в фонд здравоохранения, их доля в пенсионном фонде пересматривалась в сторону сокращения.

Италия принадлежала к странам Европы с наиболее высоким уровнем социальной защищенности трудящихся, который был завоеван многими десятилетиями борьбы. Теперь эти завоевания оказались под вопросом. С одной стороны, они были порождены другой эпохой, когда основу итальянской промышленности (и соответственно — средоточие главных сил рабочего класса) составляло крупное фабрично-заводское производство. Происшедшие с тех пор структурные изменения в экономике обесценили в глазах рабочих многое из того, что было записано в Статуте прав трудящихся: по данным 1997 г., из 20 млн занятых лишь 9 млн (т. е. меньше половины) считали этот документ выражением своих интересов. С другой стороны, масштабы существующих в Италии социальных льгот были несовместимы с курсом на жесткую экономию, который диктовал Маастрихтский договор. Но попытки урезать социальные завоевания наталкивались на упорное сопротивление все еще сильных профсоюзов и других массовых организаций (пример — реакция на реформу пенсионной системы, начатую правительством Берлускони). Провести действительно необходимые преобразования в социальной сфере можно было лишь путем согласования различных позиций, поисков компромисса — и именно такой линии старались придерживаться левые силы как до, так и после того, как они стали участвовать в правительстве.

Подвижная шкала заработной платы, действие которой было ограничено еще в 80-е годы, в 1992 г. была отменена по соглашению между профсоюзами, правительством и Конфедерацией промышленников. Но на протяжении 1993—1998 гг. три стороны достигли новых договоренностей, которые создавали более гибкий механизм регулирования зарплат, касались повышения эффективности службы занятости, снижения налогов с фонда зарплаты и с физических лиц, имеющих доход ниже среднего уровня, и т. д. При правительстве левых улучшилось положение на рынке труда: на 1 млн увеличилось количество рабочих мест, а число безработных сократилось с 12% до 10% трудоспособного населения.

В 90-е годы процесс глобализации поставил Италию, приобщившуюся к странам «золотого миллиарда», перед новой для нее проблемой — массовой иммиграцией (часто нелегальной) из развивающихся стран. На этом, как уже упоминалось, спекулировала Лига Севера, рассматривая иммиграцию как таковую в качестве резервуара преступности, разжигая среди населения ксенофобию и расовые предрассудки. Суть правительственной политики в вопросе об иммиграции В. Вельтро-ни (один из лидеров ЛД) сформулировал так: «...открытые двери для тех, кто прибывает в Италию, чтобы трудиться, и суровая рука для тех, кто едет, чтобы преступить закон»¹.

Правительство Р. Проди просуществовало до октября 1998 г. и ушло в отставку, получив в палате депутатов вотум недоверия (с перевесом в один голос) при обсуждении проекта бюджета, который отказалась поддержать часть фракции КВ. Новый кабинет блока «Олива» возглавил лидер ЛД Массимо Д'Алема. В кабинет также вошли два представителя отколовшейся от КВ группы, которая не одобряла голосование против бюджета; в парламенте ему оказало поддержку центристское объединение «Демократический союз за республику» во главе с Франческо Коссигой (в прошлом — премьер-министром от ХДП, а в 1985—1992 гг. — президентом республики).

При кабинете Д'Алемы в Италии была отменена воинская служба по призыву и осуществлен перевод вооруженных сил на контрактную основу.

Д'Алема еще в 1997 г. стал председателем созданной по его инициативе комиссии из представителей обеих палат парла-

¹ Цит. по: *Левин И. Б.* Первое «пятилетие левых» в Италии // *Левые в Европе XX века: Люди и идеи.* М., 2001. С. 443.

мента, имевшей целью подготовить реформу конституции. Это была уже третья по счету попытка приступить к конституционной реформе: подобные же парламентские комиссии создавались в 1983 г. (председатель — либерал А. Боцци) и в 1992 г. (председатели — сначала христианский демократ Ч. Де Мита, а затем — Л. Йотти, до роспуска ИКП являвшаяся членом ее руководства, вдова П. Тольятти). Но обе эти комиссии не смогли осуществить намеченное. Для реформы конституции требовалось, чтобы парламент выразил свое согласие с ней квалифицированным большинством в две трети депутатов и сенаторов, однако до вступления в действие новой избирательной системы это оказалось невозможным.

Комиссия Д'Алемы приступила к работе, когда в парламенте в результате выборов 1994 и 1996 гг. получили представительство совершенно другие партии, а его персональный состав обновился примерно на 90%. Рамки возможного пересмотра конституции еще в 1988 г. были определены специальным решением Конституционного суда, согласно которому не могло изменяться содержание ее первых двух глав, т. е., в частности, положения, придававшие демократической республике в Италии социально ориентированный характер. Поэтому речь могла идти лишь о реформировании политического устройства итальянского государства, и в этой части общее направление реформы удалось согласовать между разными парламентскими фракциями — как поддерживающими правительство, так и оппозиционными. Разработанный комиссией проект предусматривал переход от парламентской республики к президентской, уменьшение численного состава обеих палат парламента при более четком разделении их функций, внесение (с учетом накопленного опыта областного и местного самоуправления) элементов федерализма в структуру государства.

Однако реформа конституции не состоялась и на этот раз. В начале 1998 г. проект комиссии был внесен в палату депутатов, но в ходе его обсуждения от обещанного сотрудничества с левыми отказалась партия Берлускони. После продолжавшихся полгода дебатов проект был снят с повестки дня палаты. Референдум же по вопросу о внесении изменений в конституцию, назначенный на 9 апреля 1999 г., провалился — его результаты были признаны недействительными из-за низкой явки избирателей.

Судьба конституционной реформы в Италии свидетельствует о том, что процесс перехода от Первой республики ко Второй не может к началу XXI в. считаться завершенным. В то же время примечательно, что избиратели проявили слабый интерес к референдуму относительно пересмотра конституции. Такая политическая пассивность — немаловажный симптом настроений, распространившихся в обществе.

Крутые политические изломы 90-х годов (иногда говорят о том, что Италия пережила «политическое землетрясение») способствовали болезненной для многих смене идейных ориентиров. Это особенно заметно среди тех, кто традиционно симпатизировал левым. По признанию В. Вельтрони — одного из лидеров ЛД и инициаторов ее безоглядного разрыва с коммунистической традицией, — этот разрыв дал результаты, противоположные ожидаемым, оставив после себя разочарование, пустоту, «выжженную землю»¹. Численность ДПЛС, а затем ЛД неуклонно снижается, на протяжении 90-х годов она уменьшилась примерно на треть. Перечеркивание прошлого ИКП и ее роли в истории Италии включается в начавшийся ранее общий процесс пересмотра тех исторических представлений, которые под влиянием левых сил стали частью массового сознания итальянцев.

В этом процессе активно участвуют СМИ (телевидение, напомним, в значительной мере контролируется Берлускони), а также профессиональные историки, такие, как бывший посол Италии в СССР Серджо Романо. В своей книге «Конец Италии» (1995) он утверждает, что в период республики итальянскую историю после Объединения переписывали на собственный лад интеллектуалы-марксисты и интеллектуалы-католики. Те и другие видели в национальном прошлом лишь негативные моменты (военные поражения, подавление народных выступлений и т. п.) и игнорировали или принижали значимость всего, чем итальянцы могли бы гордиться. К 80-м годам, по мнению Романо, история той Италии, которая вышла из Рисорджименто, закончилась, а наследницей идеологии Рисорджименто стала идеология европеизма.

Хотя эпоха Рисорджименто — уже достаточно отдаленное прошлое, с ее деятелями и сегодня «сводят счеты». Лига Севера, культивирующая региональный сепаратизм, чернит па-

¹ Цит. по: Левин И. Б. Первое «пятилетие левых» в Италии. С. 462.

мь борцов за создание единого итальянского государства — Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Укореняются (говоря словами того же Вельтрони) «представления о Рисорджименто как плоде якобинского бесчинства»¹.

Но сильнее всего тенденция к пересмотру истории проявляется в отношении таких проблем, как фашизм и Сопротивление. Ее зачинателем можно считать крупнейшего итальянского исследователя фашизма Ренцо Де Феличе (1929—1996). Он был автором многотомной биографии Муссолини, публиковавшейся на протяжении примерно трех десятилетий и написанной с привлечением огромного количества документов. Де Феличе нарочито отказывался комментировать их, дабы продемонстрировать свою абсолютную непредвзятость, но в действительности такое использование документов было скрытой формой апологии Муссолини и итальянского варианта фашизма. В 80-е годы Де Феличе и его последователи стали привлекаться в качестве консультантов документальных телепередач о периоде фашизма — например, серии «Все люди дуче», где в изображении сподвижников Муссолини делался упор на их личные качества, и они выглядели довольно симпатичными персонажами. В оценке Сопротивления центр тяжести смещался в сторону гражданской войны, в действительности являвшейся лишь одним из аспектов движения. На эту тему на рубеже 80—90-х годов много писали исторические журналы, а в 1997 г. вышла книга Де Феличе «Гражданская война: 1943—1945». Стали говорить о том, что следует реабилитировать участников этой войны со стороны «республики Салó», так как они сражались с благими намерениями, считая, что защищают свою страну. В 1997 г. с подобным предложением выступил облеченный высокими полномочиями политик — председатель палаты депутатов Л. Виоланте (ДПЛС). Историк и политический комментатор Э. Галли делла Лоджа пошел еще дальше: в своей книге «Смерть родины» (1996) он перенес вину за исчезновение у итальянцев патриотизма на партизан-антифашистов.

Между тем правление блока «Олива» вызывало нарастающее разочарование избирателей, что проявилось на проходивших в конце 90-х годов муниципальных и провинциальных, а весной 2000 г. — областных выборах. Левые проигрывали

¹ Цит. по: Левин И. Б. Первое «пятилетие левых» в Италии. С. 462.

повсюду, потеряв даже традиционный оплот коммунистов — Болонью. В столичной области Лацио впереди всех других партий оказался Национальный Альянс. Поражение «Оливы» на региональных выборах побудило Д'Алему уйти в отставку с поста премьера. Этот пост занял бывший социалист Джулиано Амато, уже возглавлявший правительство в начале 90-х годов.

Очередные парламентские выборы, состоявшиеся весной 2001 г., вернули к власти правую коалицию. На выборах в палату депутатов она получила по мажоритарной системе 45,4% голосов и 282 места (блок «Олива» — 43,7% и 189 мест). По пропорциональной системе за партию Берлускони «Вперед, Италия!» было подано 29,4% голосов. Берлускони вновь возглавил правительство, а вице-премьером стал лидер Национального Альянса (12% голосов) Дж. Фини. После возвращения в правительство он подчеркнуто дистанцируется от фашизма времен Муссолини (в частности, подверг критике расовые законы, а годовщину победы национального антифашистского восстания — 25 апреля — назвал праздничным для всех итальянцев днем возвращения к свободе и демократии). Левые демократы после пятилетнего пребывания в правительстве вышли из избирательной кампании с потерями (16,6% за ЛД против 21,1% за ДПЛС в 1996 г.).

Можно ли за теми сдвигами, которые произошли в Италии с начала 90-х годов, разглядеть возникновение новых, достаточно устойчивых тенденций в ее историческом развитии? Пока об этом судить рано. Ответ на этот вопрос даст XXI век — а он только начинается.

Заключение

О XX столетии чаще всего говорят как о самом трагичном в истории человечества. Италии, как и многим другим странам, оно принесло тяжелые испытания. Она участвовала в обеих мировых войнах, оказалась первой страной, где установилась фашистская диктатура (само слово «фашизм» вошло в международный политический лексикон из итальянского языка). Фашистский режим в Италии, просуществовавший более 20 лет, стал одной из исторических форм тоталитаризма, хотя и менее жесткой по сравнению с гитлеровским или сталинским вариантом. Но итальянская история продемонстрировала также и не имеющий себе равного опыт преодоления тоталитаризма в ходе массовой, общенародной по составу участников борьбы за демократию — вооруженной в годы Сопrotивления и политической в последующий период.

На протяжении XX в. Италия превратилась из монархии в республику, стала страной с развитой системой политических партий. Сами партии при этом эволюционировали, в истории итальянской партийно-политической системы были поворотные моменты и разные этапы (утверждение в политической жизни первых массовых партий — на закате либерального государства, переход доминирующей роли от либералов к ХДП — после освобождения от фашизма, формирование «несовершенной двухпартийности» ХДП — ИКП, смена прежнего «поколения» партий в 90-е годы).

За истекшее столетие очень сильно изменился социально-экономический облик Италии. Из страны, в 1900-е годы лишь начинавшей наверстывать свое отставание в промышленном развитии, отягощенной грузом полуфеодалных аграрных отношений на Юге, делавшей первые шаги в области социального законодательства, она превратилась в полноправного, имеющего солидный вес участника интеграционных процессов в Европе, входит в «Большую восьмерку», опережает ряд стран по уровню социальной защиты граждан. С лати-

фундиейми покончено, на Юге отмечается прогресс в становлении новых форм самостоятельной активности населения (институтов гражданского общества), обещающий постепенное преодоление господства традиционалистских отношений и связей. В 90-е годы итальянские правоохранительные органы впервые добились крупного успеха в борьбе с мафией, обезвредив всю ее верхушку.

Италия была и остается страной богатой духовной жизни. В XX в. она вписала прекрасные страницы в историю мировой культуры — философии, общественной мысли, изобразительного, театрального и кинематографического искусства, музыки, литературы. Присвоение статуса Европейского театра миланскому «Пикколо», широкая международная известность творчества У. Эко — свидетельства того, что и в новый век Италия вступает как признанный носитель высоких культурных ценностей.

Давно и неоднократно отмечено, что исторические судьбы Италии и России связаны многими нитями, а в чем-то даже сходны. Это сходство относится и к XX веку: обе страны пережили опыт тоталитаризма, обе оказались (в разное время) перед проблемой перехода к демократии, в обеих синхронно — с начала 90-х годов — развернулся процесс смены политической системы, сопровождавшийся похожей по направленности переоценкой событий и явлений прошлого. Различные аспекты итало-российских отношений и связей традиционно привлекали внимание отечественных историков. В советское время им посвящались двусторонние научные конференции, за последнее десятилетие под эгидой Института всеобщей истории РАН опубликован ряд тематических сборников «Россия и Италия». Хотелось бы, чтобы традицию продолжило и молодое поколение историков, которому адресована эта книга.

Рекомендуемая литература

- Барабанов О. Н.* Италия после «холодной войны»: От «средней державы» к «миру протагонистов». М., 2002.
- Белюсов Л. С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000.
- Бушуева С.* Итальянский современный театр. Л., 1983.
- Гайдук В. П.* Христианская демократия в Италии: 60—70-е годы. М., 1985.
- Граммши А.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1957—1959.
- Граммши А.* Избранные произведения. М., 1980.
- История Италии: В 3 т. / С. Д. Сказкин, К. Ф. Мизиано, С. И. Дорофеев. М., 1970—1971. Т. 2—3.*
- Италия: Конституция и законодательные акты. М., 1988.*
- Италия — операция «Чистые руки». М., 1999.*
- Кин Ц. И.* Италия конца XIX в.: Судьбы людей и теорий. М., 1978.
- Кин Ц. И.* Италия на рубеже веков. М., 1980.
- Кин Ц.* Миф, реальность, литература. М., 1968.
- Кирова К. Э.* Русская революция и Италия. М., 1968.
- Комолова Н. П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии: 1943—1947 гг. М., 1972.
- Комолова Н. П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. М., 2005.
- Комолова Н. П.* Путь историка: Георгий Семенович Филатов. М., 2003.
- Левин И. Б.* Италия после Первой республики // *Политические институты на рубеже тысячелетий.* Дубна, 2001.
- Левин И. Б.* Первое «пятилетие левых» в Италии // *Левые в Европе XX века: Люди и идеи.* М., 2001.
- Лисовский Ю. П.* Италия от фашизма к демократии: Трудные пути послевоенной перестройки. М., 1990.
- Лисовский Ю. П.* Южный вопрос и социальные конфликты в Италии: Опыт экономико-социологического исследования. М., 1979.
- Лисовский Ю. П., Любин В. П.* Политическая культура Италии. М., 1996.
- Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977.
- Лопухов Б. Р.* Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986.
- Любин В. П.* Италия накануне вступления в первую мировую войну. М., 1982.

- Любин В. П. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы (переход от Первой ко Второй республике). М., 1997.
- Маджистер С. Политика Ватикана и Италия: 1943—1978. М., 1982.
- Мирный договор с Италией. М., 1947.
- Михайленко В. И. Итальянский фашизм: Основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
- Романо С. Идеи европеизма в Италии после Второй мировой войны // *Европейский альманах*. М., 1990.
- Росселли К. Либеральный социализм. MondOperaio, 1989.
- Россия и Италия. Выпуск 3: XX век / Л. М. Баткин, Л. М. Брагина и др. М., 1998.
- Рубби А. Мир Берлингуэра. М., 1995.
- Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов / Под ред. В. П. Любина. М., 2004.
- Современное искусство: Италия. Кино, театр, живопись, скульптура, архитектура. М., 1970.
- СССР — Италия. Страницы истории: 1917—1984. М., 1985.
- Токарева Е. С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии: 1922—1943. М., 1999.
- Тоталитаризм в Европе XX в.: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова и др. М., 1996.
- Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.
- Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.
- Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984.
- Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция социально-политического сознания трудящихся в 1945—1985 гг. М., 1989.
- Холодковский К. Г. Партийно-парламентская система Первой республики в Италии: историческая обусловленность и кризис // *Эволюция политических институтов на Западе*. М., 1999.
- Хормач И. А. Италия и СССР: 1924—1939. Дипломатические и экономические отношения. М., 1995.
- Черветти Дж. Золото Москвы: Свидетельство участника финансовых операций с КПСС. М., 1995.

Приложение

Краткая хронология

1861	создание Итальянского королевства (его конституция — Альбертинский статут 1848 г.)
1870	завершение объединения Италии (присоединение Рима, ликвидация светской власти папы)
1892	образование Партии итальянских трудящихся (Итальянской социалистической партии — ИСП) — первой политической партии в Италии
1900—1944	правление короля Виктора Эммануила III
1901—1914	«либеральная эра» Дж. Джолитти (кабинеты, возглавляемые Джолитти: 1903—1905, 1906—1909, 1911—1914)
1904, сентябрь	всеобщая политическая стачка
1911, сентябрь — 1912, октябрь	итало-турецкая война (завоевание Триполитании и Киренаики и создание колонии Ливия) — избирательная реформа (введение всеобщего избирательного права для мужчин)
1914, июнь	«Красная неделя»
3 августа	декларация Италии о нейтралитете в начавшейся мировой войне
1915, апрель,	соглашение Италии со странами Антанты об участии в войне на их стороне
23 мая	объявление Италией войны Австро-Венгрии
1916, август	объявление Италией войны Германии
1917, август	антивоенное восстание рабочих в Турине
октябрь	развал итальянского фронта под Капоретто
1918, 4 ноября	капитуляция Австро-Венгрии на итальянском фронте

1919, январь	образование католической Народной партии (впоследствии — Христианско-демократическая партия)
март	возникновение фашистского движения (образование первого «боевого союза»)
август	избирательная реформа (введение голосования по партийным спискам и пропорциональной системы представительства в палате депутатов)
сентябрь	вооруженный захват Фиуме сторонниками Г. Д'Аннунцио
октябрь	решение съезда ИСП в Болонье о присоединении к Коммунистическому Интернационалу
1920, сентябрь	занятие рабочими предприятий ряда отраслей промышленности
1921, январь	съезд ИСП в Ливорно, ее раскол и образование Коммунистической партии Италии (КПИ, с 1944 г. — ИКП)
ноябрь	преобразование фашистских «боевых союзов» в партию
1922, февраль	создание Союза труда (координационного центра с участием пяти профсоюзных объединений для противодействия фашизму)
август	забастовка «в защиту закона» и распад Союза труда
октябрь	создание Итальянской либеральной партии; приход к власти фашизма
1923, июль	пересмотр избирательной системы («закон Ачербо»)
1924, 7 февраля	установление дипломатических отношений между Италией и СССР
июнь—декабрь	«кризис Маттеотти»
1926, октябрь—ноябрь	чрезвычайные законы, ликвидация легальной политической оппозиции в стране
1927, апрель	Хартия труда (оформление идей фашистского корпоративизма)

1928, май	закон о реформе политического представительства
1929, февраль	Латеранские соглашения (примирение между итальянским государством и папским престолом)
1929	создание в Париже организации «Справедливость и свобода»
1930—1934	создание системы отраслевых корпораций
1933, сентябрь	договор между Италией и СССР о дружбе, ненападении и нейтралитете
1934, август	соглашение о единстве действий КПИ—ИСП
1935, октябрь— 1936, май	итало-эфиопская война (после захвата Эфиопии — провозглашение Италии империей)
конец июля	начало итальянской интервенции в Испании
1937, 27 апреля	смерть А. Грамши
июнь	убийство братьев Россели — лидеров «Справедливости и свободы»
ноябрь	присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту»
декабрь	выход Италии из Лиги Наций
1938, 29—30 сентября	участие Италии в Мюнхенской конференции
сентябрь— ноябрь	принятие расовых законов
1939, январь	ликвидация выборной палаты парламента и создание Палаты фаши и корпораций
апрель	оккупация и аннексия Албании
май	«Стальной пакт» (военный союз между Италией и Германией)
1939, сентябрь— 1940, июнь	Италия на позиции «невоюющей стороны» во Второй мировой войне
1940, 10 июня	вступление Италии во Вторую мировую войну (объявление войны Франции и Англии)
1940, октябрь— 1941, апрель	военные действия Италии на Балканах (против Греции и Югославии)
1941	соучастие Италии в гитлеровской агрессии против СССР; военное поражение Италии в Восточной Африке

1941, 11 декабря	объявление Италией и Германией войны США
1942	потеря Ливии и отступление итальянских войск в Тунис
1942, декабрь—1943, январь	разгром АРМИР на Восточном фронте
1943, 3 марта	соглашение в Лионе о единстве действий между КПИ, ИСП и движением «Справедливость и свобода»
начало июля	создание в Милане Комитета оппозиционных партий
9 июля	высадка англо-американских войск на Сицилии
25 июля	отстранение Муссолини от власти и формирование правительства П. Бадольо
3 сентября	капитуляция Италии перед Объединенными Нациями (объявление о капитуляции — 8 сентября)
9 сентября	создание в Риме Комитета национального освобождения с участием 6 антифашистских партий
9—10 сентября	нацистская оккупация Северной и Центральной Италии
23 сентября	провозглашение в оккупированной части Италии неофашистской Итальянской социальной республики («республика Салё»)
27—30 сентября	«четыре дня Неаполя» (народное восстание, ставшее началом вооруженного Сопротивления)
13 октября	объявление Италией войны Германии
конец октября	конференция министров иностранных дел СССР, Англии и США в Москве, создание Консультативного совета по вопросам Италии, принятие «Декларации об Италии»
1944, январь	конгресс Комитетов национального освобождения в Бари и угроза раскола антифашистского единства
11 марта	установление Советским Союзом непосредственных отношений с правительством Бадольо
апрель	реорганизация правительства Бадольо на началах коалиции антифашистских партий

1944,	июнь	освобождение Рима, отречение от престола Виктора Эммануила III, формирование правительства И. Бономи; создание единой партизанской армии — Корпуса добровольцев свободы
	25 октября	восстановление полных дипломатических отношений между СССР и Италией
	декабрь	Римские протоколы (соглашение между англо-американским командованием и силами Сопротивления о взаимодействии на заключительном этапе войны и дальнейшей судьбе партизанских формирований)
1945,	24—29 апреля	освободительные восстания в Северной Италии; захват и казнь Муссолини партизанами
	июнь— декабрь	правительство Ф. Парри
1946,	2 июня	выборы в Учредительное собрание и референдум по вопросу о форме государственного устройства, победа республики
1947,	10 февраля	мирный договор с Италией (ратифицирован Учредительным собранием 15 сентября)
	май	раскол антифашистского единства и создание однопартийного кабинета А. Де Гаспери (ХДП)
1948,	18 апреля	парламентские выборы, закрепившие установление политического господства ХДП
1949,	март	присоединение Италии к НАТО
1950		аграрная реформа
1953		попытка антидемократического пересмотра избирательной системы и ее провал
1956		разрыв сотрудничества между ИСП и ИКП
1957		Римские соглашения об общем рынке (Италия — инициатор и участник)
1960,	июнь—июль	активизация неофашизма и подъем массового антифашистского движения; падение правительства Ф. Тамброни
1962,	февраль	приход в власти левоцентристской коалиции (правительство А. Фанфани)
1967—1968		подъем студенческого движения

1969	«жаркая осень» (борьба за новые условия коллективных трудовых соглашений и расширение прав рабочих организаций)
1970	Статут прав трудящихся
1976, июнь— 1979, март	политика «национальной солидарности»
1978	похищение и убийство террористами из «Красных бригад» председателя ХДП А. Моро
1980	приход к власти пятипартийной коалиции
1991, январь	XX съезд ИКП и прекращение ее существования (образование Демократической партии левых сил и партии Коммунистического воссоздания)
1991—1993	переход от пропорциональной избирательной системы к мажоритарной; операция «Чистые руки» и кризис традиционных правительственных партий
1993	присоединение Италии к Маастрихтскому договору
1994, 27 марта	победа на парламентских выборах блока правых партий («Вперед, Италия!», Лига Севера и Национальный Альянс)
1996, 23 апреля	победа на выборах левоцентристской коалиции «Олива»
1996—2001	левоцентристы у власти (правительства Р. Проди, М. Д'Алемы, Дж. Амато)
2001, май	возвращение к власти правой коалиции (правительство С. Берлускони)

Условные сокращения

АКЛИ	Христианская ассоциация итальянских трудящихся
АРМИР	Итальянская армия в России
БФС	Большой фашистский совет
ВИКТ	Всеобщая итальянская конфедерация труда
ВКТ	Всеобщая конфедерация труда
ДМНБ	Добровольная милиция национальной безопасности
ДПЛС	Демократическая партия левых сил
ИКП	Итальянская коммунистическая партия
ИКПТ	Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся
ИКТ	Итальянская конфедерация труда
ИРИ	Институт промышленной реконструкции
ИСД	Итальянское социальное движение
ИСДП	Итальянская социал-демократическая партия
ИСП	Итальянская социалистическая партия
ИСППЕ	Итальянская социалистическая партия пролетарского единства
ИСТ	Итальянский союз труда
КАУР	Комитеты действия за универсализацию Рима
КВ	партия Коммунистического воссоздания
КНО	Комитет национального освобождения
КНОСИ	Комитет национального освобождения Северной Италии
Коминформ	Информационное бюро коммунистических и рабочих партий
КПИ	Коммунистическая партия Италии
ЛД	Левые демократы
ОВРА	фашистская тайная политическая полиция
ОСП	Объединенная социалистическая партия
УСП	Унитарная социалистическая партия
ХДП	Христианско-демократическая партия
ЭНИ	Национальное управление жидкого топлива
ЭУР	Всемирная выставка, Рим

Указатель имен¹

- Алатри П. 83, 84
 Александер Х. 159
 Альбертини Л. 27, 33, 83
 Альянде С. 211
 Амато Дж. 241
 Амброзио 142
 Амендола Дж. 83—85, 87, 89, 94
 Амундсен Р. 98
 Андреотти Дж. 212
 Ачербо Дж. 83, 185
- Бадольо П. 142, 143, 145, 146—149, 154—157
 Бакунин М. А. 38
 Баретти Дж. 96
 Бассанези Дж. 120, 121
 Бассо Л. 140, 232
 Батталья Р. 151
 Белоусов Л. С. 77, 106, 111, 138
 Бергсон А. 32, 34
 Берлингуэр Э. 211, 212, 232
 Берлускони С. 233—236, 238—241
 Бертолуччи Б. 223
 Биссолати Л. 17, 38, 42, 48
 Бозелли П. 48, 55
 Бономи И. 38, 48, 72, 74, 152, 157, 170
 Бонтемпелли М. 99
 Бордига А. 64, 65, 67, 73, 74, 80
- Босси У. 231
 Боттаи Дж. 142—144
 Боцци А. 238
- Вахтангов Е. Б. 191
 Вельтрони В. 235, 237, 239
 Верга Дж. 29
 Видуссони А. 142
 Виктор Эммануил III 10, 37, 41, 88, 116, 142, 157, 170
 Вильсон В. 52, 57
 Виоланте Л. 240
 Висконти Л. 191
 Витторини Э. 189
 Водовозов В. 53
 Вольпе Дж. 94, 95, 187
- Галли делла Лоджа Э. 240
 Гарибальди Дж. 7, 28, 45, 153, 240
 Гарибальди П. 42
 Гевара Э. (Че) 205, 222
 Гегель Г.-Ф. 32, 33
 Гендерсон А. 54
 Герцог Аостский 132
 Герцог Сполетский 131
 Гитлер А. 109, 127—129, 131, 132, 134, 136, 145, 148, 179
 Гобетти П. 85, 95, 96, 120
 Гольденберг И.-П. 54
 Гольдони К. 192

¹ Указатель составлен к основному тексту (с. 6—243).

- Горький М. 192
 Грамши А. 65, 66, 67, 84, 87, 89, 90, 123, 188, 216
 Гранди Д. 142, 143, 145, 146
 Гронки Дж. 186
 Гулло Ф. 166
 Гуттузо Р. 189, 190

 Д'Алема М. 237, 238, 241
 Д'Аннунцио Г. 30, 35, 37, 43, 46, 60, 61, 68
 Дарвин Ч. 20
 Де Амбрис А. 42, 43
 Де Бозис Л. 121
 Де Боно Э. 85, 87, 88
 Де Гаспери А. 140, 165, 168, 171, 175, 177, 178, 181, 182, 186, 187
 Де Голль Ш. 136
 Де Мита Ч. 238
 Де Никола Э. 171, 175
 Де Сантис Дж. 190
 Де Сика В. 190
 Де Феличе Р. 240
 Де Филиппо Э. 191
 Джентиле Дж. 32, 33, 92, 93, 94, 187
 Джентилони В.-О. 27
 Джойс Дж. 99
 Джолитти Дж. 11—17, 20, 22, 26, 27, 33, 34, 37, 39, 40—42, 46, 67, 72, 73, 88
 Дзаваттини Ч. 190
 Дзанарделли Дж. 12, 20
 Дини Л. 235
 Ди Пьетро А. 233
 Донати Дж. 120, 121
 Думини А. 85, 87

 Засулич В. И. 18

 Иоанн XXIII 199
 Иоанн Павел II 224
 Йотти Л. 238

 Кабрини А. 39
 Каваллеро У. 142
 Каваллотти Ф. 28
 Кавур К.-Б. 7, 23
 Кагол М. 222, 223
 Кадорна Л. 50
 Кадорна Р. 158
 Кальвино И. 189
 Каппа И. 54
 Кардель Э. 179
 Карлотти 56
 Кейтель В. 148
 Кессельринг А. 157
 Кин Ц. И. 25, 31, 99, 112, 113, 114, 196
 Кирова К. Э. 48, 51
 Кодряну К. 223
 Комолова Н. П. 167, 154
 Коррадини Э. 35, 93
 Корридони Ф. 42, 43
 Коссига Ф. 237
 Коста А. 20, 38
 Кракси Б. 215, 216, 228, 233
 Криспи Ф. 9, 28
 Кропоткин П. А. 38
 Кроче Б. 32, 33, 93, 94, 95, 120, 140, 156, 167, 188
 Кувалдин В. Б. 220, 221
 Кулишова А. 18, 19
 Курчо Р. 222
 Къеза Э. 85

 Лабриола Ант. 18, 19
 Лабриола Арт. 21, 54, 56
 Ладзари К. 48
 Лев XIII 24
 Левин И. Б. 237, 239, 240
 Ленин В. И. 48, 54, 216
 Леоне Дж. 213
 Леонкавалло Р. 29
 Лерда Дж. 54
 Лиццадри О. 140
 Лой Н. 153

- Лонго Л. 159, 232
 Лопухов Б. Р. 78, 100, 101
 Лупорини Ч. 223
 Любин В. П. 44
 Людвиг Э. 113
 Люссу Э. 141
- Мадзакурати М. 158
 Мадзини Дж. 7, 28, 97, 136, 137, 153, 240
 Мальро А. 99
 Манн Т. 100
 Маринелли Дж. 85, 87
 Маринетти Ф.-Т. 31, 34, 93
 Маркони Г. 98
 Маркс К. 18, 22, 38, 216
 Мартини Ф. 41
 Маршалл Дж. 182, 193
 Масканьи П. 29
 Массола У. 141
 Маттеотти Дж. 3, 82, 84—86, 87, 88, 89, 153
 Меда Ф. 48
 Мизиано К. Ф. 20
 Мильеран А. 21
 Михельс Р. 98
 Молотов В. М. 155
 Монтаньяна М. 666 67
 Монтгомери Б. 132, 133
 Моравиа А. 99, 196, 223
 Моргари О. 56
 Моро А. 202, 212, 213, 223, 232
 Моска Г. 33, 35, 98
 Мурри Р. 25
 Муссолини Б. 38, 39, 43, 45, 68, 72—75, 77—79, 82—90, 92, 93, 98, 99—101, 105, 106, 108—110, 112—117, 121, 122, 126—134, 142—151, 161, 163, 175, 179, 187, 240, 241
 Мутти К. 223
- Нальди Ф. 44
 Негри А. 223
 Ненни П. 164, 166, 197, 203, 232
 Николай II 37
 Нитти Ф.-С. 63, 74, 83, 88, 140
 Ницше Ф. 30, 32, 34, 38
 Нобиле У. 98
- Омодео А. 156
 Ориани А. 34
 Орlando В.-Э. 55, 140
- Павезе Ч. 189
 Палланте А. 179
 Папини Дж. 34
 Парето В. 33, 98
 Парри Ф. 139, 159, 164, 166—168, 188, 232
 Пасколи Дж. 35
 Паулюс Ф. 133
 Паччарди Р. 136
 Пелла Дж. 186
 Пеллу Л. 9
 Пертини А. 213
 Петацчи К. 161
 Пий IX 9, 23
 Пий X 25, 26
 Пий XI 74
 Пий XII 142, 181, 199, 200
 Пиранделло Л. 29, 93
 Полетаев Ф. А. 161, 162
 Пратолини В. 189
 Преццолини Дж. 34
 Проди Р. 235, 237
 Пуччини Дж. 29
- Раймондо О. 54
 Риббентроп Й. 128, 148
 Рильке Р. М. 99
 Роатта М. 147, 149
 Рокко А. 35
 Романо С. 239

- Ромита Дж. 140, 180
Роммель Э. 132
Росселли К. 119, 122, 123, 128
Росселли Н. 123
Росселлини Р. 190
Росси Ч. 85, 87
Русанов Н. С. 54
- Саландра А. 39, 42, 46—48, 50, 83
Сальвемини Г. 16, 34, 96, 97
Сан Джулиано А. 44
Сарагат Дж. 177, 178, 232
Секкья П. 179
Сенизе К. 142
Серрати Дж. М. 49, 64, 67, 75
Скорца К. 142
Скорцени О. 150
Скоччимарро М. 166
Смирнов А. Н. 54
Смирнов С. С. 162
Соннино С. 27
Сорель Ж. 21, 38
Соффичи А. 34, 93
Спавента Б. 32
Сталин И. В. 145, 155, 165, 179, 197
Стрелер Дж. 191, 192
Стурцо Л. 25, 59, 120, 136
Сфорца К. 136, 156
- Тамброни Ф. 201, 202
Террачини У. 175
Тольятти П. 90, 135, 141, 154, 155, 156, 163, 166, 179, 232, 233, 238
Тома А. 54
Торез М. 135
Тревес К. 56
Тронти М. 223
- Турати Ф. 12, 18—20, 64, 73, 119
Умберто I 10
Умберто II 157, 170—172
- Факта Л. 74, 75
Фанфани А. 187, 202
Федерцони Л. 87
Феллини Ф. 191
Фельтринелли Дж. 223, 224
Фенци Э. 223
Феррари Ф. Л. 120
Филиппелли Ф. 85
Фини Дж. 234, 241
Финци А. 87, 88
Фортис А. 16
Франкетти Л. 27
Франко Ф. 109, 126
Фреда Ф. 223
- Холодковский К. Г. 220
- Цвейг С. 99
- Черчилль У. 144, 155
Чиано Г. 128, 142, 143, 145, 151
- Шельба М. 186
Штирнер М. 38
- Эдуард VII 37
Эйнауди Л. 186
Эко У. 221, 223—225, 243
Энгельс Ф. 18
Эренбург И. Г. 99
Эрлих Г. М. 54
- Юлий Цезарь 113

Области и провинции Италии

Область	Областной центр и центр одноименной провинции	Центры остальных провинций
Абруццо	Л'Аквила	Терамо, Пескара, Кьети
Апулия	Бари	Бриндизи, Фоджа, Лечче, Таранто
Базиликата	Потенца	Матера
Валле д'Аоста	Аоста	_____
Венето	Венеция	Беллуно, Падуя, Ровиго, Тревизо, Верона, Виченца
Калабрия	Катандзаро	Реджо-Калабрия, Козенца
Кампания	Неаполь	Авеллино, Беневенто, Казерта, Салерно
Лацио	Рим	Фрозиноне, Латина, Риети, Витербо
Лигурия	Генуя	Империя, Ла Специя, Савона
Ломбардия	Милан	Бергамо, Брешия, Комо, Кремона, Мантуя, Павия, Сондрио, Варезе
Марке	Анкона	Асколи Пичено, Мачерата, Пезаро
Молизе	Кампобассо	_____
Пьемонт	Турин	Алессандрия, Асти, Кунео, Новара, Верчелли
Сардиния	Кальяри	Нуоро, Сассари
Сицилия	Палермо	Агридженто, Кальтаниссетта, Катания, Энна, Мессина, Рагуза, Сиракуза, Трапани
Тоскана	Флоренция	Ареццо, Гроссето, Ливорно, Лукка, Масса Каррара, Пиза, Пистойя, Сиена
Трентино-Альто-Адидже	Тренто	Больцано
Умбрия	Перуджа	Терни
Фриуле-Венеция-Джулия	Триест	Удине, Гориция
Эмилия-Романья	Болонья	Феррара, Форли, Модена, Парма, Пьяченца, Равенна, Реджо-Эмилия

ДРОФА

ISBN 5-7107-8195-9

9 785710 781951